

ISSN 2072-9391

№ 2 (70) Июнь 2024
№ 2 (70) June 2024

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2024

Главный редактор
Синенко Сергей Андреевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация.
Заместитель главного редактора
Бодя Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024 № 2 (70)

ИЮНЬ

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционный совет

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Майдыков Анатолий Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации;

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Сейтенов Калиолла Кабаевич, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;
Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института межкультурного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России;
Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Джоробекова Арзыгуль Маманюсуповна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке и учебной работе;
Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе);
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова;
Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Киричек Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России;
Кононов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Лексин Иван Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Можоева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мулукаев Роланд Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1;
Осокин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского государственного университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
Репьев Артём Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Солдатов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Старостин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Тишутина Инна Валериевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Целепов Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Шарипова Алия Рашитовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Мартыненко Наталья Эдуардовна (секретарь), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

Editor-in-Chief

Sergey A. SINENKO,

Dr. of Law, Associate Professor,
Head of the Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia. Moscow.
Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Lyudmila N. BODE,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Deputy Head
of the Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 2 (70)

JUNE

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Council

Suren A. Avakyan, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;
Larisa I. Beliyeva, Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Anti-Crime Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Anatoly F. Maydykov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs in Special Conditions of Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Igor M. Matskevich, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;
Elena R. Rossinskaya, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russian Federation;
Kaliolla K. Seytenov, Dr. of Law, Professor, First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Moscow, Russian Federation;
Boris S. Ebzeev, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Irina A. Andreyeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Mikhail Yu. Voronin, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow, Russian Federation;
Yurij V. Gavrilin, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Research – Head of the Department of Organization of Scientific Research, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russian Federation;
Boris Ya. Gavrilov, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Arzygul' M. Dzhorobekova, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Kyrgyz Republic, Deputy Head for Science and Academic Work, General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek, Kyrgyz Republic;
Oleg A. Dizer, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Chief (for Scientific Work) of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Zhanat R. Dilbarkhanova, Dr. of Law, Professor, Deputy Head, Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Astana, Republic of Kazakhstan;
Mihail P. Kireev, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Internal Affairs Bodies in the Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Evgeniy V. Kirichyok, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Anatolij M. Kononov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Strategic Management Problems of the Scientific Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Ivan V. Laksin, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;
Irina P. Mozhaeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia of the Center for Command and staff exercises. Moscow, Russian Federation;
Roland S. Mulukayev, Dr. of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Kirill V. Murav'ov, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Sergej A. Nevskij, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center № 1. Moscow, Russian Federation;
Roman B. Osokin, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russian Federation;
Nikolay V. Pavlichenko, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Alexander V. Pobedkin, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Dmitry V. Pozharsky, Dr. of Law, Associate Professor, Head of State and Legal Disciplines Department, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russian Federation;
Vladimir M. Redkous, Dr. of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation;
Artem G. Repyev, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines Department, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, Russian Federation;
Alexander P. Soldatov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the development of complex problems of law enforcement at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Sergej A. Starostin, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russian Federation;
Aleksandr A. Tarasov, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Inna V. Tishutina, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Valeriy F. Tsepelev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russian Federation;
Aliya R. Sharipova, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Natalia E. Martynenko (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation

Над номером работали:

Г. С. Синиченко,
В. А. Яровая

Техническая верстка: С. Н. Портновой

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75592 от 19 апреля 2019 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 28.06.2024.
Формат 60×84 1/8.

Объем 15,35 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 65 экз. Заказ № 26у.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: gio_aumvd@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
при Министерстве науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Академия управления МВД России, 2024

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024
№ 2 (70)

ИЮНЬ

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Кубякин Е. О., Аракелова Е. В. Динамика и типы правосознания в российском обществе 8
- Репьев А. Г. Фиктивный правовой статус как проявление обхода закона 16

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

- Россинский С. Б. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения 24
- Сизова В. Н. Актуальные вопросы формирования института уголовной ответственности юридических лиц: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства 33

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

- Верещагина А. В. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации 40
- Жандров В. Ю. Совершенствование взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и учреждений уголовно-исполнительной системы при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 51
- Косых В. А. Особенности выявления и фиксации криминалистически значимой информации о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации на этапе предварительной проверки 60
- Красильников А. В., Салеева Ю. В. Процессуальный и ведомственный контроль за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого: теория и практика организации в органах предварительного следствия в системе МВД России 70

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Владимиров В. Ю., Данилов И. А. Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях ее виртуализации 82

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Салтыков К. Г. Развитие понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина (к 95-летию Академии управления МВД России) 91

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Золотова Е. В. О зарубежном опыте оценки результатов служебной деятельности (аттестации) сотрудников органов внутренних дел (полиции) 99

Редкоус В. М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах – участниках СНГ 107

Трибуна молодого ученого

Барина Е. Д. Теоретико-правовое осмысление понятия и предмета правовых ожиданий 117

Мальцева Т. В. Особенности общеправового понимания и закрепления предупредительной функции права 124

Worked with issue:

G. S. Sinichenko,
V. A. Yarovaya

Technical layout by S. N. Portnova

The journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is required.

Print is signed 20.06.2024.

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 15,35 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 65 copies. Order № 26y.

Published 4 times a year.

Negotiable price.

Address of the Editorial Office and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.

E-mail: rio_aumvd@mvd.ru

Subscription index

at the General catalogue

"Pressa Rossii": 15548.

Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing

of the Publishing Department of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and High Education the Russian Federation journal "Proceedings

of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is included in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published by scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 2 (70)

JUNE

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENTS

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Kubyakin E. O., Arakelova E. V.** Dynamics and Types of Legal Awareness in Russian Society 8
- Rep'ev A. G.** Fictitious Legal Status as a Manifestation of Circumvention of the Law 16

CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

- Rossinskij S. B.** The Genesis of Doctrinal, Regulatory and Practical Approaches to the Form and Content of the Indictment 24
- Sizova V. N.** Topical Issues of the Formation of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities: Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation 33

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Vereshchagina A. V.** Teacher (Psychologist) in Criminal Proceedings of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation 40
- Zhandrov V. Yu.** Improving the Interaction of Operational Units of Internal Affairs Bodies and Institutions of the Penal Enforcement System in Detecting Crimes in the Field of Drug Trafficking 51
- Kosykh V. A.** Features of Identifying and Recording Forensically Significant Information about the Crimes under Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at the Stage of Preliminary Verification 60
- Krasil'nikov A. V., Saleeva Yu. E.** Procedural and Departmental Control over the Legality of Making Procedural Decisions Entailing the Rehabilitation of a Suspect (Accused), Defendant: Theory and Practice of Organization in the Bodies of Preliminary Investigation in the System of the Ministry of the Interior of Russia 70

For attention of the authors

The journal "Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the "Science" section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double "blind" peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

JUDICIAL-EXPERT ACTIVITY

- Vladimirov V. Yu., Danilov I. A.** Ensuring the Reliability of the Results of Forensic Examination in the Conditions of its Virtualization82

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

- Saltykov K. G.** Development of the Concept of "State Legal Mechanism for the Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens" in the Works of V. N. Butylin (to the 95th Anniversary of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia) 91

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

- Zolotova E. V.** On Foreign Experience in Assessing the Performance Results (Certification) of Employees of Internal Affairs Bodies (Police).....99
- Redkous V. M.** Using Foreign Experience in Order to Prepare Strategic Planning Documents in the Field of Public Safety in the CIS Member States..... 107

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

- Barinova E. D.** Theoretical and Legal Understanding of the Concept and Subject of Legal Expectations..... 117
- Mal'ceva T. V.** Peculiarities of the General Legal Understanding of Fixing the Preventive Function of Law 124

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

Кубякин Евгений Олегович,
доктор социологических наук, доцент,
почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, 115054, г. Москва,
Стремянный переулок, д. 36

E-mail: tspopz@yandex.ru

Аракелова Ева Владимировна,
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры социально-
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия,
Российская Федерация, 350002,
г. Краснодар, ул. Леваневского, д. 187/1

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-8-15

Дата поступления статьи: 12 марта 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Динамика и типы правосознания в российском обществе

Dynamics and Types of Legal Awareness in Russian Society

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что развитое правосознание представляет собой одно из фундаментальных оснований стабильного и благополучного существования общества.

Постановка проблемы: несмотря на длительный интерес исследователей к проблеме пра-

Evgenij Olegovich Kubyakin,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Honorary Worker of Education
of the Russian Federation,
Professor at the Department
of the Theory and Methodology
for National Management,
Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8;
Professor at the Department
of Public and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics,
Russian Federation, 115054, Moscow,
Stremyanny lane, 36

E-mail: tspopz@yandex.ru

Eva Vladimirovna Arakelova,
Candidate of Sociology,
Senior Lecturer at the Department of Social,
Humanitarian and Natural Sciences,
North Caucasus Branch of the Russian State
University of Justice
Russian Federation, 350002, Krasnodar,
Levanevsky st., 187/1

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

The relevance of the research is due to the fact that a developed legal awareness is one of the fundamental foundations of a stable and prosperous existence of society.

Problem statement: despite the long-term interest of researchers in the problem of legal awareness, today it is far from being exhausted. This is

восознания, на сегодняшний день она далека от своего исчерпания. Это проявляется в противоречивости подходов к осмыслению природы правосознания, социальных оснований его развития, а также причин деформации правосознания в обществе. В статье осуществляется последовательное понимание проблемы развития правосознания в российском обществе, что включает в себя постановку и решение трех исследовательских задач: осмысление природы правосознания, определение форм правосознания, а также выявление факторов развития правосознания в российском обществе.

Цель исследования: выработка новых подходов к разработке проблемы осмысления динамики и типов правосознания в российском обществе.

Методы исследования: диалектика, системный и социоструктурный метод, философская концептология.

Результаты и ключевые выводы: в статье обосновывается, что правосознание представляет собой сложную составляющую социального мировоззрения. Оно включает в себя представления о действующих нормах права и правовых институтах, правовые ценности и аксиологические ориентации. Существуют три ключевые формы к практической реализации правовых установок: правовой нигилизм, выборочное следование праву, системное следование праву. Правовой нигилизм связан с нарушением ценностных оснований мировоззрения, определяющим скептическое или негативное отношение к праву. Выборочное следование правовым нормам в идейном плане близко к смысловым установкам естественно-правовой теории, аргументирующей необходимость морального обоснования права и, соответственно, допускающей наличие неправовых законов, исполнение которых считается необязательным. Системное следование нормам права в идейном смысле близко к установкам позитивно-правового подхода, признающего тотальность и необходимость к исполнению любого закона. Анализ сложившейся в российском обществе социокультурной ситуации свидетельствует о наличии серьезной проблемы, связанной с обширным распространением правового нигилизма. При этом специфика менталитета россиян, связанная с этико-ориентированным характером мировоззрения, определяет их склонность к выборочному следованию нормам права. На этом фоне существенным фактором риска является тенденция, связанная с распространением в культурном пространстве многочисленной медийной продукции, на уровне которой реализуется оправдание и обоснование противоправной деятельности. По этой причине возрастает значимость культурной продукции,

manifested in the inconsistency of approaches to understanding the nature of legal awareness, the social foundations of its development, as well as the causes of the deformation of legal awareness in society. The article provides a consistent understanding of the problem of the development of legal awareness in Russian society, which includes the formulation and solution of three research tasks: understanding the nature of legal awareness, defining forms of legal awareness, as well as identifying factors of the development of legal awareness in Russian society.

The purpose of the study is to develop new approaches to the development of the problem of understanding the dynamics and types of legal awareness in Russian society.

Research methods: dialectics, systemic and sociostructural method, philosophical conceptology.

Results and key conclusions: the article substantiates that legal awareness is a complex component of the social worldview. It includes ideas about the current norms of law and legal institutions, legal values and axiological orientations. There are three key forms for the practical implementation of legal attitudes: legal nihilism, selective adherence to law, and systematic adherence to law. Legal nihilism is associated with a violation of the value foundations of the worldview, which determines a skeptical or negative attitude towards law. Selective adherence to legal norms is ideologically close to the semantic guidelines of natural law theory, which argues for the need for a moral justification of law and, accordingly, admits the existence of non-legal laws, the execution of which is considered optional. Systematic adherence to the norms of law in an ideological sense is close to the principles of a positive legal approach that recognizes the totality and necessity for the enforcement of any law. An analysis of the socio-cultural situation in Russian society indicates the presence of a serious problem associated with the widespread spread of legal nihilism. At the same time, the specificity of the mentality of Russians, associated with the ethically oriented nature of their worldview, determines their tendency to selectively follow the norms of law. Against this background, a significant risk factor is the tendency associated with the spread of numerous media products in the cultural space, at the level of which justification and justification of illegal activities are realized. For this reason, the importance of cultural products focused on instilling the values of law and building trust in legal institutions is increasing.

ориентированной на привитие ценностей права и формирование доверия к правовым институтам.

Ключевые слова: право; правосознание; правовой нигилизм; естественно-правовая установка; позитивно-правовая установка; деформация правосознания.

Keywords: law; legal awareness; legal nihilism; natural-legal attitude; positive-legal attitude; deformation of legal awareness.

Проблема правосознания характеризуется высокой степенью актуальности, что связано с значимостью правосознания как фактора выстраивания правовых отношений, а также наличием определенных пробелов в понимании того, каким образом возможно обеспечение роста уровня правосознания в гражданской среде. Как отмечает М. А. Гусарова, «несмотря на то что правовому сознанию, выступающему в качестве одного из базовых элементов правовой культуры, иницилирующему правотворческую и правоприменительную деятельность, уделяется особое внимание со стороны государства, необходимость решения важнейших проблем, обусловленных социокультурным характером феномена правосознания, по-прежнему остра» [3, с. 4]. На общем уровне можно выделить несколько различных подходов к осмыслению проблематики правосознания:

- определение сущности и природы правосознания;
- оценка уровня и характера правосознания в гражданской среде конкретно взятого общества;
- определение перспективных направлений развития правосознания в конкретном обществе.

Первый подход предполагает акцент на теоретической составляющей философско-правовой, социологической и юридической теории, поскольку в данном случае в область научных интересов входит понимание природы правосознания безотносительно к конкретному социально-историческому и культурному контексту. Исследования природы правосознания имеют существенную значимость в силу того, что они формируют теоретический фундамент, в опоре на который может быть осуществлено последовательное раскрытие прикладных вопросов.

Вместе с тем осмысление природы правосознания на общем уровне еще не может дать ответы на конкретные прикладные вопросы, что связано с чрезвычайной сложностью правосознания как теоретической проблемы и как социального феномена, в частности с вариативностью проявления правосознания (причем, говоря о вариативности его форм, мы подразумеваем то, что способ отражения правовой сферы

в сознании членов общества может различаться сразу по нескольким параметрам как качественным, так и количественным).

Второй подход, в рамках которого осуществляется оценка характеристик правосознания в конкретно взятом обществе, имеет ряд особенностей. Прежде всего следует отметить, что при переходе от общетеоретического рассмотрения природы правосознания к аналитике его конкретных форм, присущих исследуемой общественной системе, происходит конкретизация научного подхода, а это сопряжено с утратой универсализма отдельных положений и одновременно предполагает опору на фактический материал, характеризующий специфику конкретной социально-культурной системы (включая характер установившейся в ней правовой системы, механизмы формирования правосознания, особенности менталитета членов общества, способ отражения правовой сферы в культуре и т. д.).

При этом определение и оценка характеристик правосознания в конкретно взятом обществе подразумевает детализацию исходной теоретической базы, поскольку необходимо осмыслить различные формы и характеристики правосознания, что, в свою очередь, предполагает формирование базовой классификации и применение критериев, на основании которых ведется оценочная деятельность. В данном контексте отдельного внимания заслуживает то, что критерии зачастую представляют собой стандарты оценки, требующие дополнительного обоснования.

Теоретический подход, в рамках которого производится определение проблем, свойственных текущей правовой системе в таком аспекте, как правосознание, а также выявление перспективных направлений нормализации ситуации, требует еще более высокой детализации исследуемой проблемы, поскольку речь идет об определении тенденций и перспектив развития ситуации, то есть о рассмотрении правосознания в динамике. Соответственно, для достижения значимого результата необходимо не только понимать природу правосознания и его вариативность, но и обладать развернутым пониманием механизмов, определяющих формирование социально-правовых установок, их пересмотр, де-

формацию и т. д. Таким образом, мы говорим о необходимости разностороннего рассмотрения сложившейся в обществе и культуре ситуации в контексте сформировавшегося теоретического подхода, описывающего причины и факторы изменения правосознания.

Следует отметить, что данные подходы не только не противоречат друг другу, но и, напротив, в существенной степени друг друга дополняют, поскольку верификация общих положений теории предполагает отражение ее справедливости на конкретных примерах, в то время как рассмотрение динамики правосознания требует серьезной теоретической базы, в опоре на которую становится возможным определение динамических характеристик правосознания в обществе.

В рамках настоящего исследования мы ориентированы на раскрытие проблемы динамики правосознания под влиянием социальных и культурных процессов, развертывающихся на уровне современного российского общества. В настоящее время российское общество нуждается в консолидации сил членов общества и минимизации воздействия деструктивных процессов и явлений, что определяет значимость социально-сберегающих факторов, к числу которых, несомненно, относится и высокий уровень правосознания.

Между тем, опираясь на сторонние исследования, можно судить о том, что данная задача еще далека от своего достижения. Это возможно установить по косвенным показателям, таким как высокий уровень преступности (причем исследователи фиксируют значительную динамику роста преступности в отдельных регионах в последние годы [11]), а также по результатам специальных исследований, направленных на определение уровня и характера правосознания в гражданской среде. Так, С. Я. Гусейнова обращает внимание на кризис правосознания в российском обществе [4], а М. М. Османов подчеркивает остроту проблемы правового нигилизма как одну из распространенных разновидностей деформации социально-правовых установок граждан [7]. Вместе с тем, несмотря на значительное внимание к проблеме, о правосознании в большинстве публикаций говорится обобщенно – как о легко идентифицируемом целостном явлении, которое характеризуется известной степенью универсализма и однозначности (оно или корректное, или деформированное, или присутствует, или отсутствует), что, на наш взгляд, является неверным подходом.

Для того чтобы как минимум сформировать адекватную оценку характеристик правосознания в современном обществе и, более того, определить тенденции его изменения важно понимать внутреннее многообразие и подвиж-

ность данного явления. А это определяет необходимость конкретизации основных теоретических положений, предшествующих подробному анализу развертывающихся в обществе процессов.

Данный анализ определяет содержание и структуру настоящего исследования. По сути, речь идет о синтезе всех трех рассмотренных выше теоретических подходов, что определяется необходимостью решения следующих исследовательских задач:

- теоретическая детализация социальной природы правосознания;
- определение многообразия форм правосознания и их представленности в современном российском обществе;
- рассмотрение факторов правосознания и выявление основных тенденций его динамики, присутствующих на уровне российского общества;
- рассмотрение перспективных направлений развития конструктивных форм правосознания с учетом социальной и культурной специфики российского общества.

Для начала обратимся к первому из рассматриваемых аспектов, а именно проанализируем социальную природу правосознания. Здесь первым шагом является определение специфики социального мировоззрения и места правосознания в нем. С точки зрения теории структурного функционализма поведение человека в обществе определяется его ценностями, целями, выполняемыми социальными ролями, а также доступными моделями поведения [6]. Как отмечает В. И. Чупров, значительную роль в социальном мировоззрении, определяющую то, каким образом оно проецируется на область активности субъекта, играет характер отношения к социальной реальности [14]. Таким образом, мировоззрение выступает в роли основного аспекта активности субъекта: оно определяет ориентиры, на основании которых производится постановка целей, и оно же регулирует формы поведения и накладываемые на деятельность субъекта ограничения.

В таком разрезе социальное мировоззрение представляет собой основу воспроизводства и регуляции общественных отношений, поскольку каждый конкретный их носитель осуществляет свои действия, исходя из того, каково содержание его мировоззрения. Следовательно, закономерным является то, что компонент социального мировоззрения, ответственный за осмысление социальным субъектом правовой действительности, определяет характер его отношения к праву (в том числе степень согласованности его активности с действующими нормами и ограничениями, присутствующими на уровне правовой системы). В этом контексте целесообразно рассмотрение правосозна-

ния как компонента социального мировоззрения, отвечающего за осмысления правовой составляющей общественной реальности. Такой подход позволяет выделить несколько ключевых аспектов правосознания:

– совокупность знаний о действующих нормах права и правовых институтах (правовая грамотность);

– ценностные ориентации, напрямую и косвенно влияющие на способ отношения члена общества к различным аспектам правовой реальности;

– отношение к основным элементам права (оценочные суждения касательно отдельных законов, отношение к праву в целом).

В данном ряду наиболее простым для анализа аспектом правосознания является правовая грамотность. Здесь подразумевается осведомленность о наличии конкретных норм права, институтов, процедур, что включает в себя, в том числе, осведомленность о собственных правах, с одной стороны, и об ограничениях, накладываемых на поведение членов общества – с другой. Само по себе знание законов еще не гарантирует правовой характер поведения членов общества: многие представители криминальной сферы значительно лучше знают законы, нежели простые обыватели, что, однако, не мешает им эти законы нарушать. Таким образом, немаловажное значение имеет не только знание законов, но и понимание необходимости руководствоваться ими в деятельности. Это определяет центральное место правовых ценностей как элемента правосознания, поскольку они обосновывают значимость правовой составляющей общества [8].

Следует отметить, что ключевой составляющей правосознания, определяющей деятельностные установки членов общества, является отношение к праву. Отношение к праву – сложный элемент правосознания, включающий в себя совокупность оценок в отношении норм права и ключевых правовых институтов, а также характер самоопределения субъекта по отношению к правовой сфере. Именно отношение к праву определяет то, насколько члены общества принимают нормативные установления в качестве побудительного руководства к действию (когда речь идет об области обязанностей членов общества) и ограничительного фактора (если речь идет о нормативно определенных запретах и ограничениях).

Рассмотрение типов правосознания, присутствующих в российском обществе с учетом определяющего значения отношения к правовой реальности, перспективно осуществлять на основании определения того, какая форма отношения к праву реализуется на уровне конкретной формы правосознания. И в данном кон-

тексте видится целесообразным выделение следующих типов правосознания:

– нарушение правосознания, связанное с отрицанием ценностных оснований права и неприятием правовых установок поведения (правовой нигилизм);

– выборочное следование нормам права, основанное на признании корректности или некорректности конкретных законов (по идейному содержанию данная форма права близка к естественно-правовой установке);

– последовательная реализация норм права, основанная на приоритете законности социального поведения (по идейному содержанию данная форма отношения к праву близка к позитивно-правовой установке). Это коррелируется и с утверждениями современных исследователей теории права. «Закон как элемент и главный постулат права, опираясь на авторитет и силу государственной власти, обеспечивает специфической гарантией исполнения, в том числе (в случае необходимости) и мерами принуждения. Однако, как показывает практика, ввиду неэффективности или недостаточной эффективности правовых норм, в силу формальности закона, возникает противоречие между правом и правосознанием общества, не признающего данный закон справедливым, что создаёт ситуацию невозможности его реального исполнения» [13].

Рассмотрим данные подходы по порядку и проанализируем, насколько социокультурные характеристики членов российского общества задают их склонность к принятию конкретной модели отношения к праву. Для начала рассмотрим специфику правового нигилизма в качестве деформированной разновидности правосознания. Как отмечает М. А. Рунова, под правовым нигилизмом принято рассматривать «негативное или скептическое отношение к праву» [9, с. 68]. При этом выделяются пассивная и активная формы правового нигилизма, различие между которыми проявляется в том, является ли данная установка только оценочной либо же распространяется на область принятия решений в правовой сфере [9].

Сущность правового нигилизма, таким образом, состоит в том, что его представители ставят под сомнение ценностные основания права, обозначая идею о несуществовании каких-либо действительных оснований, для того чтобы действовать в соответствии с установленными в обществе на законодательном уровне нормами. Следовательно, право утрачивает в мировоззрении субъекта обоснование, выступая в качестве необязательных и зачастую лишних, досадных ограничений, которые в отдельных ситуациях (преимущественно тогда, когда прагматические ин-

тересы субъекта перевешивают возможный вред от наказания) можно игнорировать.

В качестве примера проявления правового нигилизма можно привести сознательное нарушение правил дорожного движения, при котором человек понимает, что нарушает закон, однако допускает как само по себе нарушение, так и его возможные последствия. Как отмечает М. М. Османов, развитие правового нигилизма в России связано с социально-экономическим и политическим кризисом постперестроечного периода, когда в сознании членов общества произошли колоссальные сдвиги, которые привели к утрате доверия к государственным институтам (включая правовые), а также идейных оснований общественно-ориентированной деятельности. При этом, как отмечает автор, на современном этапе проблема правового нигилизма не утрачивает свою остроту, а сам по себе правовой нигилизм приобретает новые, сложные формы [7]. Также существует репрезентативная позиция, согласно которой девиантные формы правосознания возникают как естественная погрешность стремительного развития общества [2].

Одним из ярких проявлений обширного распространения правового нигилизма может выступить популярность в обществе субкультурных течений, основанных на отрицании ценности права и, напротив, ценностном восприятии преступной деятельности как проявления «силы» и «свободы». Речь идет о криминальной субкультуре, несущей в себе значительную угрозу стабильности общества [12].

Следующий тип правосознания – социально-правовая установка, предполагающая выборочное следование тем нормам права, которые сам социальный субъект рассматривает в качестве «правильных» и «обоснованных». Специфика данного подхода состоит в том, что члены общества анализируют право с точки зрения его этических оснований и проявляют готовность следовать тем нормативным установлениям, которые соответствуют их представлениям о здравом смысле и морали. Подобного рода подход в смысловом плане близок к естественно-правовой установке, выделяющей подлинное, естественное право и действующие законы, которые могут оцениваться в качестве правовых лишь в меру соответствия естественному праву, что породило категорию «неправового закона», по мнению идеологов теории естественного права, необязательного к исполнению [1].

Идея верховенства морально-ценностного аспекта над позитивно-правовым в крайней своей форме порождает принцип открытого противодействия власти, что проявляется в идее «права на бунт», развиваемой в работах Руссо [10]. Ключевым моментом в рамках

анализа специфики естественно-правовой установки правосознания является то, что речь идет о самостоятельной, прочной установке на следование законам, но только тем, справедливость и уместность которых признается социальным субъектом. В свою очередь, законы, которые носитель естественно-правовой установки воспринимает в качестве несправедливых или неуместных, могут игнорироваться им (при условии, если предполагается возможность ухода от ответственности).

Установка, наиболее способствующая реализации правового поведения, предполагает тотальную необходимость следования нормам права, независимо от того, насколько они соответствуют интересам субъекта или его представлениям о правильном социальном порядке. Данная установка в смысловом плане близка к позитивно-правовому подходу, предполагающему подлинно-правовой статус (и, соответственно, необходимость его неукоснительного исполнения) на основании позитивного факта его принятия на законодательном уровне.

Поскольку правосознание является частью мировоззрения субъекта, готовность к принятию конкретной формы правосознания обуславливается тем, насколько она согласуется с общими установками мировоззрения человека. Это определяет значение культурного фактора, детерминирующего предрасположенность членов общества к восприятию одних идей и, напротив, отторжению других. Рассматривая в данном контексте особенности российской культуры, следует отметить, что одним из значимых аспектов российского менталитета является высокая степень моральной ориентированности и установка на достижение справедливости как одной из ключевых ценностей. Исторически это уходит корнями в традиции православной культуры. Вместе с тем в советский период моральная ориентация членов общества, трансформировавшись, не утратила своего значения.

Это определяет глубокую моральную определенность мировоззрения россиян [14], что оказывает влияние, в том числе и на характер отношения к правовой сфере. По этой причине можно судить о наличии значительных социокультурных предпосылок выборочного следования правовым нормам, основанного на рассмотрении моральных оснований действующих законов. Подобного рода форма правосознания, с одной стороны, содержит в себе прочные основания для отказа членов общества от конкретных форм преступной деятельности, с другой – не обеспечивает полное неприятие противоправных действий, что несет в себе значительные социальные риски.

Следует отметить, что характер правосознания в обществе может в значительной степени ме-

няться под влиянием социальных, политических, исторических, культурных трансформаций. Для советского общества одним из факторов подрыва правосознания стал разрыв в период «застоя» между декларируемым состоянием общества и реальным уровнем реализованных потребностей членов общества, что породило многочисленные «теневые» практики экономического взаимодействия, в рамках которых многие призывали «закрывать глаза» на не вполне официальный характер реализуемых практик. Здесь мы видим подмену законопослушности здравым смыслом, что, однако, не легло в основу повального нарушения законов членами общества, скорее имел место выборочный способ отношения к праву, это отчасти подтверждают сформированные ранее положения о специфике менталитета россиян и его влиянии на характер правосознания.

В современной культуре процесс формирования правосознания у членов общества реализуется во многом под влиянием культурно-информационных процессов, формирующих ценностные установки и идеалы членов общества, а также их представления о приемлемых и неприемлемых аспектах общественной жизни. Здесь вызывает интерес концептуальный подход Н. Ф. Медушевой, в рамках которого основанием отечественной правовой ментальности является идея правды. С точки зрения содержания культурных паттернов «западное и отечественное толкование идеи правды принципиально различны. В западноевропейском правовом сознании идея правды совпадает с идеей закона, в русской же правовой культуре она вытекает из православного мироощущения и воплощает стремление к нравственному самосовершенствованию, подчеркивает необходимость трансформации надъюридических ценностей и принципов в подлинно правовые оценки, обращенные не к формальному правовому миру, а к живому индивиду» [5].

Также значительное влияние оказывают «лидеры мнений», собирающие многомиллионную аудиторию на различных интернет-площадках, а также разнообразная культурная продукция, активно транслируемая в медийной сфере (книги, песни, кинофильмы и т. д.).

Следует отметить, что по своему содержанию значительная доля транслируемых в социокультурной сфере медиапродуктов мо-

жет быть оценена как деструктивно воздействующая на характер правосознания. К числу рискованных факторов, активно представленных на уровне медийной сферы, можно отнести:

– дискредитацию правовых институтов за счет стереотипного, зачастую негативного отображения их представителей;

– демонстрацию преступных моделей, оправдываемых на уровне медийного продукта (зачастую протагонист в кинофильме позиционируется как человек, идущий на преступление, но за понятное аудитории «правое дело»);

– распространение и обоснование «серой морали», подрывающей основы социально-конструктивного поведения.

Указанные процессы воздействуют на область предпосылок формирования правосознания и снижают эффективность целенаправленной деятельности, направленной на правовое воспитание членов общества. Для повышения уровня правосознания и противодействия неблагоприятным социокультурным факторам, способствующим его подрыву и деформации, необходимо формирование конструктивных культурных предпосылок становления мировоззрения членов общества, а также создание условий для оправдания доверия граждан к правовым институтам.

Это определяет колоссальную значимость создания культурной продукции, направленной на развитие в гражданской среде конструктивных ценностных установок как одного из мощных факторов формирования развитого правосознания.

Подводя итоги, отметим, что предпосылки формирования и изменения характеристик правосознания многообразны, начиная с непосредственной практики взаимодействия с правовыми институтами и заканчивая – механизмами культурного воспроизводства. В настоящее время значительное внимание уделяется совершенствованию правовых институтов, оказанию воспитательного воздействия на уровне образовательной системы, повышению доверия к власти и правоохранительным органам. Вместе с тем одним из перспективных направлений воздействия на характер правосознания россиян является область культуры и транслируемые на ее уровне ценности.

Список литературы:

1. *Вовк Е. В.* Справедливость как критерий разграничения «правовых» и «неправовых» законов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 43–49.

References:

1. *Vovk E. V.* Justice as a criterion for distinguishing between “legal” and “illegal” laws // North Caucasian Legal Bulletin. 2020. № 4. P. 43–49.

2. Гришай Е. В., Плотников В. В. Социальный детерминизм и его прогностический потенциал в отношении девиантных социальных процессов // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 165–169.
3. Гусарова М. А. Российское правосознание в аспекте социокультурной динамики: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2018.
4. Гусейнова С. Я. Кризис современного правосознания // National Science. 2022. № 4. С. 8–13.
5. Медушевская Н. Ф. Русский идеал правды в отечественном правосознании // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 25–28.
6. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. М., 2006. 873 с.
7. Османов М. М. Проблемы борьбы с правовым нигилизмом в России // Образование и право. 2021. № 3. С. 398–401.
8. Петрова Т. В. Ценности права и правовые ценности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 4 (104). С. 131–140.
9. Рунова М. А. Правовой нигилизм // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 82–1. С. 68–70.
10. Скиперских А. В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 67–72.
11. Субачев С. Ю., Сайко А. Г. Преступность на современном этапе развития российского общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10–2 (61). С. 228–231.
12. Фролов А. Н., Жижина И. В., Шевченко О. А. Дialectический анализ конфликта права и правосознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 367–370.
13. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46–52.
14. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства : моногр. М., 2022. 352 с.
2. Grishaj E. V., Plotnikov V. V. Social determinism and its prognostic potential in relation to deviant social processes // Society and Law. 2018. № 4 (66). P. 165–169.
3. Gusarova M. A. Rossijskoe pravosochnanie v aspekte sociokul'turnoj dinamiki: filosofskij analiz : avtoref. dis. kand. filos. nauk. Saransk, 2018.
4. Guseynova S. Ya. The crisis of modern legal consciousness // National Science. 2022. № 4. P. 8–13.
5. Medushevskaya N. F. Russian ideal of truth in domestic consciousness // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 5. P. 25–28.
6. Merton R. K. Social'naya teoriya i social'naya struktura / per. s angl. E. N. Egorovoj [i dr.]. M., 2006. 873 s.
7. Osmanov M. M. Problems of combating legal nihilism in Russia // Education and Law. 2021. № 3. P. 398–401.
8. Petrova T. V. Legal Values and Values of Law // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. № 4 (104). P. 131–140.
9. Runova M. A. Pravovoj nigilizm // Nacional'naya asociaciya uchenyh. 2022. № 82–1. S. 68–70.
10. Skiperskih A. V. Right to opposition: political and philosophical retrospective // Society and Power. 2015. № 5 (55). P. 67–72.
11. Subachev S. Yu., Sajko A. G. Prestupnost' na sovremennom etape razvitiya rossijskogo obshchestva // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 10–2 (61). S. 228–231.
12. Frolov A. N., Zhizhina I. V., Shevchenko O. A. Dialectic analysis of the conflict of law and legal consciousness // Baltic Humanitarian Journal. 2021. T. 10. № 2 (35). P. 367–370.
13. Hisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Criminal subculture and its prevention // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia. 2015. № 2 (20). P. 46–52.
14. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva : monogr. M., 2022. 352 s.

Для цитирования:

Кубякин Евгений Олегович, Араkelова Ева Владимировна. Динамика и типы правосознания в российском обществе // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 8–15.

For citation:

Kubyakin Evgenij Olegovich, Arakelova Eva Vladimirovna. Dynamics and Types of Legal Awareness in Russian Society // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 8–15.

Репьев Артем Григорьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID 0000-0003-0718-698X

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-16-23

Дата поступления статьи: 12 февраля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Фиктивный правовой статус как проявление обхода закона

Fictitious Legal Status as a Manifestation of Circumvention of the Law

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена, во-первых, потребovanностью обращения к такой сложной правовой проблематике, как юридические фикции, выступающие необходимым компонентом правового регулирования, вынужденно применяемым для объективации сложных юридических фактов, во-вторых, наличием примеров деформации конструкции правового статуса субъекта на основе фиктивного получения прав, правовых преимуществ, освобождением от обязанностей, ограничений.

Постановка проблемы: усложнение общественных отношений подталкивает участников к поискам альтернативных вариантов удовлетворения собственных интересов, нередко находящихся на грани правомерного и противоправного поведения. Постулируется, что несовершенство законодательства, интерпретационная и правоприменительная деятельность, построенные на лазейках в правовых актах, детерминируют наличие такой нетипичной формы правового поведения, как обход закона. Аргументируется, что одним из проявлений обхода закона выступает легитимация фиктивного правового статуса.

Цель исследования: выявить формы проявления обхода закона, направленные на фиктивное приобретение субъективных прав, уклонение от исполнения юридических обязанностей, получение правовых

Artem Grigor'evich Rep'ev,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department
of State and Law Disciplines,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8

ORCID 0000-0003-0718-698X

E-mail: repev-artem@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

The relevance of the article is due, firstly, to the demand for addressing such complex legal issues as legal fictions, which are a necessary component of legal regulation, forcibly used to objectify complex legal facts, and secondly, to the presence of examples of deformation of the structure of the legal status of a subject based on fictitious obtaining rights, legal advantages, exemption from duties, restrictions.

Problem statement: the complication of public relations pushes participants to search for alternative options for satisfying their own interests, which are often on the verge of legitimate and illegal behavior. It is postulated that the imperfection of legislation, interpretative and law enforcement activities based on loopholes in legal acts determine the existence of such an atypical form of legal behavior as circumvention of the law. It is argued that one of the manifestations of circumvention of the law is the legitimization of a fictitious legal status.

The purpose of the study: to identify the forms of circumvention of the law aimed at fictitious acquisition of subjective rights, evasion of legal obligations, obtaining legal advantages, easing restrictions; to establish the reasons for the possibility of legitimizing a fictitious legal status, and to propose

преимуществ, смягчение ограничений; установить причины, обуславливающие возможность легитимации фиктивного правового статуса, и предложить пути решения проблемы.

Методы исследования: совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, описание и интерпретация; теоретические методы формальной и диалектической логики.

Результаты и ключевые выводы: доказываем, что такая форма нетипичного правового поведения, как обход закона приобретает распространенный характер не только в рамках частноправовых отношений, но и публичных. Резюмируется, что юридическая фикция – оправданный и необходимый элемент правового регулирования, направленный на конкретизацию и придание определенности сложным, нестандартным жизненным ситуациям. Однако фиктивный правовой статус выступает своего рода разновидностью деформации ложных юридических установлений, сопутствующей искажению целей правового регулирования, выступающей проявлением обхода закона. Обращается внимание на необходимость фундаментального исследования феномена «обход закона», установления его природы, рисков влияния на дисбаланс методов и средств правового воздействия, нарушения законности и правового порядка.

Ключевые слова: правовой статус; юридическая фикция; права; обязанности; правовые преимущества; обход закона.

ways to solve the problem.

Research methods: a set of general scientific and private scientific methods of cognition, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic.

Results and key conclusions: it is proved that such a form of atypical legal behavior as circumvention of the law is becoming widespread not only within the framework of private law relations, but also public ones. It is summarized that legal fiction is a justified and necessary element of legal regulation aimed at specifying and giving certainty to complex, non-standard life situations. However, the fictitious legal status acts as a kind of deformation of false legal institutions, accompanying the distortion of the goals of legal regulation, acting as a manifestation of circumvention of the law. Attention is drawn to the need for a fundamental study of the phenomenon of “circumvention of the law”, to establish its nature, the risks of influencing the imbalance of methods and means of legal influence, violations of legality and legal order.

Keywords: legal status; legal fiction; rights; obligations; legal advantages; circumvention of the law.

Русский, какого бы звания он ни был, обходит закон всюду, где это можно сделать безнаказанно
А. И. Герцен.
Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 231.

Введение. Правовой статус личности – тема поистине неисчерпаемая, во многом обусловленная естественными закономерностями развития природы и социума. Тысячелетиями ранее, как и сейчас, человек, пребывая среди себе подобных, находился в условиях постоянной борьбы за лучшее место в обществе (роде, племени, семье, трудовом коллективе и т. д.). Первоначально это было обусловлено необходимостью выживания, примитивными человеческими потребностями в потреблении пищи, защите своего жилища, продолжении рода и пр. Эволюция человека, его развитие, склонность к мышлению в целом и одному из самых сложных его приемов – абстрагированию способствовали закреплению социального положения индивида в нормативных правовых актах в виде юридических конструкций. Правовой статус субъекта выступает одной из наиболее распро-

страненных из них (пожалуй, наряду с составом правонарушения).

Догматическая вера человека в наличие такой высокой абстракции, как его правовой статус, в то, что с рождения и на протяжении всей жизни ему присущи права, обязанности, ограничения, правовые преимущества и др., закрепленные формально-юридически и обеспечиваемые силой государственного принуждения, по своей сути сегодня уже никем не оспаривается. Это и не удивительно, поскольку право как таковое, составляющие концептуальные теории о свободе, неприкосновенности личности, правовых принципах и пр., – результат абстрактного мышления человечества и последующего всеобщего идеализируемого воображения.

Констатируем, что содержательное наполнение юридической конструкции «правовой статус» эволюционировало сообразно усложнениям общественных отношений. Помимо вышеобозначенных и по-прежнему актуальных и естественных потребностей первобытного человека, сегодня его интерес к укреплению и защите своего правового статуса подкрепляется и иными аргументами (чаще политически-

ми и экономическими, реже — аксиологическими, нравственно-этическими). Первые в определенном смысле стимулируются агрессивной внешней политикой ряда государств, внутригосударственными просчетами и упущениями органов публичной власти. Вторые являются следствием духовного кризиса общества, необходимостью переоценки значения человека в масштабах сил природы. По четкому выражению С. Н. Бабурина, мы, как и прежде, находимся в поисках парадигмы правового статуса личности, препятствуем выхолащенной, но активно насаждаемой западной идеологии, противостоящим ущербному подражательству [1].

Между тем, не углубляясь в политическую, идеологическую и иные стороны имеющейся в данном отношении полемики, освежим в памяти основополагающие формально-юридические аспекты теории правового статуса личности. Сказанное крайне актуально в свете того, что они в последнее время нередко размываются, делаются мнимыми, а сам правовой статус — притворным. Убеждены, что это явление не случайное. Стремление к ложному правовому статусу, то есть положению, не соответствующему реальному состоянию и месту человека в обществе, и, как следствие, надуманным правам, мнимым возможностям игнорирования обязанности и иным способом приобретения содержательных элементов статуса (например, правовых преимуществ) в итоге может объективироваться в такую нестандартную форму правового поведения, как обход закона. Дедуцируем сказанное.

Конструкция «правовой статус субъекта» как юридическая фикция. Итак, в юридической науке правовой статус субъекта правоотношений (синонимичным ему будем считать словосочетание «правовое положение») рассматривают как закрепленное нормативно социальное положение физического и юридического лица (в данном материале мы сосредоточим внимание на первом). При этом важным условием является отражение в социальном статусе именно реального, фактического (а не мнимого) положения человека в системе общества [5, с. 4, 45]. Профессор Р. А. Ромашов по этому поводу верно отметил: «правовой статус личности следует рассматривать в качестве неразрывного единства юридической формы (легализованного перечня прав и обязанностей лица) и правовой субстанции (реального правового состояния, в котором индивид пребывает в данный момент и в данных социальных условиях)» [8, с. 21].

Однако сегодня ситуация с совпадением реального и нормативного положения субъекта общественных отношений не всегда выглядит адекватной. Речь идет о таком тенденциозном явлении, как фиктивный правовой статус.

Как видно из наименования, такая юридическая конструкция не может в полной мере подтверждаться единством формы (нормативно закрепленных элементов правового положения субъекта в виде прав, обязанностей, ограничений, запретов, правовых преимуществ) и содержания (фактического места субъекта в системе социальных связей). Остановимся на аргументах выдвинутой гипотезы.

Фикция в юриспруденции весьма распространенное явление. Несмотря на то что еще нормы римского права содержали упоминания о фикции [11], советские источники по правоведению (даже относительно поздние), а нередко и российские, неоправданно подчас ее игнорируют [12; 13]. Неловко наблюдать данную ситуацию еще и потому, что имеют место фундаментальные исследования дореволюционных авторов на обозначенный предмет [4; 6], а также кандидатские диссертации современного периода (Л. А. Душакова, О. Е. Зацепина, О. А. Курсова, Е. Ю. Марохин, Н. А. Никиташина и др.). Сложившаяся ситуация, к сожалению, не приближает профессиональное сообщество к адекватному научному восприятию данного сложного феномена и верной практической его реализации.

В частности, если, исходя из общеупотребительного толкования, слово «фикция» (от лат. *factio* — вымысел) имеет ярко-выраженное негативное восприятие (в прямом смысле означает обман, подделку, видимость чего-либо не существующего в действительности) [3, с. 1423], то в юриспруденции — это оправданный прием объективации особых юридических фактов: сложных обстоятельств, нестандартных казусов и пр. Неслучайно юридическую фикцию многие авторы воспринимают как неотъемлемый компонент правового регулирования [7; 9].

Ради справедливости стоит отметить, что конструкция «правовой статус субъекта» изначально является юридической фикцией (в значении предполагаемого, вымышленного, идеального явления, не существующего физически). К примеру, общество с ограниченной ответственностью — это в прямом смысле статус, построенный на фикции. В источниках появление такой качественно иной разновидности фикции, как «правовой статус общества с ограниченной ответственностью» связывают с деятельностью судебной системы Франции, а именно с легализацией в 1896 г. идеи Армана Пежо о создании компании с ограниченной ответственностью на базе унаследованного им от родителей металлургического завода. Компанию он назвал собственным именем, сделал ее независимой от него. К примеру, за наличие технических неисправностей конкретного автомобиля должна была отвечать компа-

ния Peugeot, а не Арман. Peugeot-человек умер в 1915 г., Peugeot-компания (как символ юридической фикции «правовой статус субъекта») существует и сегодня [10, с. 42].

Поскольку фикция проявляется в праве весьма многопланово (и как элемент упорядочивания отношений, и как прием юридической техники и пр.), уточним здесь, что далее по тексту в сочетании с юридической конструкцией правовой статус, она будет нами употребляться в понимании притворного, ложного положения, и, соответственно, в негативном значении.

Законодательство нашего времени содержит несколько упоминаний о фиктивных правовых состояниях, образующих впоследствии состав правонарушения. К таковым, например, можно отнести фиктивное банкротство, то есть заведомо ложное объявление руководителем или собственником коммерческой организации о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов, для неуплаты долгов и пр. В случае причинения такими действиями крупного ущерба они могут быть квалифицированы по ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

Тем не менее намного сложнее дело обстоит с правовой оценкой фиктивных правовых статусов, нормативная объективация которых хотя и не содержит всех необходимых признаков для квалификации состава правонарушения, однако используется, например, для игнорирования целей правового регулирования, искажения истинного замысла воздействия на социум, то есть в обход закона.

Фиктивный правовой статус через призму обхода закона. Первоначально заметим, что словосочетание «обход закона» до настоящего времени не является устоявшимся в юриспруденции (даже на уровне частноправовых отношений, в которых он легализован федеральным законодательством)², хотя (судя по эпиграфу к настоящей статье) появилось далеко не сегодня.

Современные политические деятели, журналисты для иллюстрации особой формы поведения субъекта (внешне не имеющего признаков противоправности, но направленного на игнорирование целей правового регулирования, притворного по своей сути) все чаще употребляют словосочетание «обход закона»³.

Исследуя данный феномен с общетеоретических позиций, мы пришли к тому, что «обход закона – сознательно-волевой, юридически значимый акт поведения субъекта, заключающийся в реализации нормативных предписаний в противовес, вопреки их регулятивным и охранительным целям, в результате чего опосредованно причиняется вред другим лицам, обществу или государству» [2, с. 45].

Подобные действия субъектов могут быть совершены путем отнесения лица к правовому состоянию или отдельным его элементам, фактически не имеющим к нему отношения, не подкрепленному реальными юридическими фактами.

Полагаем, обретение и последующая легитимация субъектом фиктивного правового статуса может осуществляться как относительно его отдельных элементов, так и полностью в следующих целях:

– обхода закона относительно получения субъективных прав. Так, весьма изощренной схемой приобретения преимущественного права покупки доли в праве общей собственности недвижимого имущества несколько десятилетий являлась следующая схема. Собственник доли, желающий ее продать третьему лицу (не второму дольщику, то есть сособственнику), осуществлял дарение ему незначительной части своей собственности (к примеру, 1/100 кв. м.) для уменьшения подоходного налога одаряемого. Такой «одариваемый» субъект приобретал преимущественное право покупки⁴, после чего в приоритетном порядке покупал оставшуюся часть и становился собственником доли жилого помещения в обход интересов сособственника. Потребовалось накопление большого массива правоприменительной практики для ликвидации лазейки. В частности, в 2022 г. внесены изменения в ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, в результате чего ч. 1.1 предусматривается запрет на указанные действия собственников долей, в результате которых «площадь жилого помещения, приходящаяся на долю каждого из сособственников <...> составит менее шести квадратных метров общей площади жилого помещения на каждого сособственника»⁵. Доказать в такой ситуации

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ст. 197) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. от 24 июля 2023 г. : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ст. 10) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

³ См.: Лазарев В. Можно ли закон обойти? // Новая адвокатская

газета. 2011. № 6. С. 4–5; Егоров А. Зачем нужно понятие «обход закона» // Ведомости : офиц. сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/05/27/specialnaya_norma_ne_bolee_togo?ysclid=lr0r24nvm3807251035 (дата обращения: 22.01.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. от 24 июля 2023 г. : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ст. 250) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

⁵ Жилищный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г. : одобрен Советом Федерации 24 дек. 2024 г. (ч. 1.1 ст. 30) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

факт притворной сделки крайне сложно с учетом выгоды обеих сторон и, соответственно, сокрытия истинного умысла;

– обхода закона за счет неисполнения (игнорирования) юридических обязанностей. К примеру, распространенным, можно даже сказать устоявшимся и привычным для многих наших современников, является легализованное уклонение от уплаты налогов при отчуждении недвижимого имущества путем оформления не договора купли-продажи, а договора дарения⁶. Или другое. С началом специальной военной операции и объявления частичной мобилизации у мужской части населения нашего государства возникла приоритетная обязанность – исполнение воинского долга. Как известно, ряд лиц, подлежащих призыву на воинскую службу, могут быть временно освобождены от выполнения данной юридической обязанности. Таковым основанием, например, выступает обучение в очной аспирантуре⁷. Не хотелось бы здесь необоснованно констатировать факт низкого правового сознания современной молодежи, но статистика высших учебных заведений такова, что с 2022 г. число поступающих на указанную форму обучения увеличилось как минимум на 30 %, а заголовки средств массовой информации недвусмысленно раскрывают причины всплеска интереса к науке⁸. Более того, при успешном завершении обучения и защите диссертации ученая степень «кандидат наук» изменяет порядок нормативного регулирования данной сферы с обязывающего на дозволительный. Иными словами, служба в вооруженных силах для кандидата наук становится правом, а не юридическим долгом⁹;

– обхода закона для смягчения существующих ограничений. В частности, тенденциозным явлением в спорте стало введение лимитов на игроков иностранного происхождения для защиты интересов молодых атлетов из России, недопущения искусственного возрастания конкуренции. К примеру, в соответствии с правовым регламентом Континентальной хоккейной лиги на сезон 2023–2024 гг. в сос-

таве хоккейной команды должны быть заявлены не более трех хоккеистов в статусе «иностранец»¹⁰. Вместе с тем некоторые клубы пошли на нестандартный ход: интересующему их игроку (безусловно, в силу высокого профессионального мастерства) предлагают оформить гражданство Российской Федерации, после чего под указанный лимит игрок не подпадает. Такие факты начинают приобретать системный характер (К. Ли, Б. Меннел, Б. Лайпсик). Убеждены, что подобная технология обхода закона путем приобретения мнимого правового статуса – прямое следствие желания уклониться от следования лимиту. Цели правового регулирования, направленного на поддержку и воспитание молодых доморощенных спортсменов, при этом не достигаются¹¹;

– обхода закона для приобретения правовых преимуществ в форме привилегий, льгот и пр. Законодательством о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации предусмотрена мера поддержки сотрудников, нуждающихся в жилом помещении (улучшении имеющихся условий проживания), а именно получение единовременной социальной выплаты¹². К сожалению, одним из мотивационных факторов перевода на службу подразделения, дислоцирующиеся на территории г. Москвы и Московской области, в последнее время стало получение названной социальной выплаты по тарифной сетке для указанных субъектов Российской Федерации в несколько раз выше по сравнению с имеющимися в регионах. К примеру, если в Орловской области стоимость квадратного метра для расчета единовременной социальной выплаты составляет 68 697 руб., в Московской области – 137 296 руб.¹³ Помимо обозначенных негативных последствий в виде игнорирования истинных целей правового регулирования, обозначенный пример обхода закона существенным

¹⁰ См.: Спортивный регламент Континентальной хоккейной лиги (п. 2.3 ст. 41) // Континентальная хоккейная лига : офиц. сайт. URL: https://www.khl.ru/documents/KHL_technical_regulations_2023.pdf?ysclid=lr8mt6s7j455812768 (дата обращения: 25.01.2024).

¹¹ См.: Нынешнюю лазейку лучше прикрыть. Кожевников о российском гражданстве для легионеров КХЛ // Чемпионат : офиц. сайт. URL: <https://www.championat.com/hockey/news-5176057-nyneshnyuyu-lazeyku-luchshe-prikryt-kozhevnikov-o-rossijskom-grazhdanstve-dlya-legionerov-khl.html> (дата обращения: 22.01.2024).

¹² О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 7 июля 2011 г. : одобрен Советом Федерации 13 июля 2011 г. (ст. 4) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2024).

¹³ См.: О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на второе полугодие 2023 года и показателях средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на III квартал 2023 года : приказ Министра России от 19 июня 2023 г. № 422/пр.

⁶ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 18 июня 2023 г. № 18-КГ23-32-К4 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

⁷ О воинской обязанности и военной службе : Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. (ст. 24) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.01.2024).

⁸ См.: После начала СВО в аспирантуру БелГУ поступает на 30 % больше студентов // Дзен : офиц. сайт. URL: <https://dzen.ru/a/ZPdD4aNeiQvKSSAf> (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ О воинской обязанности и военной службе : Федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 6 марта 1998 г. : одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. (п. «а» ч. 2 ст. 23) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2024).

образом сказывается на сохранении профессионального кадрового ядра полицейских в регионах Российской Федерации, детерминируя отток сотрудников и образование системного некомплекта;

– полного приобретения (оформления) фиктивного правового статуса со всеми сопутствующими элементами (правами, обязанностями, правовыми преимуществами и др.). Таковым, к примеру, может являться мнимое, притворное вступление в брак. Современное законодательство открывает широкие возможности для людей, решивших создать семью, а именно:

– получение одним из супругов российского гражданства без учета квот, утвержденным Правительством Российской Федерации¹⁴;

– улучшение жилищных условий путем оформления ипотечного кредитования на льготных условиях (программа «Молодая семья» и др.)¹⁵;

– меры налоговой поддержки¹⁶;

– дополнительные меры поддержки молодых семей за счет средств региональных и муниципальных органов власти¹⁷ и др.

Юридическая ответственность (административная, уголовная) за фиктивный правовой статус супругов по российскому законодательству не предусмотрена, что в определенной мере создает предпосылки для обхода закона и получения мер государственной поддержки¹⁸.

Таким образом, можно предложить рамочное, операционное определение понятия «фиктивный правовой статус», которое, безусловно нуждается в дальнейшем осмыслении, дополнении и развитии, в том числе путем широкого научного обсуждения. Полагаем, что это ле-

гализуемая путем особой юридической процедуры система прав, юридических обязанностей, ограничений, запретов и правовых преимуществ субъекта, впоследствии находящая закрепление в нормативных документах, но не отражающая реального состояния применительно к складывающимся отношениям и противоречащая истинным целям правового регулирования.

Заключение. В отличие от юридических фикций в целом, которые выступают необходимым компонентом правового регулирования, вынужденным приемом преодоления правовой неопределенности, что делает их положительным явлением (часто в научной литературе фикции именуют «ложью во благо»), фиктивный правовой статус является феноменом негативным, как с научной точки зрения, так и практической.

Безусловно, приведенный материал, продемонстрированные примеры не только показывают актуальность обращения к фундаментальной категории правового статуса, но и подталкивают к взгляду на нее с иного ракурса, переосмыслению некоторых аспектов. Это ни в коей мере не призыв к введению каких-либо дополнительных ограничений, запретов или ужесточения мер ответственности, поскольку мы придерживаемся точки зрения о необходимости поступательного, системного правового воздействия. В дополнение к сказанному, поступательная работа в данном направлении уже ведется. В частности, на момент подготовки материала принят в первом чтении проект федерального закона о запрете использования фиктивных браков и фиктивного установления отцовства для незаконного получения иностранными гражданами или лицами без гражданства миграционного статуса на территории Российской Федерации¹⁹. Ввиду кардинально меняющейся в последнее время миграционной обстановки данный аспект представляется крайне востребованным. Безусловно, применительно к каждой из представленных форм обхода закона (путем приобретения мнимых элементов правового статуса), необходима широкая научная дискуссия, с привлечением представителей практики, после чего могут быть предложены конкретные пути и средства противодействия.

¹⁴ См.: Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 14 дек. 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2023. № 3.

¹⁵ О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 дек. 2010 г. № 1050 : в ред. от 21 дек. 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая : Федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 19 июля 2000 г. : одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г. (ст. 218) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁷ О дополнительных мерах поддержки молодых семей : проект федерального закона № 485251-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/485251-8> (дата обращения: 24.01.2024); О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве : закон г. Москвы от 23 нояб. 2005 г. № 60 : в ред. от 7 июня 2023 г. // Ведомости Московской городской Думы. 2005. № 12 (2).

¹⁸ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 нояб. 1998 г. № 15 : в ред. от 6 февр. 2007 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.01.2024).

¹⁹ О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части исключения возможности использования фиктивных браков для незаконного получения иностранными гражданами миграционного статуса на территории Российской Федерации) : проект федер. закона № 474730-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/474730-8> (дата обращения: 26.01.2024).

С точки зрения научного аспекта фиктивный правовой статус разрывает связь сущего и должного в социальном положении субъекта, отдаляет содержательное наполнение субъективных возможностей и обязываний от юридической формы с соответствующими элементами. С практических позиций фиктивный правовой статус предопределяет возможность обойти закон, реализовать субъектом правовые предписания в противоречии с их регулятивными и охранительными целями, тем самым латентно, опосредовано нанести вред охраняемым законом объектам.

Практика показывает, что чаще всего приобретение и юридическое оформление субъектом фиктивного правового статуса могут осуществляться в целях обхода закона относительно приобретения субъективных прав, неисполнения (игнорирования) юридических обязанностей, смягчения существующих ограничений и приобретения правовых преимуществ в форме привилегий, льгот и др.

Список литературы:

1. *Бабурин С. Н.* Личность в системе духовно-нравственных координат государства // Российское государство и вызовы XXI века : сб. ст. Междунар. конф. к 30-летию Конституции Российской Федерации и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин. М., 2023. С. 22–25.
2. *Баранов В. М., Репьев А. Г.* Общеправовой феномен «обход закона»: понятие и соотношение со смежными явлениями // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 39–46.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.
4. *Дормидонтов Г. Ф.* Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций: исслед. Г. Ф. Дормидонтова. Казань, 1895. 176 с.
5. *Матuzов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. 293 с.
6. *Мейер Д. И.* О юридических вымыслах и предположениях о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.
7. *Переpletчикова А. И.* Юридическая фикция как один из способов устранения неопределенности в праве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 5 (97). С. 47–52.
8. *Ромашов Р. А.* Теория правового статуса осужденного // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3 (16). С. 21–29.

Конструкция фиктивного правового статуса, будучи продуктом мыслительного абстрагирования, не приближает правовое регулирование к конкретности (в отличие от юридической фикции), а отдаляет его. Если классическая юридическая фикция (например, о признании гражданина умершим) конструирует реальность, позволяет прогнозировать дальнейшие юридически значимые действия и их правовые последствия, то фиктивный правовой статус уводит правовое регулирование от истинных его целей, не дисциплинирует участников правоотношений, а создает предпосылки для нарушения правового порядка.

Феномен «обход закона» в силу своей нетипичности внутри типологии правового поведения, а также многообразия форм своего проявления (включая представленную здесь в виде оформления фиктивного правового статуса) нуждается в фундаментальном осмыслении как с позиции теории права, так и практики.

References:

1. *Baburin S. N.* Lichnost' v sisteme duhovno-nravstvennykh koordinat gosudarstva // Rossijskoe gosudarstvo i vyzovy XXI veka : sb. st. Mezhdunar. konf. k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii i 40-letiyu kafedry gosudarstvenno-pravovykh disciplin. M., 2023. S. 22–25.
2. *Baranov V. M., Rep'ev A. G.* General legal phenomenon "circumvent the law": concept and relationship with related phenomenon // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. № 5 (97). S. 39–46.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. SPb., 2000. 1536 s.
4. *Dormidontov G. F.* Klassifikaciya javlenij juridicheskogo byta, odnosimyh k sluchajam primeneniya fikcij: issled. G. F. Dormidontova. Kazan', 1895. 176 s.
5. *Matuzov N. I.* Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987. 293 s.
6. *Mejer D. I.* O juridicheskikh vymyslah i predpolozheniyah o skrytnyh i pritvornyh dejstviyah. Kazan', 1854. 127 s.
7. *Perepletchikova A. I.* Legal fiction as one of the ways to eliminate uncertainty in law // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. № 5 (97). S. 47–52.
8. *Romashov R. A.* The theory of legal status of condemned // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2013. № 3 (16). S. 21–29.
9. *Tanimov O. V.* On the scientific development of the concept «legal fiction» // Citizen. Elections. Authority. 2022. № 3 (25). S. 35–48.

9. Танимов О. В. О научной разработке понятия «юридическая фикция» // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 35–48.
10. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумма. М., 2023. 512 с.
11. Ширвиндт А. М. Значение фикции в римском праве. М., 2013. 255 с.
12. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1984. 415 с.
13. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова [и др.]; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2006. 816 с.
10. Harari Yu. N. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva / per. s angl. L. Summa. M., 2023. 512 s.
11. Shirvindt A. M. Znachenie fikcii v rimskom prave. M., 2013. 255 s.
12. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. YA. Suharev. M., 1984. 415 s.
13. Yuridicheskij enciklopedicheskij slovar' / M. O. Buyanova [i dr.]; отв. red. M. N. Marchenko. M., 2006. 816 s.

Для цитирования:

Репьев Артем Григорьевич. Фиктивный правовой статус как проявление обхода закона // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 16–23.

For citation:

Rep'ev Artem Grigor'evich. Fictitious Legal Status as a Manifestation of Circumvention of the Law // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 16–23.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА России

Россинский Сергей Борисович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, Москва,
ул. Знаменка, 10

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.101

Sergej Borisovich Rossinskiy,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Sector
of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenka St., 10

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-24-32

Дата поступления статьи: 25 марта 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения¹

The Genesis of Doctrinal, Regulatory and Practical Approaches to the Form and Content of the Indictment

Аннотация

Актуальность исследования: установленные уголовно-процессуальным законом требования, предъявляемые к обвинительному заключению, несмотря на должную проработанность и многолетнее использование, еще далеки от совершенства, приводят к трудностям в правоприменительной практике и другим негативным обстоятельствам.

Постановка проблемы: продуктивность совершенствования нормативных основ обвинительного заключения и оптимизации соответствующих прикладных подходов и рекомендаций напрямую зависит от выявления и осмысления причин, повлиявших на появление существующего порядка подготовки данного уголовно-процессуального акта.

Цели исследования: формирование систем-

Abstract

Relevance of the study: the requirements established by the criminal procedure law for an indictment, despite due elaboration and long-term use, are still far from perfect, lead to difficulties in law enforcement practice and other negative circumstances.

Problem statement: the productivity of improving the normative foundations of the indictment and optimizing the relevant applied approaches and recommendations directly depends on identifying and understanding the reasons that influenced the emergence of the existing procedure for the preparation of this criminal procedural act.

Research objectives: formation of systematic scientific knowledge about the circumstances of the emergence and development of doctrinal, regulatory and practical approaches to the

¹ Статья подготовлена по государственному заданию Института государства и права Российской академии наук. Тема научно-исследовательской работы № FMUZ-2024-0037 «Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами».

ного научного знания об обстоятельствах возникновения и развития доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения, в том числе о причинах появления предопределенных ими деструктивных тенденций, приводящих к разбалансировке процессуальных функций, к неразумному соотношению следственных, прокурорских и судебных полномочий.

Методы исследования: в качестве основного метода исследования использовался диалектический подход к познанию реальности, специальных методов – обобщение правоприменительной практики, историко-правовой, технико-юридический методы и др.

Результаты исследования и ключевые выводы: в Российской Федерации ввиду целого ряда причин сложились достаточно деструктивные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения, которые осложняют правоприменительную практику органов предварительного расследования, приводят к разбалансировке процессуальных функций, неразумному соотношению процессуальных полномочий, постепенному превращению судебной деятельности в бесполезную формальность, то есть к искажению самого смысла уголовной юстиции. Кроме того, такие подходы не соответствуют подлинному предназначению обвинительного заключения. В связи с этим ощущается объективная потребность в разработке, введении в предмет уголовно-процессуального регулирования и постепенном внедрении в правоприменительную практику принципиально новых подходов к форме и содержанию обвинительного заключения.

Ключевые слова: досудебное производство; обвинительное заключение; обвинительный акт; окончание предварительного следствия; полномочия следователя; решение следователя.

form and content of the indictment, including the causes of the appearance of destructive tendencies predetermined by them, leading to an imbalance of procedural functions, to an unreasonable ratio of investigative, prosecutorial and judicial powers.

Research methods: the dialectical approach to cognition of reality was used as the main research method, special methods – generalization of law enforcement practice, historical and legal, technical and legal methods, etc.

The results of the study and key conclusions: in the Russian Federation, due to a number of reasons, there are quite destructive approaches to the form and content of the indictment, which complicate the law enforcement practice of the preliminary investigation bodies, lead to an imbalance of procedural functions, an unreasonable ratio of procedural powers, the gradual transformation of judicial activity into a useless formality, that is, to distort the very meaning of criminal justice. Moreover, such approaches do not correspond to the true purpose of the indictment. In this regard, there is an objective need to develop, introduce into the subject of criminal procedure regulation and gradually introduce into law enforcement practice fundamentally new approaches to the form and content of the indictment.

Keywords: pre-trial proceedings; indictment; indictment act; end of the preliminary investigation; powers of an investigator; decision of an investigator.

Под обвинительным заключением в уголовно-процессуальной доктрине и правоприменительной практике обычно понимается подлежащий утверждению прокурором уголовно-процессуальный акт органа предварительного следствия, состоящий в подведении итогов завершеного досудебного производства, оценке достаточности имеющихся доказательств, формулировании вывода об изобличении обвиняемого (нескольких обвиняемых) в совершении инкриминируемого преступления (нескольких преступлений) и содержащий решение о направлении уголовного дела в суд для дальнейшего рассмотрения по существу.

На сегодняшний день такой смысл вытекает из ст. 220 и ряда других положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс); близкие по содержанию позиции высказываются и многими учеными-процессуалистами [5, с. 457; 6, с. 804 и др.]. Они же лежат в основе уже ставших традиционными прикладных подходов к форме и содержанию обвинительного заключения, а также хорошо известных каждому практическому работнику рекомендаций.

Вместе с тем установленные законом правила по подготовке обвинительного заключения еще явно далеки от совершенства, а обуслов-

ленные ими прикладные подходы и рекомендации вызывают изрядные трудности в повседневной работе органов предварительного следствия, приводят к излишней бюрократизации, увеличению «следственной» нагрузки, к другим негативным последствиям, поэтому, вне всяких сомнений, требуют дальнейшего улучшения и оптимизации. Причем для более четкого понимания правотворческих и иных мер, подлежащих принятию в данном направлении, в первую очередь необходимо выявить и осмыслить причины, повлиявшие на современную нормативную основу обвинительного заключения и сложившуюся правоприменительную практику. Решению этой научной задачи и посвящена настоящая статья.

Вообще сама идея, увязывающая окончание предварительного следствия именно с составлением обвинительного заключения, возникла и приобрела законодательное воплощение чуть более ста лет назад. А ее появление было напрямую связано с формированием раннесоветской системы уголовного судопроизводства, с одной стороны, учитывающей лучшие мировые в первую очередь романо-германские традиции и богатый опыт уголовной юстиции Российской империи, а с другой — соответствующей общему вектору развития государственности в существующих на тот момент социально-политических условиях. Ведь применяемые ранее, до Октябрьской революции, правила досудебного производства предполагали несколько иную форму окончания предварительного следствия с направлением уголовного дела в суд: решения о выдвигении официального обвинения и завершении досудебного производства с дальнейшим преданием обвиняемого суду предписывались интегрировать в рамках единого процессуального документа — обвинительного акта, а полномочиями по его составлению наделялась прокуратура.

И лишь в связи с упразднением «царского» законодательства ввиду ряда веских причин² возник сохранившийся до настоящего времени следственный порядок, сводящийся к вынесению в отношении лица специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого с последующим «засиливанием» этого решения в обвинительном заключении. Причем первые шаги в этом направлении были сделаны еще в период так называемого декретного правотворчества: определенные намеки на необходимость вынесения специальных следственных заключений по результатам досудебного производства нашли отражение в некоторых

послереволюционных «судебных» декретах советской власти. Например, Положением о народном суде РСФСР, утвержденным Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г., действовавшим на тот момент следственным комиссиям поручалось «постановлять о заключении следствия или предании суду»; одновременно указывалось на необходимость должной мотивировки подобных постановлений; говорилось и о праве суда возвращать материалы на исследование в случае признания таких актов недостаточно обоснованными. А Положение о народном суде РСФСР, утвержденное Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г., предопределило передачу подобных полномочий в единоличное ведение народных следователей.

Гораздо большую определенность правовое регулирование обвинительного заключения приобрело в начале 1920-х гг. в связи с принятием первых советских уголовно-процессуальных кодексов. Тогда же возник и сам термин «обвинительное заключение» — под ним стали понимать правоприменительный акт, фиксирующий итоги предварительного расследования и воплощающий результаты всей следственно-оперативной работы по соответствующему уголовному делу [2, с. 167; 3, с. 188]. Хотя какие-либо серьезные доктринальные изыскания, направленные на исследование сущности, предназначения, формы и содержания обвинительного заключения в указанный период не проводились.

В соответствии с положениями «пробного» УПК РСФСР 1922 г. и аналогичными по содержанию положениями принятого всего через несколько месяцев «обновленного» УПК РСФСР 1923 г. в случае признания предварительного следствия окончанным следователю надлежало приступать к составлению обвинительного заключения, после чего направлять материалы уголовного дела прокурору. Обвинительное заключение предписывалось оформлять в виде документа, состоявшего из двух частей. В первой (описательной) части надлежало излагать выявленные в ходе предварительного следствия обстоятельства уголовного дела с указанием соответствующих доказательств, а во второй (резолютивной) — установленные сведения о личности обвиняемого, его прежних судимостях, классовой принадлежности, роде занятий, а также о потерпевшем. Кроме того, резолютивная часть должна была содержать данные о времени, способе, мотивах преступления и точную уголовно-правовую оценку (квалификацию) содеянного. К обвинительному заключению предписывалось прилагать списки лиц, вызываемых в судебное заседание, и лиц, в отношении которых уголовное дело было выделено либо прекращено.

² Причины, предопределившие возникновение следственного порядка досудебного привлечения человека к уголовной ответственности, в свое время были выявлены и подробно проанализированы в других публикациях автора настоящей статьи [9, с. 16–19].

В связи с дальнейшим развитием советского уголовно-процессуального законодательства указанные положения претерпели целый ряд изменений. Первые из них были внесены совместным Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров (далее — Совнарком) РСФСР от 20 октября 1929 г. Вследствие указанных поправок порядок подготовки обвинительного заключения приобрел еще большую конкретизацию. В частности, законодатель подробно разъяснил требования по оформлению описательно-мотивировочной части документа: было указано на краткость и одновременно всесторонность изложения существа уголовного дела с освещением и «негативных», и «позитивных» для обвиняемого обстоятельств, а также обоснованием их соответствующими доказательствами. Кроме того, появилось уточнение, обязывающее следователя в случае привлечения лица к ответственности по совокупности преступлений четко квалифицировать каждое из них. Из приложений к обвинительному заключению были исключены списки лиц, в отношении которых уголовное дело выделялось либо прекращалось. Сохранился лишь список лиц, вызываемых в суд, который впредь надлежало ограничивать «действительно необходимыми» людьми, не перегружая его избыточными свидетелями. Зато такие приложения пополнились специальной справкой, включающей в себя сведения о времени содержания обвиняемого под стражей, о вещественных доказательствах, мерах, направленных на обеспечение исполнения приговора, и о гражданском иске. Одновременно было введено еще одно важное новшество: при изложении в обвинительном заключении и приложениях к нему обстоятельств и результатов предварительного расследования законодатель предписал указывать ссылки на соответствующие листы уголовного дела. С тех самых пор за обвинительным заключением легально закрепились организационно-техническая (справочная) роль [10, с. 54]: оно официально стало признаваться процессуальным «путеводителем», позволяющим любому читателю быстро сориентироваться в материалах досудебного производства и оперативно найти требуемый документ.

Как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, в 1920-х гг. в советской системе досудебного производства ввиду целого ряда причин возникли устойчивые тенденции, направленные на процессуализацию дознания, на его инкрементальное сближение с предварительным следствием, на постепенное превращение соответствующих должностных лиц в квазиследователей, наделенных полноценной процессуальной правосубъектностью,

в том числе полномочиями по составлению обвинительных заключений [7, с. 31–35; 8, с. 62–63]. В связи с этим законодатель предусмотрел особенности окончания предварительного расследования, проведенного в форме дознания: уголовные дела о преступлениях, караемых более чем годом лишения свободы, вместе с обвинительными заключениями предписывалось направлять следователям, а остальные — непосредственно в суд. Для органов Объединенного государственного политического управления при Совнаркоме СССР предусматривалось исключение: некоторые уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 108 УПК РСФСР 1923 г., вместе с обвинительными заключениями подлежали направлению прокурорам, все прочие дела независимо от вида и размера наказания — в суд.

Очередной этап развития правовой регламентации обвинительного заключения был обусловлен реформой процессуального законодательства, проведенной на рубеже 1950-х–1960-х гг., и принятием УПК РСФСР 1960 г. Положения нового Кодекса в этой части никакими существенными изменениями не характеризовались, смысл появившихся новаций сводился всего лишь к незначительным корректировкам прежних правил и дальнейшей конкретизации требований при подготовке указанных процессуальных актов. В связи с этим в публикациях 1960-х гг. обвинительное заключение стало расцениваться как правоприменительный акт, предполагающий повторный анализ и новую как бы предсудебную оценку материалов уголовного дела на предмет всесторонности, полноты и объективности установленных обстоятельств [4, с. 294; 11, с. 63–64]. Так, еще большее внимание стало уделяться отдельным реквизитам обвинительного заключения. Законодатель посчитал разумным более подробно детализировать содержание описательной части документа, указав на необходимость изложения всех имеющих юридическое значение фактов: места и времени, способов и мотивов совершения преступления, виновности лица, смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств и др., а также соответствующих доказательств, в том числе доводов, приводимых обвиняемым в свою защиту, и результатов их проверки. Наряду с этим появилось правило о включении в резолютивную часть обвинительного заключения формулировки предъявленного обвинения с точной квалификацией содеянного. Отдельно говорилось об обязательности подписания документа с указанием места и времени его составления. Изменениям подверглись и требования к содержанию приложений к обвинительному заключению: список подлежащих вызову в судебное заседание

лиц стал зависеть от мнения следователя, а реквизиты прилагаемой справки пополнились сведениями о мерах по обеспечению гражданско-го иска, возможной конфискации имущества и данными о судебных издержках.

Кроме того, законодатель упразднил особый порядок окончания дознания с обвинительным заключением. В соответствии со ч. 2 ст. 124 УПК РСФСР 1960 г. в случаях, не предполагающих обязательности предварительного следствия, органам дознания предписывалось составлять обвинительное заключение и направлять его вместе со всеми материалами уголовного дела прокурору для утверждения и дальнейшей передачи в суд.

Однако серьезных доктринальных изысканий, направленных на исследование сущности, предназначения, формы и содержания обвинительного заключения в период действия УПК РСФСР 1960 г., по-прежнему не наблюдалось, ученые-процессуалисты преимущественно уделяли внимание лишь прикладным технологиям его подготовки, в частности допускаемым при этом ошибкам.

Требования к составлению обвинительных заключений в неизменном виде просуществовали достаточно долго, вплоть до принятия и введения в действие УПК РФ 2001 г. За это время был наработан богатый опыт подготовки обвинительных заключений и сформировались хорошо известные каждому следователю и дознавателю более или менее единообразные практические подходы [1, с. 10–71; 9, с. 64–69], соответствующие прикладные технологии и рекомендации в течение многих лет использовались подавляющим большинством самых различных органов предварительного расследования на всей территории РСФСР (в дальнейшем – Российской Федерации) и часто воспринимались практическими работниками как нечто очевидное, само собой разумеющееся, а связанные с ними и передаваемые «из поколения в поколение» профессиональные хитрости и секреты всегда признавались предметом особой гордости опытных сотрудников.

Вместе с тем на поверку подобные предписания оказались не столь разумными и эффективными, каковыми они, по всей вероятности, изначально представлялись разработчикам УПК РСФСР 1960 г. Со временем в преопределенной ими правоприменительной практике стали проявляться существенные недостатки и изъяны, оказывавшие достаточно пагубное влияние на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности, а порой даже обуславливающие извращение всей системы уголовной юстиции. Так, во-первых, жесткие требования к оформлению обвинительных заключений в совокупности с общими тенденциями

по бюрократизации уголовного судопроизводства стали причиной разрастания объемов данных документов до колоссальных размеров, подчас достигающих сотен и даже тысяч страниц. В конечном счете это привело к увеличению «следственной» нагрузки, нерациональности расходования следователями рабочего и даже нерабочего времени, к иным негативным последствиям. Причем особенно заметными подобные проблемы стали в последнее десятилетие XX в. в связи с появлением множества сложных и объемных уголовных дел об экономических преступлениях, о преступлениях, совершенных организованными преступными группами, сообществами и т. д. Например, автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в «экономическом» отделе Следственного управления ГУВД г. Москвы (позднее – Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы), вспоминаются обвинительные заключения, на подготовку которых уходило по несколько недель, иногда месяцев непрерывной работы, и объем их исчислялся минимум несколькими томами; во-вторых, столь исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях результатов предварительного расследования, включая подробное описание имеющихся доказательств, фактически уподобляло их судебным приговорам, что в силу понятных каждому практикующему работнику причин просто не могло не повлиять на смещение «центра тяжести» всей системы уголовной юстиции, на разбалансировку процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, на утрату разумного соотношения их полномочий, на превращение некоторых, в особенности прокурорских и судебных, обязанностей в профанацию.

Конечно, с одной стороны, подробное освещение в обвинительных заключениях всех значимых для уголовного дела обстоятельств и подтверждающих либо опровергающих их доказательств явно содействовало упрощению «последствий» прокурорских проверок соответствующих материалов и ускорению их «прохождения» через судебные инстанции, то есть в определенной степени способствовало быстрому изобличению виновных и обеспечению правильного применения уголовного закона как одной из стоящих перед УПК РСФСР 1960 г. задач. Но, с другой стороны, это привело к фактическому приданию предварительному расследованию значения важнейшей, в определенном смысле кульминационной стадии уголовного судопроизводства, а установленным органами дознания и предварительного следствия обстоятельствам – непреложной гносеологической основы для судебного разрешения уголовного дела и постановления приговора.

Очевидно, что участвующие в разработке подобных требований советские ученые даже не помышляли о негативных последствиях своих правотворческих инициатив. По всей вероятности, их благие замыслы были направлены исключительно на укрепление режима социалистической законности, на усиление защищенности обвиняемого, на воплощение иных правовых ценностей и пронизаны стремлением к достижению максимальной прозрачности досудебного производства. А исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях итогов предварительного расследования, скорее всего, расценивалось в качестве своеобразной формы отчетности следователей (органов дознания) о проделанной работе, а также подспорья в надлежащем уяснении потенциальными читателями соответствующих обвинительных позиций.

Между тем многие в первую очередь недобросовестные представители прокуратуры и судебной системы быстро уразумели обратную сторону указанных предписаний, осознали их неоспоримую выгоду для уклонения от надлежащего исполнения своих собственных полномочий, освобождения от «лишней» работы за счет возможности использования результатов дознавательской и следственной деятельности. В частности, прокуроры начали почему-то «забывать» о вытекающих из смысла ст. 213–214 УПК РСФСР 1960 г. надзорных обязанностях по проверке всего (!) поступившего из органа предварительного расследования уголовного дела: зачастую стали ограничиваться лишь изучением (иногда достаточно беглым просмотриванием) обвинительных заключений. Кроме того, в целом ряде случаев они перестали надлежащим образом готовиться к участию в судебных заседаниях в качестве государственных обвинителей, прибегая к помощи обвинительных заключений как к своеобразным шпаргалкам. Особую распространенность такие технологии получили в 1990-е гг. в связи с резким увеличением объемов некоторых уголовных дел: прокуроры просто физически не были способны в предусмотренные законом пресловутые пять суток рассматривать поступающие многотомные материалы и принимать по ним обоснованные и взвешенные процессуальные решения. Известны даже случаи, когда следователи не передавали прокурорам оконченные производством уголовные дела в полном объеме, а по их просьбам отвозили основную массу наработанных материалов непосредственно в суды; в прокуратуру же представлялись лишь обвинительные заключения, на основании которых и принимались надзорные решения в соответствии со ст. 214 УПК РСФСР 1960 г.

И все же наибольшую «пользу» из установленного порядка подготовки обвинительных за-

ключений извлекали именно судьи. Быстро осознав возможность уклонения от должного разбирательства подлежащих судебному разрешению вопросов, от обоснования и письменной мотивировки процессуальных решений, представители судебной системы принялись копировать для включения в содержание приговоров либо иных правоприменительных актов соответствующие фрагменты обвинительных заключений, порой дословно переписывая целые абзацы и даже страницы «следственных» текстов.

В принципе, в подобных технологиях как не было, так и нет ничего плохого и предосудительного. Ведь если судья действительно полностью согласен с тем или иным аргументом либо выводом следователя (дознателя), ему и ничего не мешает воспользоваться некоторыми удачно сконструированными формулировками, позаимствовать отдельные грамотно обоснованные доводы либо суждения. Такие приемы постоянно используются во многих областях жизнедеятельности, в подавляющем большинстве сфер правового регулирования: они позволяют существенно оптимизировать юридическую либо иную практику, сэкономить время и трудозатраты, предполагаемые для решения стоящих задач, добиться других позитивных результатов.

Однако в реальности судьи стали просто игнорировать обязанности, предполагающие подробное вникание в детали рассматриваемого правового спора, то есть пренебрегать требованием непосредственности рассмотрения уголовного дела как одним из базовых условий производства в суде первой инстанции. Неудивительно, что при подобных обстоятельствах «центр тяжести» всей системы уголовной юстиции сместился именно в сторону предварительного расследования, а основное бремя ответственности за надлежащее разрешение уголовных дел фактически стало возлагаться на следователей (дознателей) как авторов обвинительных заключений. Судьи же, к слову, по своей собственной инициативе превратились преимущественно в пассивных рерайтеров-переписчиков таких обвинительных заключений, а производство в суде первой инстанции – в пустую формальность.

Особо заметными эти изъяны судебной практики стали в связи с постепенным оснащением судов, органов дознания и предварительного следствия персональными компьютерами с установленными на них программами для создания и редактирования текстов (вначале «Лексиконом», «Фотоном» и др., а затем и майкрософтким «Вордом»), а также появлением 5,25-дюймовых и 3,5-дюймовых дискет для хранения и передачи различных данных. Ввиду возникновения подобных технических возмож-

ностей работа судей по написанию текстов приговоров на основе поступающих в суды обвинительных заключений во многом свелась лишь к использованию известного каждому примитивного алгоритма «copy paste» («копировать вставить»). И автору настоящей статьи вспоминается множество случаев, связанных с поступающими в адрес следователей «дружескими» просьбами или даже настоятельными требованиями судей о передаче в их распоряжение дисков с электронными версиями обвинительных заключений по принятым ими к производству уголовным делам, в противном случае могли наступить весьма нежелательные последствия: от ухудшения налаженных рабочих отношений с соответствующим судьей до возвращения уголовного дела на дополнительное расследование зачастую по явно надуманным основаниям. Встречались и более вопиющие ситуации: председатели ряда судов, в частности некоторых районных судов города Москвы, прямо запрещали сотрудникам своих канцелярий принимать и регистрировать поступающие уголовные дела без приложенных к ним дисков с электронными версиями обвинительных заключений.

По всей вероятности, именно эти обстоятельства и сыграли решающую роль для разработки и внедрения в правоприменительную практику принципиально нового нормативного подхода к форме и содержанию обвинительного заключения. Принятый в 2001 г. УПК РФ существенно упростил соответствующие требования: впредь обвинительное заключение предписывалось оформлять в виде краткой аннотации к окончательному досудебному производству уголовному делу, не предполагающей исчерпывающего изложения результатов предварительного расследования, подробного описания имеющихся доказательств и тому подобных реквизитов. В соответствии с изначальной редакцией ст. 220 УПК РФ содержание обвинительного заключения надлежало ограничивать данными о личности обвиняемого (обвиняемых), описанием установленных обстоятельств преступления и точной формулировкой предъявленного обвинения (точными формулировками всех предъявленных обвинений), перечнем «обвинительных» и «контробвинительных» доказательств, а также изложением обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, сведений о потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, характере и размере причиненного преступлением вреда. Кроме того, сохранялись предписания о необходимости составления списка подлежащих вызову в судебное заседание лиц и прилагаемой к обвинительному заключению справки о наиболее значимых деталях предварительного следствия. А ввиду предпринятой дифференциации форм окончания досудебного

производства схожие требования были установлены и в отношении обвинительного акта как процессуального документа, свойственного для завершения ординарного дознания.

В связи с этим представляется, что данные новшества позволили достаточно хорошо гармонизировать форму и содержание обвинительного заключения с его подлинным процессуальным предназначением, состоящим, как отмечалось ранее, в резюмировании результатов предварительного следствия, в признании их судебной перспективы, в формальном окончании одной и возникновении другой стадии уголовного судопроизводства, а также в способствовании обеспечению прав участвующих лиц и быстрому ориентированию потенциальных читателей во множестве имеющихся документов. По крайней мере, такой нормативный подход впервые с момента введения обвинительного заключения в предмет процессуального регулирования позволил сильно пошатнуть устоявшиеся в доктрине и правоприменительной практике позиции, предполагающие отождествление данного следственного акта с достаточно обстоятельным анализом имеющихся доказательств, с исчерпывающим обоснованием решения о направлении уголовного дела в суд.

В силу понятных причин подобные требования были весьма позитивно восприняты сотрудниками органов предварительного расследования. Ведь они привели к резкому снижению «следственной» нагрузки, более рациональному расходованию рабочего времени, возможности сосредоточиться на решении иных вопросов досудебного производства.

Вместе с тем такого рода новации получили далеко неоднозначные оценки. Причем наиболее негативное отношение к этим требованиям вполне ожидаемо сложилось в судебском корпусе: предусмотренные УПК РФ правила подготовки обвинительных заключений, равно как и обвинительных актов, фактически лишили судей возможности использовать результаты дознавательской и следственной деятельности, уклоняться от обязанности подробного вникания в детали рассматриваемого правового спора, а также от надлежащего обоснования и мотивировки приговоров (иных правоприменительных актов). В связи с этим в судебском обществе практически сразу после вступления в силу нового процессуального законодательства стали заметны явные недовольства и начали предприниматься активные попытки реставрации прежних нормативных и практических подходов к форме и содержанию обвинительных заключений, а заодно и обвинительных актов. Причем ввиду имеющихся у судебной власти серьезных правовых рычагов реализация таких замыслов не составила особого труда.

Уже 5 марта 2004 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³, разъясняющее смысл нормативных предписаний об указании в обвинительных заключениях и актах перечней «обвинительных» и «контробвинительных» доказательств. Умело воспользовавшись неопределенностью и предрасположенностью к вариативному толкованию положения, предусмотренного ч. 1 ст. 74 УПК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации настоятельно рекомендовал включать в такие перечни не только наименования и прочие идентификационные реквизиты предполагаемых к судебному исследованию средств доказывания (в терминологии авторов постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации — источников доказательств), но и краткое содержание каждого из них! А позднее, через шесть лет, такие рекомендации не без участия Верховного Суда Российской Федерации были поддержаны законодателем и получили легальное воплощение в УПК РФ посредством принятия Федерального закона от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Причем, исходя из содержания опубликованной на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пояснительной записки к соответствующему законопроекту, потребность в подобной корректировке правил составления обвинительных заключений (актов) была вызвана лишь приведением Кодекса в соответствие с вышеуказанной позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, в результате предпринятых усилий Верховного Суда Российской Федерации и поддержавшего его без какой-либо особой мотивации законодателя произошла реставрация прежних, советских и весьма выгодных для представителей судебной власти требований к форме и содержанию обвинительных заключений; попутно эти же требования стали применяться и в части подготовки обвинительных актов. Одновременно возродилась и соответствующая правоприменительная практика со всеми присущими ей изъянами и недостатками, предполагающими использование судьями результатов дознавательской и следственной деятельности, в том числе подготовку приговоров путем копирования значительных фрагментов «следственных» текстов. К тому

же ввиду бурного развития компьютерных средств и цифровых технологий в 2000-х гг. возникли новые формы передачи электронных версий обвинительных заключений (актов). Вначале дискеты были вытеснены флэш-накопителями цифровой информации, вследствие чего в обиходе процессуального жаргона прочно укоренился термин «флэш-приговор». Затем соответствующие данные стали передаваться посредством электронной почты, мессенджеров, других современных технологических изобретений. Все эти факторы снова привели к увеличению «следственной» нагрузки, к очередному смещению «центра тяжести» уголовной юстиции в сторону предварительного расследования, к сознательному снижению процессуальной активности судей, к частичной утрате стадий производства в суде первой инстанции своего смысла. Но самое главное, они неизбежно повлияли на усиление того самого обвинительного уклона, о недопустимости которого постоянно говорят и пишут многие ученые-процессуалисты, государственные и общественные деятели, практические работники и прочие специалисты.

Подводя итоги, можно смело констатировать, что к настоящему времени в Российской Федерации ввиду целого ряда причин сложились достаточно деструктивные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения, которые серьезно осложняют правоприменительную практику органов предварительного расследования, приводят к разбалансировке процессуальных функций, неразумному соотношению следственных, прокурорских и судебных полномочий, постепенному превращению судебных стадий уголовно-процессуальной деятельности в первую очередь производства в первой инстанции в бесполезную формальность и профанацию, то есть к извращению самого смысла существующей системы уголовной юстиции. Более того, такие подходы абсолютно не соответствуют подлинному предназначению обвинительного заключения как правоприменительного акта, предполагающего резюмирование результатов предварительного следствия, признание их судебной перспективы, формальное окончание одной и возникновение другой стадии уголовного судопроизводства, а также способствование обеспечению прав участвующих лиц и быстрому ориентированию потенциальных читателей в материалах уголовного дела.

И в связи с этим сегодня ощущается объективная потребность в разработке, во введении в предмет уголовно-процессуального регулирования и в постепенном внедрении в правоприменительную практику принципиально новых подходов к форме и содержанию обвинительного заключения. Этим вопросам планируется посвятить последующие публикации автора настоящей статьи.

³ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

Список литературы:

1. *Веселый В. З., Статкус В. Ф.* Обвинительное заключение. М., 1970. 72 с.
2. *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927. 222 с.
3. *Громов В. И.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений : руководство для органов дознания и народных следователей. 2-е изд., испр. и доп. М., 1926. 299 с.
4. *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. 367 с.
5. *Калиновский К. В., Смирнов А. В.* Уголовный процесс : учеб. 7-е изд., перераб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2017. 751 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. 1276 с.
7. *Россинский С. Б.* Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. 408 с.
8. *Россинский С. Б.* Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
9. Руководство для следователей : в 2 ч. / отв. ред. В. В. Найденев, П. А. Олейник. 2-е изд., перераб. М., 1981. Ч. 1. 544 с.
10. *Строгович М. С.* Учебник уголовного процесса : для областных и краевых юридических курсов. М., 1931. 96 с.
11. *Якубович Н. А.* Окончание предварительного следствия. М., 1962. 147 с.

Для цитирования:

Россинский Сергей Борисович. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 24–32.

References:

1. *Veselyj V. Z., Statkus V. F.* Obvinitel'noe zaklyuchenie. M., 1970. 72 s.
2. *Vyshinskij A. Ya.* Kurs ugolovnogo processa. M., 1927. 222 s.
3. *Gromov V. I.* Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Teoriya i tekhnika rassledovaniya prestuplenij : rukovodstvo dlya organov doznaniya i narodnyh sledovatelej. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1926. 299 s.
4. *Zhogin N. V., Fatkullin F. N.* Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugolovnom processe. M., 1965. 367 s.
5. *Kalinovskij K. V., Smirnov A. V.* Ugolovnyj process : ucheb. 7-e izd., pererab. / pod obshch. red. A. V. Smirnova. M., 2017. 751 s.
6. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L. V. Golovko. M., 2016. 1276 s.
7. *Rossinskij S. B.* Dosudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv. M., 2021. 408 s.
8. *Rossinskij S. B.* The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of different types of criminal procedure // State and Law. 2023. № 4. P. 58–65.
9. Rukovodstvo dlya sledovatelej : v 2 ch. / отв. ред. V. V. Najdenov, P. A. Olejnik. 2-e izd., pererab. M., 1981. Ch. 1. 544 s.
10. *Strogovich M. S.* Uchebnik ugolovnogo processa : dlya oblastnyh i kraevyh yuridicheskikh kursov. M., 1931. 96 s.
11. *Yakubovich N. A.* Okonchanie predvaritel'nogo sledstviya. M., 1962. 147 s.

For citation:

Rossinskij Sergej Borisovich. The Genesis of Doctrinal, Regulatory and Practical Approaches to the Form and Content of the Indictment // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 24–32.

Сизова Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник научно-
исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: svnn@inbox.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.271

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-33-39

Дата поступления статьи: 1 декабря 2023 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Актуальные вопросы формирования института уголовной ответственности юридических лиц: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства

Topical Issues of the Formation of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities: Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation

Аннотация

Актуальность: отечественным законодателем неоднократно предпринимались попытки закрепления уголовно-правовых норм о коллективной уголовной ответственности в различных историко-правовых памятниках, анализ которых дает основание полагать, что подобного рода ответственность имела место в до-революционном российском уголовном законодательстве и сохранялась вплоть до начала XX века.

Учитывая тенденции положительного отношения законодателя к данному вопросу, определенные неразрешенные вопросы неизбежно возникали в связи с отсутствием сложившихся законодательных процедур, предусматривающих уголовную ответственность и назначение наказания юридическим лицам. В связи с этим в рамках проводимого исследования представляют интерес актуальные вопросы формирования института уголовной ответственности юридических лиц в России, в том числе с учетом зарубежного опыта и возможности его законо-

Viktoriya Nikolaevna Sizova,
Candidate of Law,
Leading Researcher of the Research Center,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoya and Alexander Kosmodemyansky St., 8

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: svnn@inbox.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance: the domestic legislator has repeatedly attempted to consolidate criminal law norms on collective criminal responsibility in various historical and legal monuments, the analysis of which gives reason to believe that this kind of responsibility took place in pre-revolutionary Russian criminal legislation and persisted until the beginning of the twentieth century.

Given the trends of the legislator's positive attitude to this issue, certain unresolved issues inevitably arose due to the lack of established legislative procedures providing for criminal liability and sentencing of legal entities. In this regard, within the framework of the ongoing research, topical issues of the formation of the institution of criminal liability of legal entities in Russia are of interest, including taking into account foreign experience and the possibility of its legislative consolidation in the system of current criminal legislation.

Problem statement: the study of topical issues of the formation of the institution of criminal liability of legal entities in domestic criminal legislation

дательного закрепления в системе действующего уголовного законодательства.

Постановка проблемы: исследование актуальных вопросов формирования института уголовной ответственности юридических лиц в отечественном уголовном законодательстве состоит из учета и анализа прогнозных тенденций на предмет возможности включения в действующую систему российского уголовного законодательства нового системного элемента. Однако для уяснения общих тенденций и специфических особенностей уголовного законодательства об ответственности юридических лиц в целях обоснования необходимости нахождения данного института в системе отечественного уголовного законодательства представляется значимым исследование отдельных актуальных вопросов его формирования.

Цель исследования состоит в развитии научного понимания о сущностно-содержательной характеристике института уголовной ответственности юридических лиц.

Методы исследования: диалектика, анализ, сравнительно-правовой, системно-структурный.

Результаты и ключевые выводы: в результате проведенного исследования установлено, что уголовно-правовым пробелом на сегодняшний день является отсутствие регламентации уголовным законом совершенных юридическим лицом противоправных деяний при наличии ее в отечественном административном и гражданском законодательстве, а также зарубежного опыта формирования института уголовной ответственности юридических лиц.

Дополнение системы российского уголовного законодательства таким элементом, как институт уголовной ответственности юридических лиц, решит данную проблему, не нарушив состояние упорядоченности, согласованности, структурированности системы уголовного законодательства в целом и гармонично наполнит своим содержанием как Общую, так и Особенную части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон; действующее российское уголовное законодательство; зарубежное уголовное законодательство; уголовно-процессуальное законодательство; уголовная ответственность; уголовное наказание; юридические лица; прогнозныe тенденции.

consists of taking into account and analyzing forecast trends for the possibility of including a new systemic element in the current system of Russian criminal legislation. However, in order to clarify the general trends and specific features of criminal legislation on the liability of legal entities in order to justify the need for this institution to be located in the system of domestic criminal legislation, it seems important to study certain topical issues of its formation.

The purpose of the study is to develop a scientific understanding of the essential and substantive characteristics of the institution of criminal liability of legal entities.

Research methods: dialectics, analysis, comparative legal, system-structural.

Results and key conclusions: as a result of the conducted research, it has been established that the criminal law gap today is the lack of regulation by criminal law of illegal acts committed by a legal entity in its presence in domestic administrative and civil legislation, as well as foreign experience in the formation of the institution of criminal liability of legal entities.

The addition of the Russian criminal law system with such an element as the institution of criminal liability of legal entities will solve this problem without violating the state of order, consistency, and structuring of the criminal law system as a whole and harmoniously fill both the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation with its content.

Keywords: criminal law; current Russian criminal legislation; foreign criminal legislation; criminal procedure legislation; criminal liability; criminal punishment; legal entities; forecast trends.

Заявленный к исследованию вопрос об уголовной ответственности юридических лиц стал актуальной реальностью современного мира и во многих зарубежных странах имеет

ся законодательство, ее предусматривающее. При этом содержание данного уголовно-правового института весьма различно, поскольку на его формирование оказывают самое не-

посредственное влияние национальные правовые устои и традиции [9, с. 112]. Однако главной тенденцией остается привлечение юридического лица к ответственности с назначением ему соответствующего уголовного наказания или иных мер принудительного характера с обязательным соблюдением уголовно-процессуального законодательства [1, с. 102–105]. В России же сегодня такого рода ответственность юридических лиц отсутствует, что, по мнению автора публикации, является определенным уголовно-правовым пробелом с учетом правосубъектности, заключающейся в способности выступать субъектом правоотношений, в том числе юридической ответственности. Вопросу, как устранить данный пробел, уже посвящено немало работ, рассмотрены различные варианты установления такой ответственности [12, с. 137].

Оценивая высоко результаты имеющихся научных исследований, автор хотел бы отметить, что с учетом произошедших и происходящих изменений в социально-экономической, политической сферах на сегодняшний день требуется разработка новых научных положений, характеризующих дополнение системы российского уголовного законодательства институтом уголовной ответственности юридических лиц, чему и посвящена настоящая публикация.

Учитывая уже имеющийся зарубежный опыт в вопросе привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, следует отметить, что процесс зарождения, формирования и дальнейшего функционирования данного вида ответственности в различных зарубежных странах был достаточно многоаспектным [14, с. 35]. В частности, в истории английской правовой системы законодательные усилия, направленные на закрепление уголовной ответственности юридических лиц, можно проследить с середины XIX в. Интерес представляет разработанный проект Уголовного кодекса, в содержание которого подобные уголовно-правовые нормы были включены законодателем. Однако он не прошел предусмотренные законодательные процедуры, в том числе согласование с парламентом. В связи с этим, ведя речь о зарождении классической концепции рассматриваемого института, необходимо указать в качестве места его возникновения Великобританию, поскольку правовые системы отдельных стран, составляющих содержание англосаксонской правовой семьи, и сегодня базируются на принципиальных подходах, созданных посредством сложившейся практики британских прецедентов.

Что касается правила, берущего свое начало в английской правовой системе, оно гласит, что в случае совершения преступления к уголовной ответственности привлекается работник

или служащий предприятия, фактически совершивший данное деяние. При этом преступное бездействие вменяется корпорации, в штате которой он состоял. Например, в 1840 г. в отношении корпорации *Reg. V. Birmingham and Gloucester Ry.* Со возбуждалось уголовное дело по факту непроизводства ремонта шоссеной дороги. Спустя шесть лет, в 1846 г., началось уголовное преследование за совершение действия, выразившегося в воспрепятствовании движению по шоссеной дороге, в отношении другой корпорации – *Reg. V. The Great North of England Ry. Co.* В это же время лорд Денман подготовил заключение по делу «Королева против Компании «Великая железная дорога Севера Англии»», в котором прямо указывалась возможность привлечения корпораций к уголовной ответственности за ненадлежащее совершение правомерных действий. Схожие судебные решения принимались в Северо-Американских Соединенных Штатах [12, с. 148].

Невзирая на укрепление позиций корпораций в середине XIX в. в странах, не имеющих кодифицированного законодательства, что было в целом связано с промышленным переворотом, в ведомстве судов нередко оказывались дела о признании уголовной ответственности корпораций в случае невыполнения возложенных на них законом обязанностей либо за ненадлежащее совершение действий, которые послужили причиной возникновения угрозы государственной, общественной, личной безопасности. В связи с этим особую известность получили судебные решения по делам *Bolton (Engineering) Co Ltd v. P J Graham & Sons Ltd (1957)* и *Tesco Supermarkets Ltd. v. Nattras (1972)* [8, с. 70].

При этом нельзя не отметить два совершенно различных подхода к привлечению к уголовной ответственности корпораций: в первом случае речь шла о легальном применении принципа аналогии касательно замещения, когда к ответственности вместо виновного конкретного физического лица привлекалось лицо юридическое. В частности, более детально исследовав данный вопрос, принципиальным становится факт возложения на корпорацию ответственности за причинение общественно-го или личного вреда, наступившего вследствие противоправных действий ее служащих, что регламентировалось специальным статутом, указывающим на такого рода замещающую ответственность.

В соответствии со вторым подходом корпорация могла привлекаться к уголовной ответственности в том случае, когда речь шла о конкретных служащих, действия которых направляли «ее разум и волю», составляя ядро повседневной деятельности, оказывая при этом

непосредственное влияние на принятие решений. В такой ситуации, рассматривая дело о совершении преступных деяний, вопрос о привлечении корпорации к уголовной ответственности решался с учетом уголовно-правовой оценки действий руководства корпорации, послуживших причиной неправомерной ее деятельности [8, с. 71].

Следует отметить, что и американская уголовно-правовая система проходила этапы формирования и эволюции, базируясь в целом на английской системе общего права. Несмотря на то что на этапе зарождения в соответствии с общим правом не допускалась возможность привлечения к уголовной ответственности корпораций, активный рост промышленности, масштабы деятельности корпораций, их перманентно увеличивающийся штат обусловили необходимость осуществления пристального контроля за осуществляемой ими деятельностью.

Развитие института уголовной ответственности юридических лиц в США в XIX–XX вв. обусловлено сформировавшейся потребностью в оказании результативного противодействия преступным действиям со стороны синдикатов и трестов. При этом корпорация, признанная виновной, была обязана выплатить определенный денежный штраф, что в качестве вида наказания регламентировалось Законом о торговле между штатами (1887) и антитрестовским законом Шермана (1890) [15, с. 23]. Указанные нормативные правовые акты регламентировали привлечение корпораций к уголовной ответственности в случаях, когда речь шла о злоупотреблении властными полномочиями при совершении преступных деяний экономической направленности.

Отдельным моментом, заслуживающим, по мнению автора, особого внимания, является регламентация уголовными законами США более позднего периода привлечения к уголовной ответственности не только корпораций, но и общественных организаций [13, с. 78]. Так, усилиями американских конгрессменов были разработаны положения, направленные на признание противоправных действий (бездействий) служащих корпорации и представителей общественной организации действиями (бездействиями) самой корпорации (общественной организации). С течением времени случаи признания корпораций и общественных организаций виновными в совершении преступных деяний стали обычной практикой. К числу таких преступных деяний относились, как правило, неисполнение правил охраны окружающей среды, нарушение санитарно-гигиенических правил в сфере оборота и поставки продуктов и т. п. [9, с. 49].

В 1789–1794 гг. существовал институт уголовной ответственности в отношении различ-

ного рода корпораций, ассоциаций и сообществ в французском законодательстве. В качестве наказания за совершение преступных деяний начались штрафные санкции, а также ограничение либо лишение определенных прав (привилегий).

В период Великой французской революции среди населения Франции стал набирать популярность основополагающий постулат, касающийся необходимости предоставления индивидуальной свободы и ответственности, что повлекло за собой массовый рост числа корпораций, создаваемых для получения финансовой прибыли. Однако окончание революции ознаменовало собой упразднение института уголовной ответственности сообществ, в связи с чем Уголовный кодекс Франции 1810 г. в своей системе не содержал положения о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Но при этом такого рода ответственность регламентировалась иными законодательными установлениями, например, Законом о морской торговле (1934) [2, с. 22].

Подлежало законодательной регламентации нарушение норм, связанных с правом собственности в отношении литературных произведений. За подобного рода нарушения к уголовной ответственности привлекались в том числе организации театральных артистов, которые ставили на сцене соответствующие представления без учета прав собственности их авторов. Эти и другие положения составили фундамент для законодательного оформления института уголовной ответственности юридических лиц в проекте нового Уголовного кодекса Франции [13, с. 78].

По мнению автора, на сегодняшний день в российской уголовно-правовой системе отсутствуют действенные способы борьбы с возникающими новыми криминальными вызовами, что обуславливает постановку исследуемого в настоящей публикации вопроса, поскольку, по справедливому замечанию ученых, состояние преступности свидетельствует о потенциальном масштабе криминальных угроз. С учетом этого сторонники положительного решения вопроса о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации исследуемым институтом [11, с. 50] оперируют такими фактами, как причиняемый вред, наносимый экологии, многомиллиардный ущерб экономической системе страны и т. п. [10, с. 138] В таком случае речь сегодня может идти только о привлечении юридических лиц к гражданской и административно-правовой ответственности с назначением соответствующих штрафов [5, с. 123]. При этом следует отметить, что причиненный ущерб является гораздо большим, чем ущерб, причиняемый в результате совершения преступления физическим лицом [6, с. 10].

В связи с этим прежде всего необходимо акцентировать внимание на том, что, несмотря на отсутствие в современном российском законодательстве уголовно-правовых средств привлечения к ответственности юридических лиц, в действительности преступления, совершаемые ими, имеют массовый характер. Но, учитывая специфические особенности отечественной правовой системы, они относятся к категории административных правонарушений. Речь идет, например, о ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», в которой в качестве наказания за совершение данного деяния в особо крупном размере для юридического лица законодатель установил административный штраф в размере до 100-кратной суммы денежных средств, обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее 100 млн рублей с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав. Очевидно, что подобного рода санкции дают основание говорить о совершенном юридическим лицом преступном деянии и расследоваться оно должно в рамках уголовного дела [17].

Кроме того, актуальным вопросом выступает уголовно-процессуальный аспект [7, с. 153]. Следует отметить, что в большинстве зарубежных стран, где имеет место уголовное преследование юридического лица, оно происходит в общем порядке при обязательном учете подхода к юридическому лицу в качестве субъекта правоотношений. В частности, участие юридических лиц в уголовном процессе осуществляется через их представителей, обладающих всеми правами участника уголовного процесса, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Сегодня, например, не вызывает вопросов признание юридического лица потерпевшим по уголовному делу. Так почему оно не может быть привлечено в качестве обвиняемого? Так, согласно ч. 3 ст. 1041 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), имущество, которое было передано лицу (организации) осужденным, подлежит конфискации в случае, когда принявшему имущество лицу было известно либо должно было быть известно, что оно по-

лучено в результате преступных действий. Как видно из приведенного примера, к организации применяется такая мера уголовно-правового характера, как конфискация.

Подобного рода ответственность уже непосредственно регламентирована рядом законов. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»³ определяет, что в Российской Федерации с даты государственной регистрации международной компании в порядке редомициляции она привлекается к гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности вместо иностранного юридического лица.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»⁴ (такими могут являться как физические, так и юридические лица) регламентируется их привлечение к административной, уголовной и иной ответственности. При этом очевидно, что последующее закрепление такой возможности в российском уголовном законодательстве должно сопровождаться серьезной доктринальной разработкой данного вопроса [3, с. 34].

К вышеизложенному автор хотел бы добавить, что в современной юридической литературе неоднократно указывалось, что уголовно-правовое поле, являясь отнюдь несовершенным, содержит на сегодняшний день такой явный уголовно-правовой пробел, как невключение в уголовное законодательство уголовно-правовых норм, регламентирующих случаи совершения юридическим лицом противоправных деяний с назначением за их совершение соответствующих видов и размеров наказаний (иных мер принудительного характера), невзирая на то, что подобная регламентация зарекомендовала себя вполне положительно в административном и гражданском законодательстве [16, с. 183].

С учетом данного обстоятельства профессор А. А. Арямов совершенно справедливо указывает на сложившийся дисбаланс, при котором сама категория юридического лица, хотя и берет начало в цивилистике, однако, учитывая присущую уголовному закону охранительную функцию в части отношений, регламентация которых осуществляется посредством норм гражданского законодательства, являясь свидетель-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

³ О международных компаниях и международных фондах: Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ: принят Гос. Думой 26 июля 2018 г.: одобрен Советом Федерации 28 июля 2018 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ: принят Гос. Думой 29 июня 2022 г.: одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.11.2023).

ством регулятивной функции данной отрасли, речь следует вести об ее использовании применительно и к уголовному законодательству [4, с. 49].

Таким образом, положительное законодательное решение данного вопроса позволит повысить эффективность уголовного закона в целом, не нарушив при этом его упорядоченность, согласованность, структурированность.

С учетом приведенных позиций ученых и правоприменителей представляется целесообразным внесение дополнений в ст. 19 УК РФ в части указания на то, что уголовной ответственности подлежит не только физическое лицо, обладающее всеми необходимыми признаками, но и юридическое лицо в тех случаях, когда речь идет о совершении им преступных деяний, наказание за которые регламентируется статьями Особенной части УК РФ.

При этом в качестве наказания для виновных юридических лиц предлагается штраф, лишение права заниматься определенным видом деятельности, включая полный запрет на осуществление такой деятельности в определенных

случаях, и в качестве наиболее сурового наказания — принудительная ликвидация.

Учитывая важность терминологического инструментария в научных исследованиях, необходимо уточнить, что в данном случае речь идет о составной части единой уголовной ответственности, возникающей из совершенного общественно опасного деяния, позволяющего подвергать юридическое лицо государственно-му принуждению в виде наказания.

К числу критериев отнесения деяний к категории преступлений, совершаемых юридическими лицами, могут быть отнесены характер и степень общественной опасности каждого конкретного деяния. Вместе с тем о подобного рода ответственности следует вести речь в ситуациях, когда административно-правовые, гражданско-правовые регламенты, применяемые к юридическим лицам, исчерпали свой правовой потенциал и не способны восстановить нарушенные общепризнанные уголовно-правовые принципы и возместить причиненный преступным деянием ущерб, вред охраняемым законом общественным отношениям.

Список литературы:

1. *Абашина Л. А.* Уголовная ответственность юридических лиц за участие в экстремистской деятельности и легализации преступных доходов // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 102–105.
2. *Абашина Л. А.* Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2008. 153 с.
3. *Антонова Е. Ю.* Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2011. 54 с.
4. *Арямов А. А.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 49–57.
5. *Владимирова Я. А., Шаймухаметова Л. Р.* Особенности привлечения юридических лиц к административной ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8–2 (71). С. 123–126.
6. *Волженкин Б. В.* Уголовная ответственность юридических лиц : моногр. СПб., 1998. 39 с.
7. *Голованова Н. А.* Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся. М., 2013. С. 153–163.
8. *Голованова Н. А., Лафитский В. И., Цирина М. А.* Уголовная ответственность юриди-

References:

1. *Abashina L. A.* Criminal liability of legal entities for participation in extremist activities and money laundering // Central Russian Journal of Social Sciences. 2010. № 4. S. 102–105.
2. *Abashina L. A.* Yuridicheskoe lico kak sub"ekt ugovnoy otvetstvennosti : dis. ... kand. jurid. nauk. Orel, 2008. 153 s.
3. *Antonova E. Yu.* Konceptual'nye osnovy korporativnoj (kollektivnoj) ugovnoy otvetstvennosti : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Vladivostok, 2011. 54 s.
4. *Aryamov A. A.* On the issue of criminal liability of legal entities // Legal science and law enforcement practice. 2011. № 2 (16). S. 49–57.
5. *Vladimirova Ya. A., Shajmuhametova L. R.* Osobennosti privlecheniya yuridicheskikh lic k administrativnoj otvetstvennosti // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. № 8–2 (71). S. 123–126.
6. *Volzhenkin B. V.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic : monogr. SPb., 1998. 39 s.
7. *Golovanova N. A.* Tendencii razvitiya instituta ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Yuridicheskaya otvetstvennost': sovremennye vyzovy i resheniya : materialy dlya VIII Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamyati professora S. N. Bratusya. M., 2013. S. 153–163.
8. *Golovanova N. A., Lafitskij V. I., Cirina M. A.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v mezhdunarodnom i nacional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) / pod red. V. I. Lafitskogo. M., 2013. 372 s.

- ческих лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / под ред. В. И. Лафитского. М., 2013. 372 с.
9. *Демин С. Г.* Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 24 с.
 10. *Кашанина Т. В.* Корпоративное право. Право хозяйственных товариществ и обществ. М., 1999. 802 с.
 11. *Келина С. Г.* Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи : сб. ст. / под ред. С. Г. Келиной, А. В. Наумова. М., 1994. С. 50–60.
 12. *Комоско А. А.* Уголовная ответственность юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 205 с.
 13. *Крылова Н. Е.* Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты // Вестник Московского государственного университета. М., 1998. № 3. С. 69–80.
 14. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1997. 550 с.
 15. *Никифоров Б. С., Решетников Ф. М.* Современное американское уголовное право / отв. ред. В. А. Власихин. М., 1990. 253 с.
 16. *Старченко А. С., Протасова Д. С.* Понятие, признаки и виды органов юридического лица // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–3 (67). С. 183.
 17. *Федоров А. В.* Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах : моногр. М., 2022. 248 с.
 9. *Demin S. G.* Predely ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic v Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2014. 24 s.
 10. *Kashanina T. V.* Korporativnoe pravo. Pravo hozyajstvennyh tovarishchestv i obshchestv. M., 1999. 802 s.
 11. *Kelina S. G.* Otvetstvennost' yuridicheskikh lic v proekte novogo UK RF // Uголовное право: novye idei : sb. st. / pod red. S. G. Kelinoj, A. V. Naumova. M., 1994. S. 50–60.
 12. *Komosko A. A.* Uголовnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 205 s.
 13. *Krylova N. E.* Criminal liability of legal entities in France: background and main features // Bulletin of the Moscow State University. M., 1998. № 3. S. 69–80.
 14. *Naumov A. V.* Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' : kurs lekcij. M., 1997. 550 s.
 15. *Nikiforov B. S., Reshetnikov F. M.* Sovremennoe amerikanskoe ugovnoe pravo / отв. red. V. A. Vlasihin. M., 1990. 253 s.
 16. *Starchenko A. S., Protasova D. S.* Ponyatie, priznaki i vidy organov yuridicheskogo lica // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. № 4–3 (67). S. 183.
 17. *Fedorov A. V.* Uголовnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v postsovetskikh gosudarstvah : monogr. M., 2022. 248 s.

Для цитирования:

Сизова Виктория Николаевна. Актуальные вопросы формирования института уголовной ответственности юридических лиц: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 33–39.

For citation:

Sizova Viktoriya Nikolaevna. Topical Issues of the Formation of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities: Comparative Legal Analysis of Russian and Foreign Legislation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 33–39.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ и расследование преступлений

Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет,
Российская Федерация, 690014, г. Владивосток,
ул. Гоголя, 41

Alla Vasil'evna Vereshchagina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Criminal Law Disciplines,
Vladivostok State University,
Russian Federation, 690014, Vladivostok,
Gogol st., 41

ORCID 0000-0002-2243-0007

ORCID 0000-0002-2243-0007

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.36

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-40-50

Дата поступления статьи: 5 марта 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации

Teacher (Psychologist) in Criminal Proceedings of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation

Аннотация

Актуальность темы исследования: несмотря на пристальное внимание ученых и понимание законодателем важности минимизации негативного воздействия на вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства несовершеннолетних, регламентация этих вопросов, включая участие педагога (психолога), почти статична и незначительно отличается от дореволюционного и советского периодов нашей истории.

Постановка проблемы: одним из основных способов снижения отрицательных последствий участия в уголовном судопроизводстве для несовершеннолетних является привлечение педагога и (или) психолога. Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит положения обязательного и альтернативного участия педагога и (или) психолога в производстве некоторых процессуальных действий, но не закрепляет их статуса, тем самым снижает эффективность участия в производстве по уголовным делам. Восполнение

Abstract

Relevance of the research topic: despite the close attention of scientists and the legislator's understanding of the importance of minimizing the negative impact on minors involved in the orbit of criminal proceedings, the regulation of these issues, including the participation of a teacher (psychologist), is almost static and slightly differs from the pre-revolutionary and Soviet periods of our history.

Problem statement: one of the main ways to reduce the negative consequences of participation in criminal proceedings for minors is to involve a teacher and (or) a psychologist. Russian criminal procedure legislation contains provisions for mandatory and alternative participation of a teacher and (or) a psychologist in the production of certain procedural actions, but does not consolidate their status, thereby reducing the effectiveness of participation in criminal proceedings. Filling the gap in legislation involves studying the existing regulatory regulations abroad.

пробела в законодательстве предполагает изучение имеющейся нормативной регламентации за рубежом.

Цель исследования заключается в сопоставлении уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан и Российской Федерации, выявлении общего и особенного в регламентации участия педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве.

Методы исследования: историко-генетический, формально-логический, компаративный, анализ документов.

Результаты и ключевые выводы: в статье автором делаются выводы, что российская и узбекская регламентации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеют общий генезис; регламентация производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних в Республике Узбекистан и Российской Федерации подобна имевшейся в дореволюционном законодательстве; процессуальный статус педагога и психолога в уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан приравнен к статусу специалиста, их участие в производстве по делам носит необязательный и ограниченный характер; российское уголовно-процессуальное законодательство не закрепляет статуса педагога и психолога, содержит нормы обязательного и альтернативного их участия, по некоторым категориям уголовных дел участие психолога обязательно во всех следственных действиях группы допросов; уравнивание статуса специалиста и педагога (психолога) без корректировки понятия специалиста нежелательно.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство Республики Узбекистан; уголовное судопроизводство Российской Федерации; несовершеннолетний; педагог; психолог; следственное действие.

The purpose of the study is to compare the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation, to identify common and special aspects in regulating the participation of a teacher (psychologist) in criminal proceedings.

Research methods: historical-genetic, formal-logical, comparative, document analysis.

Results and key conclusions: in the article, the author concludes that the Russian and Uzbek regulations of criminal proceedings against minors have a common genesis; the regulation of criminal proceedings involving minors in the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation is similar to that in pre-revolutionary legislation; the procedural status of a teacher and psychologist in the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan is equated by the status of a specialist, their participation in the proceedings is optional and limited; Russian criminal procedure legislation does not fix the status of a teacher and a psychologist, contains norms of mandatory and alternative participation, in some categories of criminal cases, the participation of a psychologist is mandatory in all investigative actions of the interrogation group; equalization of the status of a specialist and a teacher (psychologist) without adjusting the concept of a specialist is undesirable.

Keywords: criminal proceedings of the Republic of Uzbekistan; criminal proceedings of the Russian Federation; minor; teacher; psychologist; investigative action.

Введение. В последней четверти XIX в. российские юристы обсуждали и продвигали идею особых процедур производства по уголовным делам с участием и в отношении несовершеннолетних. В 1897 г. Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС) дополнили положения о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, в том числе предусматривалась возможность участия сведущих лиц (врачей, учителей и др.), если возникали сомнения «о существовании у обвиняемого разума во время совершения... преступного деяния» (ст. 365⁵ УУС)¹. С этого момента на-

чинает формироваться институт производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в России и государствах постсоветского пространства, в прошлом входивших в состав Российской империи и СССР.

Распад СССР детерминировал развитие оригинального законодательства в государствах постсоветского пространства, изучение которого позволит выявить общее и особенное в регламентации различных аспектов института производства по уголовным делам в отношении не-

о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 2 июня 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1900. Т. 17. № 1423.

¹ Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам

совершеннолетних. Несмотря на пристальный интерес исследователей России и Узбекистана к различным аспектам преступности несовершеннолетних, производству по этой категории уголовных дел и процессуальным действиям с их участием, научных работ сравнительно-правового характера, посвященных статусу педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве этих государств, до настоящего времени не опубликовано. В представленной статье изложены результаты изучения некоторых аспектов нормативного закрепления участия педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации.

Основная часть.

1. Основания привлечения педагога (психолога) к участию в следственных действиях. Законодательство Республики Узбекистан не содержит требования об обязательном участии педагога и (или) психолога в производстве процессуальных действий в отношении несовершеннолетних. В ст. 121 и 554 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – УПК Республики Узбекистан)² закреплено единственное основание участия этих субъектов в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), потерпевшего и свидетеля – решение правоприменителя, принимаемое либо по собственному усмотрению, либо по просьбе защитника, законного представителя, взрослого члена семьи и представителя потерпевшего. Возможность участия педагога и (или) психолога, помимо допроса, в других следственных действиях узбекским законом не предусмотрена. Необязательность присутствия педагога и (или) психолога во время допроса несовершеннолетнего, на наш взгляд, является недостатком регламентации и приводит к тому, что привлечение педагогов и психологов в производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних в Республике Узбекистан скорее исключение, чем правило. Такой подход недостаточно учитывает особенности подросткового возраста, характеризуемого исследователями «...как переломный, переходный, критический» [4, с. 14], что может сказаться на качестве получаемой доказательственной информации и ментальном здоровье несовершеннолетнего. По данным Исследовательского центра при Верховном Суде Республики Узбекистан в досудебном производстве педагоги и психологи участвовали соответственно – 28,7 % и 16,7 % – в уголовных делах, а в судебном разбирательстве соот-

ветственно – 31 % и 1,3 % – в уголовных делах³. Как нам представляется, следствием легальной необязательности участия педагога и (или) психолога в уголовном судопроизводстве Узбекистана является отсутствие в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» каких-либо рекомендаций по привлечению этих субъектов к рассмотрению уголовных дел⁴. Хотя подтверждением осознания Верховным Судом Республики Узбекистан проблем участия несовершеннолетних в судопроизводстве в целом и в уголовном процессе в частности является проведенное Исследовательским центром при Верховном Суде Республики Узбекистан изучение проблем правосудия в отношении несовершеннолетних, по результатам которого авторы пришли к выводу о потребности пересмотра положений УПК Республики Узбекистан с целью «...более детальных руководств... о специальной защите и процедурах в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, не достигших восемнадцатилетнего возраста»⁵.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве содержится двойственный подход к привлечению педагога (психолога), а именно: обязательное участие обозначенных субъектов в допросе, не достигших шестнадцати лет несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей или достигших шестнадцати лет, но страдающих психическим расстройством или отставанием в психическом развитии, и альтернативное – по решению следователя или суда, если подростку исполнилось шестнадцать лет и нет проблем с его психическим состоянием (ст. 191, 280, 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УПК РФ)).

Таким образом, узбекский законодатель не вышел за пределы сложившейся еще в 1897 г. регламентации об усмотрении при приглашении сведущих лиц по инициативе правоприменителя.

³ Правосудие в отношении несовершеннолетних, анализ законодательства и судебной практики Республики Узбекистан. Второй вариант. Февр. 2015 г. URL: <https://gcedclearinghouse.org/ru/resources/juvenile-justice-analysis-legislation-and-judicial-practice-republic-uzbekistan> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 15 сент. 2000 г. № 21. URL: <https://lex.uz/docs/1449718> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Правосудие в отношении несовершеннолетних, анализ законодательства и судебной практики Республики Узбекистан. Второй вариант. Февр. 2015 г. URL: <https://gcedclearinghouse.org/ru/resources/juvenile-justice-analysis-legislation-and-judicial-practice-republic-uzbekistan> (дата обращения: 01.02.2024).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) : принят Гос. Думой 25 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 01.02.2024).

менителя или законных представителей несовершеннолетних (например, нормы ст. 121, 554 УПК Республики Узбекистан и ст. 365⁵ УУС). Причем имевшаяся в ст. 365⁵ УУС норма лучше, поскольку в ней предпринималась попытка сформулировать условие привлечения сведущего лица – отсутствие у несовершеннолетнего обвиняемого «разумения во время совершения... преступного деяния»⁷.

В российском уголовно-процессуальном законе закреплен обязательный и альтернативный порядок привлечения к участию в уголовном деле педагога (психолога) и более широкий перечень следственных действий, в которых задействованы данные лица. Такая регламентация является предпочтительнее в сравнении с имеющейся в Узбекистане.

2. Следственные действия с участием педагога (психолога). В УПК Республики Узбекистан педагог и (или) психолог, как отмечено выше, привлекаются к участию в единственном следственном действии – допрос несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), потерпевших и свидетелей. Российский закон содержит некоторое разнообразие следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, к производству которых привлекается педагог (психолог). Помимо допроса, российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает участие педагога (психолога) в очной ставке, опознании, проверке показаний на месте (ст. 191 УПК РФ; гл. 26 УПК РФ).

Сопоставление в этой части российской и узбекской регламентации позволяет прийти к выводу о преимуществе имеющегося в УПК РФ подхода, поскольку требования об участии педагога (психолога) отчасти императивны и не ограничиваются допросом. Однако российское решение тоже неидеально. Во-первых, в законе есть асимметрия в привлечении педагога (психолога) в производство следственных действий с участием имеющих разный процессуальный статус несовершеннолетних: для подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) это только допрос, а для потерпевших и свидетелей – допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний на месте. Во-вторых, установлен возрастной предел в шестнадцать лет для обязательного участия педагога (психолога) [9, с. 104; 15, с. 290–291].

Исследователи высказывают различные предложения о необходимости участия педагога (психолога) в следственных действиях, а именно:

- во время допросов;
- допросов и очных ставок;
- в производстве всех следственных действий, при проведении которых несовершеннолетний дает показания [8, с. 68].

На наш взгляд, служебная роль педагога (психолога), заключающаяся, прежде всего, в минимизации негативного воздействия на несовершеннолетнего в связи с вовлечением его в уголовное судопроизводство, о чем подробнее ниже, детерминирует участие педагога, психолога во всех производимых с несовершеннолетними (а в некоторых случаях достигшими восемнадцатилетнего возраста) подозреваемыми (обвиняемыми, подсудимыми), потерпевшими и свидетелями следственных действиях [1, с. 16–17; 9, с. 104; 11, с. 133–138].

Экстраполяция участия педагога и (или) психолога на все производства по делам несовершеннолетних предлагается в Республике Узбекистан⁸. В законодательстве ряда государств постсоветского пространства, включая Россию, также есть понимание того, что возраст восемнадцать лет не совсем точно отражает социальную и психологическую зрелость человека. Это, например, проявляется в особенностях применения мер воспитательного воздействия, назначения и отбывания наказания лицами в возрасте от 18 до 21 года⁹.

3. Процессуальный статус педагога (психолога). В уголовно-процессуальных законах России и Узбекистана по-разному конструируется статус педагога (психолога). Что касается Республики Узбекистан, то в нормах ст. 69 УПК Республики Узбекистан педагог, наряду с другими носителями специальных знаний, указан как специалист. В силу содержания указанной статьи, несмотря на отсутствие упоминания психолога, можно предположить, что при привлечении к участию в следственном действии это лицо также будет обладать статусом специалиста. Педагог (психолог) в соответствии с УПК Республики Узбекистан, как и любой другой носитель специальных знаний, обладает следующим комплексом прав и обязанностей: имеет право знать цель вызова; отказаться от участия в производстве по делу, если не обладает соответствующими знаниями; знакомиться с протоколами процессуальных действий, в которых участвовал; делать заявления и замечания в ходе

⁷ Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 2 июня 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1900. Т. 17. № 1423.

⁸ Правосудие в отношении несовершеннолетних, анализ законодательства и судебной практики Республики Узбекистан. Второй вариант. Февр. 2015 г. URL: <https://gcdclearinghouse.org/ru/resources/juvenile-justice-analysis-legislation-and-judicial-practice-republic-uzbekistan> (дата обращения: 01.02.2024).

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : в ред. от 11 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобрен Советом Федерации 25 дек. 1996 г. (ст. 139) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

производства процессуальных действий с его участием; с разрешения правоприменителя задавать вопросы участникам процессуальных действий; приносить жалобы на действия правоприменителя (ст. 70 УПК Республики Узбекистан).

Система обязанностей включает в себя: явку по вызовам; участие в процессуальных действиях; содействия в выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, и в разработке мер по их устранению; неразглашение без разрешения правоприменителя материалов уголовного дела и соблюдение порядка расследования и рассмотрения уголовного дела и др. Некоторые предусмотренные узбекским уголовно-процессуальным законом обязанности специалиста (использование научно-технических средств при производстве процессуальных действий с целью обнаружения и закрепления доказательств; дача пояснений по поводу выполняемых действий и обращение внимания правоприменителя на обстоятельства, имеющие значение «для установления истины по делу») вряд ли можно увязать с сущностью деятельности педагога (психолога), которая прежде всего направлена на защиту несовершеннолетнего от нежелательного психотравмирующего воздействия в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Несмотря на отсутствие в статусе специалиста, а, следовательно, и педагога (психолога) права на компенсацию расходов и безопасное участие в уголовном процессе, такие права, исходя из смысла норм ст. 270, 318 УПК Республики Узбекистан, есть у педагога (психолога).

В российском законе статусу педагога (психолога) внимание практически не уделяется. Исходя из положений ст. 425 УПК РФ педагог (психолог) имеет право с разрешения следователя (дознавателя) задавать вопросы несовершеннолетнему; по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Такой фактически игнорирующий подход к закреплению статуса педагога (психолога) следует признать неудачным, поскольку в законе, во-первых, нет требований, предъявляемых к педагогу (психологу). Имеющаяся в п. 62 ст. 5 УПК РФ дефиниция «педагог» весьма своеобразна и справедливо критикуема исследователями [11, с. 134–135]. В обозначенной норме содержится только констатация, что педагог — это лицо, выполняющее в образовательном учреждении обязанности по обучению и воспитанию (о психологе в цитируемой статье нет суждений), кроме того, отсутствуют требования, которым должен соответствовать привлекаемый к участию в деле педагог (психолог).

Во-вторых, не закреплены процессуальные права педагога (психолога), участвующего

в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями.

И, наконец, в-третьих, отсутствуют положения об обязанностях и ответственности педагога (психолога), которые, например, могут стать носителями информации, нежелательной для разглашения, и т. д.

Сравнение норм, касающихся процессуальных прав, обязанностей и ответственности педагога (психолога) в российском и узбекском уголовно-процессуальных законах, позволяет прийти к выводу о наличии большей конкретики в УПК Республики Узбекистан. В качестве дефектов регламентации статуса педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве Узбекистана можно указать следующие:

— уравнивание статусов специалиста и педагога (психолога). Никакого сомнения нет в том, что педагог обладает знаниями и навыками в области педагогики (психологии), то есть является специалистом. Но лингвистические знания и навыки имеет также переводчик. Тем не менее в силу его особой процессуальной роли статус переводчика вполне справедливо не приравнивается к статусу специалиста;

— вытекающее из уравнивания статуса педагога (психолога) несоответствие его роли (повторимся, с целью смягчения негативных последствий для ментального здоровья несовершеннолетнего) задачам, которые решает специалист. Именно в силу этого процессуальный статус специалиста не приложим к педагогу (психологу), на что выше указывалось;

— некоторая пробельность регламентации статуса специалиста, а следовательно, и педагога (психолога) (например, отсутствует право на уважение чести и достоинства личности (ст. 17 УПК Республики Узбекистан)).

Если российский уголовно-процессуальный закон презюмирует возможность применения аналогии закона (ч. 1, 2 ст. 7 УПК РФ), то в УПК Республики Узбекистан закреплена обязанность участников уголовного судопроизводства точно соблюдать и исполнять закон, несоблюдение этого требования вне зависимости от мотива является нарушением законности и влечет установленную законом ответственность (ст. 11 УПК Республики Узбекистан). В связи с этим, как представляется, восполнить имеющиеся в статусе педагога (психолога) пробелы по аналогии закона в Узбекистане нельзя.

Конечно, основываясь на уголовно-процессуальных принципах, применяя системное толкование норм, мы можем восполнить по аналогии закона некоторые пробелы регламентации статуса педагога (психолога) в российском уголовно-процессуальном законодательстве и предположить, что педагогу (психологу) следует разъяснить цель участия в следственном дей-

ствии, его право на уважение чести и достоинства, на безопасное участие в уголовном судопроизводстве и т. д. (ст. 9, 11 и др. УПК РФ). Но применение аналогии закона возможно при соблюдении ряда условий, в частности недопустимо ухудшение положения лица, ограничение его прав и свобод [13, с. 68; 14, с. 74]. Таким образом, вряд ли на основании аналогии закона можно возложить на педагога (психолога) обязанности и ответственность. Остается открытым вопрос о праве педагога (психолога) получить компенсацию расходов в связи с участием в уголовном судопроизводстве. В посвященной процессуальным издержкам ст. 131 УПК РФ дан закрытый перечень субъектов, которым возмещаются расходы, связанные с участием в уголовном судопроизводстве, в их числе педагог (психолог) не указан. Возмещать расходы педагогу (психологу), приравнивая его к специалисту, по нашему мнению, затруднительно, поскольку нормы ст. 58 УПК РФ не упоминают педагога (психолога) как специалиста.

4. Как восполнить пробел в регламентации процессуального статуса педагога (психолога) в российском уголовно-процессуальном законодательстве? В литературе предлагаются два способа устранения пробела:

– легализовать отождествление педагога (психолога) со специалистом, как это имеет место не только в Республике Узбекистан, но и, например, в Азербайджанской Республике (ст. 96 УПК Азербайджанской Республики); Республике Беларусь (ч. 1 ст. 62 УПК Республики Беларусь); Республике Казахстан (ч. 1 ст. 80 УПК Республики Казахстан)¹⁰;

– сконструировать самостоятельный процессуальный статус педагога (психолога) [17, с. 43–44].

Приравнивание правового положения педагога (психолога) к статусу специалиста, если и возможно, хотя против такого подхода возражал еще М. С. Строгович [18, с. 477], то, на наш взгляд, при условии более «аморфного», чем в ст. 58 УПК РФ, определения понятия «специалист», без выделения цели применения научно-технических средств, содействия в собирании доказательств и т. п. [5, с. 86–90]. Например, достаточно «широкая» формулировка понятия «специалист», которым является также педагог (психолог), дана в УПК Республики Бе-

ларусь. В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК Республики Беларусь специалист – это «незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий...»¹¹.

Рациональнее, на наш взгляд, с точки зрения особой, решаемой с участием педагога (психолога) задачи сконструировать самостоятельный процессуальный статус педагога (психолога). Исследователи отмечают, что педагог (психолог) призван оградить неустойчивую психику несовершеннолетнего от негативного психотравмирующего воздействия в связи с вовлечением его в производство по уголовному делу, обеспечить психологическое сопровождение несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, способствовать реализации идеи дружественного по отношению к нему правосудия, основанному на принципе уважения ребенка и обеспечения его интересов, и т. п. [9, с. 101–107; 7, с. 187; 12, с. 167; 20, с. 119]. Близкая к приведенной интерпретация процессуальной роли педагога и психолога дана Конституционным Судом Российской Федерации, который подчеркнул, что цель участия педагога и (или) психолога в уголовном деле заключается в предотвращении «...возможного избыточного неблагоприятного воздействия на психику несовершеннолетнего...», поэтому «...положение педагога или психолога в уголовном процессе характеризуется процессуальной нейтральностью: он не выступает на стороне обвинения или защиты...»¹². Именно решаемые педагогом (психологом) задачи являются первопричиной нежелательности уравнивания статусов специалиста и педагога (психолога).

В российском уголовно-процессуальном законе задачи специалиста сфокусированы на собирании доказательств, использовании научно-технических средств и консультировании по вопросам, отнесенным к его компетенции (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Решение этих задач обуславливает соответствующую систему прав, обязанностей и ответственности. Конечно, педагог (психолог) своими знаниями о психологических особенностях несовершеннолетнего способствует

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 02.02.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 02.02.2024); Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 02.02.2024).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 02.02.2024).

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 дек. 2023 г. № 3296-О // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2024). Документ опубликован не был.

установлению контакта со следователем (дознавателем), судом и тем самым качеству проведения следственных действий и получаемой в итоге доказательственной информации. Но это, повторимся, не то основное, ради чего педагог (психолог) привлекается к участию в уголовном процессе. Побудительный мотив законодателя, легализовавшего привлечение к производству в процессуальных действиях с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями педагога (психолога), заключается в желании не навредить ему (несовершеннолетнему) (от лат. *primum non nocere* – прежде всего – не навреди), максимально защитить права и интересы несовершеннолетних «...от дополнительных психологических страданий...»¹³.

Такое понимание назначения педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве предполагает приглашение к участию в следственных действиях не просто педагога (психолога), а специалиста в области возрастной или педагогической психологии, обладающего знаниями «...о психологических особенностях несовершеннолетних...»¹⁴ и набором процессуальных прав, который позволил бы реализовать психологическое сопровождение несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве.

Условно в системе потенциальных процессуальных прав педагога (психолога) можно выделить «общие» и «специальные». К «общим» правам следует отнести право педагога (психолога) отказаться от участия в деле, если он не обладает достаточными специальными знаниями; участвовать в производстве следственных действий; знакомиться с протоколами следственных действий и делать замечания по поводу правильности фиксации хода и их результатов; приносить жалобы на действия, бездействие, решения, ограничивающие процессуальные права педагога (психолога); получать возмещение расходов, связанных с участием в уголовном судопроизводстве и т. п. Что касается «специальных» прав, то под ними необходимо понимать процессуальные возможности, позволяющие достичь обозначенной выше цели – участие педагога (психолога) в уголовном деле. Такими, на наш взгляд, могут быть право знакомиться с материалами уголовного дела, характеризующими личность несовершеннолетнего; с разрешения правоприменителя задавать вопросы участникам следственного действия; до начала допроса с разрешения правоприменителя иметь

беседы с несовершеннолетним; оказывать содействие в правильной и корректной постановке вопросов; охранять психическое здоровье от травмирующего воздействия; оказать психологическую помощь и поддержку несовершеннолетнему и т. п. [17, с. 44; 2, с. 106; 6, с. 355, 358; 10, с. 347–349].

5. Педагог, психолог или может быть педолог? В связи с изложенным возникает еще один вопрос, кто же должен участвовать в следственных действиях с участием несовершеннолетних педагог, психолог или имеющий специальную междисциплинарную подготовку в области медицины, биологии, психологии, педагогики специалист – педолог. Нормы УУС заложили возможность участия в уголовном судопроизводстве в интересах несовершеннолетнего обвиняемого не только педагога (учителя, «воспитателя юношества», или занимавшегося «воспитанием юношества»), но и врача (ст. 365⁵ УУС)¹⁵. В УПК РСФСР 1960 г. упоминалось лишь о педагоге, привлекаемом к допросам несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых (ст. 159, 285, 397)¹⁶. Позволим предположить, что закрепление в качестве приглашаемого на допросы несовершеннолетних педагога носило утилитарный характер. Намечившийся в 20-е гг. XX в. подход, предполагавший междисциплинарную подготовку специалистов в области педагогики, медицины, психологии, работавших с несовершеннолетними [19, с. 95–98], был искоренен Постановлением Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Этим актом звено педологов в школах ликвидировали, восстановили «полностью в правах педагогику и педагогов», отказались от преподавания педологии в педагогических вузах и техникумах и пожелавших «педологов-практиков» «перевели» в педагогов¹⁷. Первые факультеты психологии в СССР учреждены в 1966 г. в Московском и Ленинградском государственных университетах [3, с. 98]. В связи с этим иных, доступных, кроме педагогов, специалистов, знакомых с особенностями физиологии и психологии несовершеннолетних в момент принятия УПК РСФСР в 1960 г., не было.

В действующем российском уголовно-процессуальном законе педагог и психолог преи-

¹³ Законопроект № 173958-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве (в части расширения прав и обязанностей потерпевшего, а также улучшения правового положения несовершеннолетних потерпевших)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/173958-6> (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 2 июня 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1900. Т. 17. № 1423.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. : утратил силу // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁷ О педологических извращениях в системе Наркомпросов : Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. // Правда. 1936. № 183.

мушественно обозначены как взаимозаменяемые субъекты, участвующие в следственных действиях с несовершеннолетними свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми (обвиняемыми, подсудимыми). Однако в УПК РФ есть норма, свидетельствующая о понимании законодателем различий в профессиональных компетенциях педагога и психолога (это отражено и в процитированной выше пояснительной записке к законопроекту). С учетом этих различий законодатель делает выбор в пользу обязательного привлечения именно психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних по некоторым категориям уголовных дел (например, о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (по этим делам не только для не достигших шестнадцатилетнего возраста свидетелей и потерпевших, но и свидетелей и потерпевших старше шестнадцати лет, страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии)). Данная норма есть косвенное подтверждение того непреложного факта, что для ограждения несовершеннолетнего от психотравмирующего воздействия, обусловленного его участием в уголовном судопроизводстве, компетенции педагога не всегда достаточно. Об этом пишут многие исследователи, в том числе апеллируя к профессиональному стандарту педагога, не обладающего необходимыми умениями и знаниями, позволяющими эффективно участвовать в интересах несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве¹⁸ [15, с. 64; 16, с. 64]. Налаживание коммуникаций, негативное психологическое воздействие на несовершеннолетних при производстве следственных действий, их эмоциональные и поведенческие реакции — это предмет психологии, следовательно, оценивать указанные явления должен именно психолог [12, с. 173]. В связи с этим продвигаемая идея о необходимости вовлечения в производство следственных действий с участием несовершеннолетних психологов, а не педагогов в большей степени соответствует реализации идеи дружественного по отношению к несовершеннолетнему правосудия. Решая вопрос о предпочтительности педагога или психолога в уголовном судопроизводстве, следует учитывать, что привлекаемый к участию в следственных действиях в интересах несовершеннолетнего специалист должен обладать специальной комплексной подготовкой в области подростковой физиологии и психологии. В противном случае участие педагога

(психолога) в уголовном судопроизводстве становится пустой формальностью.

Заключение. Подход к регламентации участия педагога (психолога) в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Узбекистан и Российской Федерации имеет различия.

Особенностями регламентации участия педагога (психолога) в узбекском уголовном судопроизводстве являются: 1) отсутствие легального понятия педагога (психолога) и предъявляемых к нему требований; 2) необязательность участия педагога (психолога); 3) минимизация участия педагога в уголовно-процессуальном судопроизводстве (одно следственное действие — допрос); 4) приравнивание статуса педагога (психолога) к статусу специалиста, деятельность которого в соответствии с узбекским законодательством направлена на оказание дознавателю, следователю, прокурору и суду содействия в обнаружении и закреплении доказательств при проведении расследования и судебного разбирательства (ст. 69, 91, 92, 136–138 и др. УПК Республики Узбекистан), что противоречит презюмируемой процессуальной роли педагога (психолога) — обеспечение прав несовершеннолетнего и снижение негативного воздействия на его ментальное здоровье. Следствием уравнивания статусов является отсутствие у педагога (психолога) специальных процессуальных возможностей, которые позволили бы выполнить обозначенную выше цель — участие их в уголовном судопроизводстве.

В российском же уголовно-процессуальном законе имеют место:

1) легализация в УПК РФ только понятия «педагог», которое низведено до констатации принадлежности к образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, и выполнения функционала по обучению и воспитанию, и при этом не содержит никаких квалификационных требований;

2) дуалистичность оснований привлечения педагога (психолога): обязательное для лиц, не достигших возраста шестнадцати лет или достигших шестнадцати лет, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии, и диспозитивное — по усмотрению правоприменителя для достигших шестнадцатилетнего возраста;

3) большой спектр следственных действий, проводимых в отношении несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с участием педагога (психолога): допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний на месте;

4) ограниченность привлечения педагога (психолога) к участию в следственных действиях с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) — только допрос (в том числе проводимый при предъявлении обвинения);

¹⁸ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ Минтруда России от 18 окт. 2013 г. № 544н.

5) пробельность статуса педагога (психолога);
 б) наметившийся отказ от взаимозаменяемости педагога и психолога – закрепление обязательного участия именно психолога в следственных действиях с не достигшими шестнадцати лет, а в некоторых случаях достигшими этого возраста потерпевшими и свидетелями по делам о половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Несмотря на разные приемы и имеющиеся особенности, обе регламентации участия педагога (психолога) следует признать неудачными и требующими корректировки как с точки зрения четкого определения понятия, назначения, квалификационных требований, системы прав, обязанностей и ответственности, так и распространения привлечения педагога (психолога) для участия в большем спектре процессуальных действий с несовершеннолетними и его обязательного участия в процессуальных действиях с подростками старше шестнадцати лет. Фактически современные российские и узбекские законодатели не вышли или едва вышли за преде-

лы нормативной модели педагога (психолога), намеченной дореволюционным российским и советским законодательством. Для обозначенных периодов «скромные» попытки восполнить социальную и психофизиологическую незрелость несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве объяснимы новизной проблемы (дореволюционный период) и особенностями политики и недостатком кадров (советский период). На современном этапе есть осознание и теоретическое обоснование необходимости комплексного решения участия педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве, а также есть педагоги и психологи, которые при получении дополнительной междисциплинарной подготовки могли бы способствовать реализации идеи дружественного по отношению к несовершеннолетнему правосудия, что создает предпосылки для соответствующей корректировки уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы:

1. Багмет А. М., Новиков А. М. Педагог и психолог как участники уголовного процесса // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1 (19). С. 14–17.
2. Баширова С. Г. Психологические основы получения показаний от малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном расследовании: некоторые замечания и рекомендации // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 1. С. 104–109.
3. Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 97–107.
4. Васягина Н. Н. Делинквентное поведение подростков: феноменология, причины, возможности профилактики // Вестник практической психологии образования. 2018. № 1–2 (54–55). С. 12–17.
5. Верещагина А. В. Институт специалиста в УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 3. С. 86–90.
6. Ганага В. С., Стельмах В. Ю. Особенности и проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 354–364.
7. Демкина М. С. О дальнейшем реформировании уголовного судопроизводства Российской Федерации в направлении гарантированности прав несовершеннолетних участ-

References:

1. Bagmet A. M., Novikov A. M. A teacher and a psychologist as participants in the criminal procedure // Investigation of crimes: problems and solution. 2018. № 1 (19). P. 14–17.
2. Bashirova S. G. The psychological basis for obtaining testimony from juvenile witnesses and victims at a preliminary investigation: some observations and recommendations // Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev. 2017. T. 2. № 1. P. 104–109.
3. Belopol'skij V. I., Zhuravlev A. L., Kostrigin A. A. The history of organization and beginning of activity of the institute of psychology of the Soviet Academy of sciences in documents and memories of contemporaries // Psikhologicheskii zhurnal. 2020. T. 41. № 5. P. 97–107.
4. Vasyagina N. N. Delinquent behavior of adolescents: phenomenology, causes, prevention possibilities // Bulletin of Psychological Practice in Education. 2018. № 1–2 (54–55). P. 12–17.
5. Vereshchagina A. V. Institute of a specialist in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Criminal law. 2007. № 3. P. 86–90.
6. Ganaga V. S., Stel'mah V. Yu. Osobennosti i problemy uchastiya pedagoga i psihologa v ugovolnom processe // Voprosy rossijskoj yusticii. 2023. № 24. S. 354–364.
7. Demkina M. S. On the further reform of the criminal justice system of the Russian Federation in the direction of guaranteeing the rights of minor participants // Juridical Journal of Samara University. 2017. T. 3. № 4. P. 187–191.

- ников // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 187–191.
8. *Елагина Е. В., Григорян Г. С.* Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 66–70.
 9. *Лазарева В. А., Демкина М. С.* Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 101–107.
 10. *Лопатин А. А.* Правовой статус психолога и педагога в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 3–1. С. 542–552.
 11. *Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г.* Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2017. Т. 27. № 2. С. 133–138.
 12. *Медведева А. С.* Комплексирование как тенденция развития института специальных знаний в уголовном процессе с участием несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 2. С. 165–175.
 13. *Подлесных С. Н.* Аналогия закона и права как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Юридические записки. 2012. № 2 (25). С. 61–70.
 14. *Рахунов Р. Д.* Аналогия в советском уголовном процессе // Правоведение. 1971. № 2. С. 68–75.
 15. *Савельева Л. В.* Участие педагога и психолога в уголовном процессе по делам в отношении несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 12. С. 289–294.
 16. *Семенов Е. А.* Привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего как процессуальная гарантия обеспечения его прав в уголовном процессе России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 2 (41). С. 64–65.
 17. *Софийчук Н. В.* Педагог, психолог в уголовном процессе: некоторые проблемы правовой регламентации процессуального статуса и его реализации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 41–45.
 18. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1970. Т. 2. 516 с.
 19. *Шалаева С. Л.* Педология в России: историческая судьба и упущенные возможности (социально-философский аспект) // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2014. № 5. С. 95–98.
 8. *Elagina E. V., Grigoryan G. S.* Criminalistic and procedural aspects of involving a teacher and a psychologist in the production of investigative actions involving minors // Criminalist. 2010. № 2 (7). P. 66–70.
 9. *Lazareva V. A., Demkina M. S.* Development problems of legal regulation of the teacher's (psychologist) activities in investigative actions // Juridical Journal of Samara University. 2019. T. 5. № 3. P. 101–107.
 10. *Lopatin A. A.* The legal status of a psychologist and a teacher in criminal proceedings: problems of theory and practice // Matters of Russian and International Law. 2023. T. 13. № 3–1. P. 542–552.
 11. *Markovicheva E. V., Tat'yanina L. G.* Problems of participation of educators and psychologists in criminal procedure // Bulletin of Udmurt University. Ser.: Economics and Law. 2017. T. 27. № 2. P. 133–138.
 12. *Medvedeva A. S.* Integration as a Trend in the Development of the Institute of Special Knowledge in Criminal Proceedings Involving Minors // Siberian Legal Review. 2022. T. 19. № 2. P. 165–175.
 13. *Podlesnyh S. N.* Analogiya zakona i prava kak sposob preodoleniya probelov v ugovolno-processual'nom prave // Yuridicheskie zapiski. 2012. № 2 (25). S. 61–70.
 14. *Rahunov R. D.* An analogy in the Soviet criminal trial // Pravovedenie. 1971. № 2. P. 68–75.
 15. *Savel'eva L. V.* Uchastie pedagoga i psihologa v ugovolnom processe po delam v otnoshenii nesovershennoletnih // Byulleten' nauki i praktiki. 2021. T. 7. № 12. S. 289–294.
 16. *Semenov E. A.* Privlechenie pedagoga ili psihologa k doprosu nesovershennoletnego kak processual'naya garantiya obespecheniya ego prav v ugovolnom processe Rossii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (41). S. 64–65.
 17. *Sofijchuk N. V.* Teacher, psychologist in the criminal process: some problems of legal regulation of the procedural status and its implementation // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. № 3 (27). P. 41–45.
 18. *Strogovich M. S.* Kurs sovetskogo ugovolnogo processa : v 2 t. M., 1970. T. 2. 516 s.
 19. *Shalaeva S. L.* Pedologiya v Rossii: istoricheskaya sud'ba i upushchennye vozmozhnosti (social'no-filosofskij aspekt) // Trudy BGTU. Istoriya, filosofiya, filologiya. 2014. № 5. S. 95–98.
 20. *Shejfer S. A.* Sledstvennye dejstviya. Osnovaniya, processual'nyj poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie. Samara, 2004. 183 s.

20. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. 183 с.

Для цитирования:

Верещагина Алла Васильевна. Педагог (психолог) в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан и Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 40–50.

For citation:

Vereshchagina Alla Vasil'evna. Teacher (Psychologist) in Criminal Proceedings of the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 40–50.

Жандров Владимир Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники,
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
Российская Федерация, 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

E-mail: vaisvladimir74@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.852

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-51-59

Дата поступления статьи: 6 декабря 2023 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Совершенствование взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и учреждений уголовно-исполнительной системы при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

Improving the Interaction of Operational Units of Internal Affairs Bodies and Institutions of the Penal Enforcement System in Detecting Crimes in the Field of Drug Trafficking

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена сохранением в условиях развития информационно-коммуникационных технологий негативных тенденций, связанных с вовлечением осужденных к лишению свободы в незаконный оборот наркотиков во время отбывания наказания, участием их в организации доставки запрещенных веществ на территорию исправительных учреждений, а также руководством сбыта наркотиков через онлайн-сервисы, размещенные в «теневом секторе Интернета».

Постановка проблемы: ориентация оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы на решение задач обеспечения режима в исправительных учреждениях не всегда согласуется с оперативно-розыскными мероприятиями органов внутренних дел, что снижает эффективность выявления преступных цепочек в сфере незаконного оборота наркотиков с участием осужденных.

Vladimir Yur'evich Zhandrov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Operational
Investigative Activities and Special Equipment,
V. Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 117997, Moscow,
Akademika Volgina St., 12

E-mail: vaisvladimir74@gmail.com

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

The relevance of the research topic is due to the persistence of negative trends in the development of information and communication technologies related to the involvement of convicts in drug trafficking while serving their sentences, their participation in organizing the delivery of prohibited substances to correctional facilities, as well as the management of drug sales through online services hosted in the “shadow sector of the Internet”.

Problem statement: the orientation of the operational units of the penal enforcement system to solve the tasks of ensuring the regime in correctional institutions is not always consistent with the operational investigative measures of the internal affairs bodies, which reduces the effectiveness of identifying criminal chains in the field of drug trafficking involving convicts.

The purpose of the study is to develop an organizational and legal model that allows solving the

Цель исследования заключается в разработке организационно-правовой модели, позволяющей решать задачи оперативно-розыскной деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков как на территории исправительных учреждений, так и за их пределами.

Методы исследования: статистический, формально-логический, анализ, синтез и опрос (всего было проанкетировано 32 сотрудника территориальных оперативных подразделений Главного управления по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации, проходивших повышение квалификации в Академии управления МВД России в 2023 г.).

Результаты и ключевые выводы: компетентностная самостоятельность оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и их ориентация на обеспечение режима в исправительных учреждениях не должны препятствовать выполнению задач противодействия незаконному обороту наркотиков, выходящему за рамки их территории. Улучшения взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков возможно достичь путем распространения практики проведения оперативного эксперимента по оставлению доступа осужденных к обнаруженному и запрещенному к использованию электронному мобильному устройству в целях документирования преступной деятельности.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков; преступность осужденных; оперативный эксперимент; информационно-коммуникационные технологии; взаимодействие органов внутренних дел.

tasks of operational investigative activities in the field of countering drug trafficking both on the territory of correctional institutions and beyond.

Research methods: statistical, formal-logical, analysis, synthesis and survey (a total of 32 employees of the territorial operational divisions of the Main Directorate for Drug Control of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, who underwent advanced training at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2023, were surveyed).

Results and key conclusions: the competence independence of the operational units of the penal enforcement system and their focus on ensuring the regime in correctional institutions should not interfere with the tasks of countering drug trafficking that go beyond their territory. It is possible to improve the interaction of operational units of internal affairs bodies and institutions of the penal enforcement system in the field of countering drug trafficking by spreading the practice of conducting an operational experiment to allow convicts access to a detected and prohibited electronic mobile device in order to document criminal activity.

Keywords: drug trafficking; crime of convicts; operational experiment; information and communication technologies; interaction of internal affairs bodies.

Следствием начавшейся в середине 1990-х гг. административной реформы стала задача уголовно-исполнительной системы от Министерства внутренних дел Российской Федерации под контроль Министерства юстиции Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 была создана Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России), которая в полной мере сохранила за собой полномочия по организации оперативно-розыскной деятельности. Обособление нового органа исполнительной власти потребовало выстраивания системы взаимодействия между оперативными подразделениями органов внутренних дел (далее – ОВД) и учреждениями уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), которое оказалось не лишено проблем.

Построение новых взаимосвязей управленческих субъектов привлекло внимание исследователей. Так, вопросы совершенствования координации взаимодействия оперативных аппаратов ОВД и учреждений УИС решались Н. П. Барабановым, В. В. Михайлиным, Н. Д. Моисеевым [2]; перспективы взаимодействия оперативных подразделений УИС с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности поднимались Г. А. Майстренко [7], А. Н. Соколовым [9]; проблемы взаимодействия оперативных подразделений ОВД и УИС по раскрытию преступлений прошлых лет – Ю. А. Седовой [8], Е. Н. Билоусом, А. В. Горячевым и В. С. Кулаковым [3]; задача оперативно-розыскного предупреждения незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях – Р. М. Кашириным [6]. Вместе с тем проблемы взаимодействия опера-

тивных подразделений ОВД и учреждений УИС в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, где противоречия проявили себя наиболее остро, не нашли надлежащего исследовательского внимания. Напряженность в этой сфере связана с изменением характеристик складывающейся в исправительных учреждениях оперативной ситуации. При этом можно говорить как минимум о двух значимых таких переменах.

1. Изменение состава осужденных к лишению свободы, определяющее оперативную обстановку в учреждениях УИС и на обслуживаемой ОВД территории его расположения. В исправительных учреждениях, в среде лиц, отбывающих лишение свободы, уже на протяжении длительного промежутка времени значительную долю занимают осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств¹. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации всего за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст. 228–234¹ Уголовного кодекса Российской

Федерации (далее – УК РФ)) в 2020 г. было осуждено 69 079 чел., в том числе к лишению свободы – 25 362 (36,7 %). Те же показатели для 2021 г. составили 75 647 чел. и 28 272 (37,4 %), 2022 г. – 74 567 чел. и 29 723 (39,9 %), в 2023 г. – 72 897 и 30 305 (41,6 %) соответственно². Анализ статистических сведений позволяет обнаружить неблагоприятную динамику двух показателей:

– абсолютного, указывающего на рост количества осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

– относительного, свидетельствующего о росте доли осужденных к наказанию в виде лишения свободы в структуре осужденных ко всем видам наказаний за данные преступления.

Иначе говоря, характеристика судимости по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств ежегодно отягощается как в количественном, так и в качественном отношении. Кроме того, остается значительной степень суровости выносимых приговоров по уголовным делам данной категории и, как следствие, – длительность назначаемых сроков лишения свободы (см. табл.)

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 06.11.2023).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020, 2021, 2022 и 2023 гг. // Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdcr.ru/?id=79> (дата обращения: 06.11.2023).

Таблица

Сроки лишения свободы, назначенные осужденным за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст. 228–234¹ УК РФ), в 2019–2023 гг.

Год	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Срок наказания					
до 1 года включительно	2 852	2 358	2 458	2 314	1 720
свыше 1 до 3 лет включительно	6 498	5 327	5 282	5 166	4 472
свыше 3 до 8 лет включительно	15 620	12 999	15 072	16 243	16 723
свыше 8 до 15 лет включительно	6 196	4 562	5 322	5 836	7 112
свыше 15 до 25 лет включительно	179	116	138	164	278

Используя статистические сведения, приведенные в таблице, возможно рассчитать изменение структуры сроков лишения свободы. Так, доля наказания «свыше 3 до 8 лет включительно» показывает следующие относительные значения: для 2019 г. – 49,8 %, 2020 г. – 51,3 %, 2021 г. – 53,3 %, 2022 г. – 54,6 %, 2023 г. – 55,1 %. Налицо хотя и незначительный, но рост. Не в лучшую сторону меняются показатели по позиции «свыше 8 до 15 лет включительно»: для 2019 г. – 19,8 %, 2020 г. – 18 %, 2021 г. – 18,8 %, 2022 г. – 19,6 %, 2023 г. – 23,4 %. Наконец, показатель «свыше 15 до 25 лет включительно» об-

наружил скачок данных от 179 в 2019 г. до 278 в 2023 г. (+55,3 %).

Значение для оценки оперативной обстановки длительного сосредоточения в местах лишения свободы большого количества осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, определяется такими обстоятельствами, как возможность осужденных устанавливать новые криминальные связи между собой, обмениваться опытом и расширять возможности использования запрещенных каналов с соучастниками на свободе, а также попадания запрещенных веществ в места лишения свободы.

2. Сохранение наркоориентированной криминальной активности осужденных в условиях изоляции, преодолеть которую позволяет незаконное использование мобильных электронных устройств и информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Сосредоточение в местах лишения свободы лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, не могло не сказаться на криминальной ситуации в самих учреждениях. Так, количество преступлений, связанных с приобретением и сбытом наркотических средств в исправительных учреждениях, составило: в 2017 г. – 201; 2018 г. – 225; 2019 г. – 231; 2020 г. – 182; в 2021 г. – 154 [5, с. 205]. Данный фактор влияет на рост пенициарного насилия, ухудшает условия обеспечения безопасности как самих осужденных, так и персонала, порой сводя к «нулю» усилия по достижению целей лишения свободы. При этом с точки зрения криминальной зараженности особое внимание должны представлять учреждения с наиболее высокой степенью изоляции, поскольку в них содержатся лица, имеющие модель преступного поведения, связанного с употреблением и сбытом наркотиков, вызванного длительной наркозависимостью.

Следует учитывать также, что осужденные за преступления, связанные с наркотиками, которые составляют значительную часть от общего числа лиц, находящихся в исправительных учреждениях, подвергаются более высокому риску рецидива, поскольку не устранены коренные причины их участия в незаконном обороте наркотических средств, коренящиеся в глубоком вовлечении в организованную преступную деятельность. Обращение к судебной практике позволило выявить два основных вектора приложения криминальных усилий осужденными, незаконно использующими новые технологии для незаконного оборота наркотических средств:

1. Дистанционная организация доставки в исправительные учреждения наркотиков путем использования помощи находящихся на свободе посредников, в том числе не осведомленных о противоправном характере совершаемых действий.

Анализ практики пресечения незаконного оборота наркотических средств в учреждениях УИС позволил выявить основные каналы проникновения подконтрольных веществ в колонии. При этом из всех известных наиболее распространенным способом незаконной доставки наркотиков до настоящего времени остается переброс их через основное ограждение на охраняемую территорию. Последнее предполагает использование различных средств, таких как рогатки, арбалеты, дротики, луки и беспилотные летательные аппараты. Кроме этого, необходимым условием является участие в процессе

переброса родственников и знакомых осужденных или нанятых ими лиц. Посредники используются и в случае доставки наркотиков посредством передачи их в посылках, передачах, бандеролях, в том числе и в ходе длительных свиданий, спрятанных в различных предметах, продуктах питания или полостях тела. Известны случаи проноса наркотических средств на территории учреждений УИС адвокатами³, а также самими сотрудниками⁴. В преступную цепь могут быть вовлечены сразу несколько лиц, находящихся на территории исправительного учреждения, а также за его пределами, с заранее оговоренными ролями. Так, А. А. Жиров, отбывая наказание в ФКУ ИК-33 ГУФСИН России по Приморскому краю, по средствам мобильной связи договорился с находящимся на свободе гр. К. о пересылке для него содержимого, упакованного в пачку из-под сигарет, не осведомив последнего о содержащемся в ней наркотическом средстве – масле каннабиса, которое он изготовил еще до осуждения. Впоследствии Ц. совместно с К. и водителем Б. на автомобиле прибыли в Спасский район на железнодорожную станцию Старый Ключ, где около 14 час., находясь на автомобильной дороге, проходящей возле ограждения ИК-33, Ц. перебросил сверток, полученный им от гр. К., через ограждение исправительного учреждения на участок внутренней запретной зоны. Сверток незамедлительно был обнаружен сотрудниками ФКУ ИК-33 ГУФСИН России по Приморскому краю и изъят. Согласно приговору суда действия А. А. Жирова были квалифицированы как пересылка наркотического средства, а гр. К., Б. и Ц. остались в статусе свидетелей по уголовному делу⁵.

Как видно из приведенного примера, действия лиц, помощь которых используется для пересылки наркотиков в исправительные учреждения в условиях неосведомленности, не квалифицируются в качестве действий соучастников преступления. И хотя при наличии необходимых признаков действия таких посредников способны образовать основание административной ответственности по ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-испол-

³ Сотрудниками оперативного отдела СИЗО-1 и ОСБ УФСИН России по г. Москве задержан адвокат, который пытался пронести на территорию СИЗО наркотики // УФСИН России по г. Москве: офиц. сайт. URL: https://77.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=676408 (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ См.: Приговор по делу № 1-138/18 от 3 июля 2018 г. URL: <https://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 03.11.2023).

⁵ См.: Приговор № 1-189/2018 от 3 июля 2018 г. по делу № 1-189/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Qc3byhrG1hUR/?ysclid=lpqnpiv7qr304380225> (дата обращения: 04.12.2023).

нительной системы или изоляторах временно содержания», применение подобной меры не всегда оказывается достаточным для того, чтобы удержать неустойчивых граждан от попыток передачи запрещенных предметов заказчикам в места лишения свободы. Также не всегда оказываются успешными и режимные мероприятия, направленные на обнаружение запрещенных предметов у осужденных (прежде всего – мобильные электронные устройства), что свидетельствует о важности использования средств оперативно-розыскной деятельности для достижения цели выявления и пресечения незаконного оборота наркотических средств.

Процесс выявления и документирования совершаемых в условиях исправительных учреждений преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, имеет особую сложность и вызывает серьезные трудности, поскольку невозможно в полной мере использовать традиционные оперативно-розыскные методы, направленные на противодействие такого рода деяниям. Основным фактором, оказывающим решающее значение на вышеназванную специфику, является способ доставки наркотиков на территорию исправительного учреждения. Способы их доставки достаточно изучены в ряде прикладных исследований [10].

Именно от определения и купирования возможности передачи подконтрольных веществ осужденному будет зависеть успех пресечения данного преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности. При этом следует учитывать, что непосредственная координация действий, связанных с местом переброса наркотиков или способом их маскировки, осуществляется заказчиком-осужденным, находящимся в колонии, посредством мобильной связи.

В связи с этим возникают сложности в документировании действий участников преступной группы. Хотя они и охватываются признаками ст. 228 УК РФ, однако наряду с этим требуется установление прямого умысла на совершение преступного деяния, доказать который оказывается непростой задачей. Только лишь изъятие предмета преступления оказывается недостаточным для доказательства вины участников преступной деятельности и может привести максимум к возбуждению уголовного дела по факту обнаружения наркотиков без каких-либо процессуально значимых последствий. Исходя из этого, необходимость проведения в отношении фигурантов оперативно-розыскных мероприятий определяется потребностью документирования доступными средствами осознанного желания и намерения приобрести наркотики и доставить их на территорию исправительного учреждения.

Учитывая это, целесообразно указать, каким арсеналом обладают оперативные подразделения ФСИН России и ОВД исходя из тактических условий, продиктованных спецификой исправительного учреждения. Как показывает исследование, набор таких средств весьма ограничен. В первую очередь это оперативно-технические мероприятия, осуществляемые в отношении обнаруженных у осужденных электронных мобильных устройств. Проведение оперативно-технических мероприятий ставит целью получение информации, которая затем надлежащим образом может быть оформлена, рассекречена в установленном законе порядке, лечь в основу повода к возбуждению уголовного дела либо приобщена к ранее возбужденным уголовным делам. В большинстве случаев именно такого рода сведения могут быть источниками доказательства вины фигурантов, поскольку иные фактические данные, почерпнутые, например, из свидетельских показаний, не всегда могут быть получены в силу давления криминальной среды. В отсутствие данных, полученных в результате контроля связи осужденных, пользующихся электронными мобильными устройствами, доказать причастность фигурантов к доставке наркотиков в исправительное учреждение не представляется возможным. Вот почему задержание посредника на месте переброса наркотиков оказывается недостаточным для привлечения его к уголовной ответственности, требуется подтверждение его осведомленности относительно содержания перебрасываемого упакованного свертка на охраняемую территорию.

2. Организация и руководство преступной деятельностью, обеспечивающей функционирование онлайн-инструментов по продаже наркотиков. Осужденные используют самые разные возможности и изыскивают необычные способы для организации подобной деятельности.

Судебная практика столкнулась с примером создания организованного сообщества осужденными, которые использовали служебный компьютер для создания Telegram-ботов, способствующих распространению информации и продажам мефедрона и амфетамина⁶. Привычными стали сообщения в средствах массовой информации о случаях выявления фактов координации осужденными из мест заключения через Интернет работы онлайн-магазинов по продаже наркотиков, действий «закладчи-

⁶ См.: Предприимчивые заключенные организовали наркобизнес с ОПГ через компьютер ФСИН в Новосибирске. URL: <https://news.rambler.ru/crime/45632575-predpriimchivye-zaklyuchennye-organizovali-narkobiznes-s-opg-cherez-kompyuter-fsin-v-novosibirsk/> (дата обращения: 05.12.2023).

ков», подбора иных соучастников в преступной деятельности⁷.

Характеристика складывающейся оперативной обстановки как в самих местах лишения свободы, так и на территориях их дислокации, использование осужденными возможностей ИКТ со всей очевидностью показывает невозможность эффективного противодействия незаконному обороту наркотических средств вне системы слаженного взаимодействия оперативных аппаратов исправительных учреждений и ОВД.

Вместе с тем выстраивание системы взаимодействия оперативных подразделений УИС и ОВД само по себе предполагает решение целого комплекса проблем. Для содействия эффективному взаимодействию необходимо установить конкретные цели, требующие совместных усилий. Это влечет за собой взаимное согласование задач, а также принятие необходимых управленческих решений. Прежде всего согласованию подлежат решения относительно места, сроков, тактики и способов проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также средств преодоления потенциальных проблемных задач. Такой совместный подход позволяет повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений, особенно связанных с незаконным оборотом наркотиков, в исправительных учреждениях ФСИН России.

Как уже отмечалось, с одной стороны, оперативно-розыскная деятельность в УИС имеет нормативную и организационную обособленность от других направлений внутрипенитенциарной работы, с другой — такая деятельность исторически и функционально всегда была тесно связана с задачей обеспечения режима в местах лишения свободы [1; 4]. Ориентация оперативно-розыскных подразделений на обеспечение режима формирует специфическую модель их деятельности, определяющую особые приоритеты поисковой работы, главными из которых становятся следующие:

- пресечение поставок наркотиков на территорию исправительного учреждения;
- выявление лиц, причастных к распространению наркотических средств в колониях.

Пресечение поставок наркотиков на территорию исправительного учреждения требует высокого уровня профессионализма и координации различных подразделений и служб как в самой УИС, так и за ее пределами. Становится

крайне важным обеспечить сотрудников оперативных подразделений УИС и ОВД качественными методиками по обнаружению и изъятию наркотиков, незаконно доставляемых в места лишения свободы. Внедрение технической и судебно-медицинской поддержки такого рода мероприятий имеет принципиальное значение для улучшения процессов оперативного поиска и проверки получаемой информации. Это может включать в себя использование передовых технологий сканирования, применение служебных собак, а также разнообразных устройств для идентификации веществ. При этом необходимо постоянно разрабатывать и внедрять стандартизированные методики поиска и проверки, чтобы обеспечить последовательность и тщательность процесса обнаружения наркотиков. Данные протоколы должны охватывать досмотры людей, транспортных средств, получаемых осужденными посылок, передач и бандеролей, другой почтовой корреспонденции, а также различных объектов, находящихся на территории исправительного учреждения.

Наряду с этим необходимо указать, что решающее значение для преодоления проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств в исправительных учреждениях имеет грамотно организованная оперативная работа в среде осужденных. Она должна включать в себя осуществление на постоянной основе комплекса оперативно-розыскных мероприятий, сочетающего в себе как оперативный поиск, так и использование различных оперативно-технических мероприятий.

Преобладание в колониях лиц с выраженными криминальными наклонностями существенно влияет на оперативную обстановку по линии противодействия незаконному обороту наркотических средств. Осуществление постоянного надзора и контроля за такого рода осужденными, а также проведение в отношении их активных оперативно-розыскных мероприятий могут выявить как каналы поступления наркотиков в исправительные учреждения, так и возможные места их хранения на территории колоний. При этом использование осужденными электронных мобильных устройств для организации поставок наркотиков в места заключения является ключевой проблемой для исправительных учреждений. Мобильные устройства связи дают возможность отбывающим наказание осужденным поддерживать незаконные связи с внешним миром, включая поставщиков наркотиков и их сообщников, быстро адаптируясь к изменениям в мерах безопасности и выявляя уязвимости в системе охраны и надзора.

Для эффективной борьбы с этой проблемой учреждения УИС и правоохранительные органы реализуют различные стратегии и техноло-

⁷ См.: В Пермском крае двое заключенных организовали интернет-магазин по продаже наркотиков. URL: <https://properrm.ru/news/2021-03-15/v-permskom-krae-dvoe-zaklyuchennyh-organizovali-internet-magazin-po-prodazhe-narkotikov-2706520> (дата обращения: 11.11.2023); Российский заключенный организовал из колонии работу наркомаркета. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/22/narko/> (дата обращения: 11.11.2023).

гии, одна из которых — использование технологии блокировки сигналов сотовой связи внутри учреждения. Это не позволяет осужденным звонить или принимать звонки, что затрудняет координацию преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков.

Однако данная стратегия дает лишь временное преимущество в части пресечения каналов поступления наркотиков в места лишения свободы, в то время как целенаправленная разработка лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств, позволяет выявить и задокументировать всех причастных к данной незаконной деятельности. При этом комплексное проведение оперативно-технических мероприятий в первую очередь прослушивание телефонных переговоров способно решить задачи получения значимых сведений и сбора фактических данных, имеющих доказательственное значение для уголовного дела.

Вот почему оперативно-розыскная деятельность в учреждениях УИС не может и не должна ограничиваться сиюминутным обслуживанием интересов обеспечения режима, следует достигать решения всех поставленных действующим законодательством задач, включая и прослушивание незаконно находящихся у осужденных средств мобильной связи. Между тем обнаружение сотрудниками исправительного учреждения на охраняемой территории незаконно используемого электронного мобильного устройства создает определенное противоречие между задачами обеспечения режимных требований и оперативно-розыскными мероприятиями, ориентированными на документирование всей преступной цепочки незаконного оборота наркотических средств, ставит дилемму выбора правового инструмента правоприменения.

С одной стороны, обнаружение у осужденного запрещенного к использованию электронного мобильного устройства ставит под угрозу безопасность персонала, спецконтингент, а также иных лиц, если их незаконная деятельность выходит за пределы колонии. Эти устройства могут использоваться для незаконной связи, координации криминальной деятельности и, как уже отмечалось ранее, для организации поставок наркотиков. По своей сути, электронное мобильное устройство является средством, обеспечивающим участие осужденного в преступлении во время отбытия наказания. С этой позиции факт использования запрещенных устройств в исправительных учреждениях представляет собой нарушение условий изоляции, противоречит принципам исполнения наказания в виде лишения свободы. В свою очередь, общение осужденных по средствам телефонных переговоров для поддержания внешних связей подрывает принцип изоляции.

С другой стороны, оперативная разработка начинается тогда, когда есть основания обоснованно подозревать осужденного в преступной деятельности на территории исправительного учреждения, например, в незаконном обороте наркотиков. При этом в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лица, использующего электронное мобильное устройство, могут быть получены сведения, имеющие доказательственное значение, включая записи звонков, текстовые сообщения, фотографии и контакты, связанные с каналами поставок наркотиков и их координацией за пределами учреждения.

Представляется, что проблема выбора правового инструмента в описываемых случаях должна решаться исходя из значимости добываемой информации. В ходе проведения оперативно-технических мероприятий следует указать на эффективность решения возникающих такого рода тактических задач путем осуществления специальной комбинации, включающей такое оперативно-розыскное мероприятие, как «оперативный эксперимент».

Применительно к рассматриваемой ситуации «оперативный эксперимент» предполагает использование электронного мобильного устройства в качестве инструмента для получения информации о методах и каналах доставки наркотиков в исправительные учреждения и их координации за его пределами. Доступ к мобильному устройству во время исполнения замысла оперативной комбинации должен быть оставлен пользующемуся им осужденному, обоснованно подозреваемому в деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в целях документирования его связи с внешними контактами, участвующими в их поставках. Основная цель «оперативного эксперимента» — собрать достоверную информацию о поставщиках, курьерах, маршрутах, местах хранения и способах доставки наркотиков в исправительные учреждения посредством контроля переговоров, ведущихся с помощью электронных мобильных устройств. Получаемые оперативные сведения помогут определить причастных к деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков лиц как внутри исправительного учреждения, так и за его пределами. Собранную информацию возможно будет реализовать в рамках спланированной операции по перекрытию каналов поставки наркотиков и задержания причастных лиц. Возможность использования в таких случаях «оперативного эксперимента» посчитали возможным 87 % опрошенных нами руководителей оперативных подразделений Главного управления по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Использование электронных мобильных устройств в такого рода оперативных комбинациях должно проводиться в соответствии с действующим федеральным законодательством и ведомственными нормативными документами, регулирующими организацию и тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, без каких-либо исключений, учитывающих статус осужденного.

Проведенное теоретико-прикладное исследование позволяет сформулировать ряд значимых выводов:

1. Обретение в 2004 г. компетентностной самостоятельности оперативными подразделениями УИС поставило задачу выстраивания действенной системы взаимодействия их с оперативными подразделениями ОВД. Наибольшее значение данное выстраивание имеет для эффективного противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств. Это обусловлено изменением состава осужденных к лишению свободы, в общей массе которых растет число привлеченных к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 228–234¹ УК РФ, и сохранением наркоориентированной криминальной активности находящихся в условиях изоляции лиц, преодолевать которую позволяет незаконное использование электронных мобильных устройств.

2. Оперативно-розыскная деятельность ФСИН России обоснованно имеет нормативную

и организационную самостоятельность от других направлений деятельности, а ее законодательное регулирование не содержит специальных правил, содержащих исключения или ограничения для учреждений УИС. Ориентация оперативно-розыскной деятельности на обеспечение режима в исправительных учреждениях не может и не должна ограничиваться решением только лишь одной этой задачи, следует принимать во внимание интересы противодействия преступлениям, совершаемым вне пределов мест лишения свободы, в которых участвуют осужденные.

3. Получение информации о незаконном пользовании осужденными к лишению свободы электронными мобильными устройствами создает проблему выбора правового решения о проведении режимных мероприятий по их изъятию и документированию преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, выходящей за рамки территории исправительного учреждения. Критерием принятия решения о необходимости изъятия электронного мобильного устройства должна служить оперативная информация, значимость которой может стать основанием для проведения «оперативного эксперимента» по оставлению доступа осужденным-фигурантам к гаджету в течение необходимого для проведения оперативно-розыскного мероприятия времени документирования преступной деятельности.

Список литературы:

1. *Агарков А. В.* Исторический и организационно-правовой аспекты развития оперативных подразделений в местах лишения свободы : моногр. Владимир, 2010. 168 с.
2. *Барабанов Н. П., Михайлин В. В., Моисеев Н. Д.* Организация координации взаимодействия оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева. Рязань, 2016. С. 12–18.
3. *Билоус Е. Н., Горячев А. В., Кулаков В. С.* Взаимодействие оперативных подразделений криминальной милиции, органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в раскрытии преступлений : учеб. пособие. М., 1998. 72 с.
4. *Гнедов Е. В., Жданов А. В.* История становления оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 5 (156). С. 5–8.

References:

1. *Agarkov A. V.* Istoricheskij i organizacionno-pravovoj aspekty razvitiya operativnyh podrazdelenij v mestah lisheniya svobody : monogr. Vladimir, 2010. 168 s.
2. *Barabanov N. P., Mihajlin V. V., Moiseev N. D.* Organizaciya koordinacii vzaimodejstviya operativnyh podrazdelenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i organov vnutrennih del // Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'nogo prava i ispolneniya nakazaniy : materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj pamyati professorov N. A. Struchkova i M. P. Melent'eva. Ryazan', 2016. S. 12–18.
3. *Bilous E. N., Goryachev A. V., Kulakov V. S.* Vzaimodejstvie operativnyh podrazdelenij kriminal'noj milicii, organov i uchrezhdenij, ispolnyayushchih ugolovnye nakazaniya, v raskrytii prestuplenij : ucheb. posobie. M., 1998. 72 s.
4. *Gnedov E. V., Zhdanov A. V.* Istoriya stanovleniya operativnyh podrazdelenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2015. № 5 (156). S. 5–8.
5. *Epifanov S. S., Zhuravlev A. N., Moiseev N. D.* The system of factors influencing the fight

5. Епифанов С. С., Журавлев А. Н., Моисеев Н. Д. Система факторов, влияющих на борьбу оперативных подразделений с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31 (1–4). № 2. С. 205–213.
6. Каширин Р. М. Оперативно-розыскное предупреждение незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012. 29 с.
7. Майстренко Г. А. Взаимодействие оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности: проблемные вопросы и перспективы развития // Закон и право. 2021. № 7. С. 99–101.
8. Седова Ю. А. Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по раскрытию преступлений прошлых лет // Научный портал МВД России. 2017. № 3. С. 64–67.
9. Соколов А. Н. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и органов внутренних дел в борьбе с преступлениями, совершаемыми в колониях-поселениях : автореф. дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. 21 с.
10. Чернышенко Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : дис. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2014. 234 с.
- of operational units against illicit drug trafficking in correctional institutions // Man: Crime and Punishment. 2023. Т. 31 (1–4). № 2. S. 205–213.
6. Kashirin P. M. Operativno-rozysknoe preduprezhdenie nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Pskov, 2012. 29 s.
7. Majstrenko G. A. Interaction of operational units of the penal enforcement system with other subjects of operational investigative activity: problematic issues and development prospects // Law and Legislation. 2021. № 7. S. 99–101.
8. Sedova Yu. A. The Interaction between Interior Ministry Operational Units and the Federal Service of Execution of Penal Sentences of Russia on Detected Crimes of Past Years // Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior. 2017. № 3. S. 64–67.
9. Sokolov A. N. Vzaimodejstvie operativnykh podrazdelenij FSIN Rossii i organov vnutrennih del v bor'be s prestupleniyami, sovershaemymi v koloniyah-poseleniyah : avtoref. dis... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2011. 21 s.
10. Chernyshenko E. V. Rassledovanie nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah FSIN Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk. Vologda, 2014. 234 s.

Для цитирования:

Жандров Владимир Юрьевич. Совершенство-вание взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и учреждений уголовно-исполнительной системы при выявлении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 51–59.

For citation:

Zhandrov Vladimir Yur'evich. Improving the Interaction of Operational Units of Internal Affairs Bodies and Institutions of the Penal Enforcement System in Detecting Crimes in the Field of Drug Trafficking // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 51–59.

Косых Валерия Александровна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206,
г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

E-mail: val-kosykh@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Valeriya Aleksandrovna Kosykh,
Candidate of Law,
Senior Lecturer at the Department of Criminology,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 198206, St. Petersburg,
Letchika Pilyutova St., 1

E-mail: val-kosykh@yandex.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.985

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-60-69

Дата поступления статьи: 23 февраля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Особенности выявления и фиксации криминалистически значимой информации о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации на этапе предварительной проверки

Features of Identifying and Recording Forensically Significant Information about the Crimes under Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at the Stage of Preliminary Verification

Аннотация

Актуальность проблемы качества, полноты и достаточности проведения предварительной проверки по материалам о преступлениях, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины обусловлена важностью рассматриваемого этапа, предшествующего принятию процессуального решения следователем (дознавателем), поскольку уже на этой стадии осуществляется сбор первичных доказательств наличия состава преступления, формулируются первичные версии и общая картина события преступления.

Постановка проблемы: с учетом специфики рассматриваемых преступлений, существует потребность в более конкретизированном подходе к проведению предварительной проверки по материалам о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Россий-

Abstract

The relevance of the problem of quality, completeness and sufficiency of conducting a preliminary check on materials on crimes related to the acquisition, storage, transportation, processing for sale or sale of knowingly illegally harvested wood is due to the importance of the considered stage preceding the adoption of a procedural decision by the investigator (inquirer), since already at this stage primary evidence of the presence of a crime is collected, The primary versions and the general picture of the crime event are formulated.

Problem statement: taking into account the specifics of the crimes under consideration, there is a need for a more specific approach to conducting a preliminary check on the materials on crimes provided for in Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. As a rule, the investigator (inquirer) is limited to perform-

ской Федерации. Как правило, следователь (дознатель) ограничивается выполнением стандартных действий для разрешения рассматриваемого материала проверки: опросы основных участников проверки по общим вопросам относительно события преступления, осмотр места происшествия (по месту обнаружения незаконно заготовленной древесины), получение сведений о стоимости изъятой древесины в виде справок.

Вместе с тем при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по рассматриваемому составу преступления следователь (дознатель) должен установить факт заведомой осведомленности лица, совершившего противоправные действия, связанные с древесиной, о незаконности ее происхождения; характеристики предмета преступления – древесины и размер причиненного ущерба. В связи с этим в статье рассмотрен алгоритм проверки материалов, в котором предусмотрены в том числе оптимальные на данном этапе криминалистические инструменты, применяемые на стадии предварительного расследования уголовных дел: правила получения информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, планированию и построению версий, применения тактических приемов при производстве процессуальных и следственных действий, интерпретации полученных результатов перед принятием процессуального решения.

Цель исследования: выработка подхода к организации предварительной проверки по сообщениям о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющего формировать полноценные первичные доказательства до возбуждения уголовного дела.

Методы исследования: диалектически метод, описание, анализ, синтез, индукция, дедукция.

Результаты и ключевые выводы: качество материалов проверок о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации напрямую влияет на обоснованность и законность принимаемых по ним процессуальных решений. При этом содержание указанных материалов находится в прямой зависимости от исходных следственных ситуаций, складывающихся на момент регистрации сообщения о преступлении, а именно, важное значение имеет, выявлен ли факт совершения вышеуказанного преступления в совокупности с совершением незаконной рубки лесных насаждений или хищением древесины на землях сельскохозяйственного назначения либо выявлен на этапе ее хранения, транспортировки, переработки и т. д. Подчеркивается, что существует необходимость в применении следо-

ving standard actions to resolve the verification material in question: interviews of the main participants in the inspection on general issues regarding the crime event, inspection of the scene (at the place of discovery of illegally harvested wood), obtaining information about the value of the seized wood in the form of certificates.

At the same time, when deciding on the initiation of a criminal case on the composition of the crime under consideration, the investigator (inquirer) must establish the fact that the person who committed illegal actions related to wood is aware of the illegality of its origin; the characteristics of the object of the crime – wood and the amount of damage caused. In this regard, the article considers an algorithm for verifying materials, which include the optimal forensic tools at this stage used at the stage of preliminary investigation of criminal cases: rules for obtaining information about the circumstances to be established, planning and constructing versions, using tactical techniques in the production of procedural and investigative actions, interpreting the results obtained before by making a procedural decision.

The purpose of the study: to develop an approach to the organization of a preliminary check on reports of crimes provided for in Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, which allows the formation of full-fledged primary evidence before the initiation of a criminal case.

Research methods: dialectical method, description, analysis, synthesis, induction, deduction.

Results and key conclusions: the quality of the audit materials on crimes provided for in Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation directly affects the validity and legality of the procedural decisions taken on them. At the same time, the content of these materials is directly dependent on the initial investigative situations that develop at the time of registration of the crime report, namely, it is important whether the fact of committing the above-mentioned crime in conjunction with the commission of illegal logging of forest plantations or theft of wood on agricultural lands or revealed at the stage of its storage, transportation, processing etc. It is emphasized that there is a need for the investigator (inquirer) to use tactical techniques in the production of procedural and investigative actions before the initiation of a criminal case, a comprehensive analysis of the data obtained and criminally significant information already at the stage of preliminary verification. This approach makes it possible to exclude the adoption of illegal and unjustified procedural decisions, as well as provides a tactically correct

вателем (дознавателем) тактических приемов при производстве процессуальных и следственных действий до возбуждения уголовного дела, всестороннего анализа полученных данных и криминалистически значимой информации уже на этапе предварительной проверки. Такой подход позволяет исключить принятие незаконных и необоснованных процессуальных решений, а равно обеспечивает тактически верный подход к сбору первоначальной информации о событии преступления; установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, их обобщению, интерпретации и последующему использованию в планировании следственных и процессуальных действий, направленных на доказывание вины лиц, причастных к преступлению.

Ключевые слова: *лесные насаждения; незаконно заготовленная древесина; предварительная проверка; криминалистическая характеристика; следственные ситуации; следственные действия; следователь; преступления.*

approach to collecting initial information about the crime event; to establish the circumstances to be proved, their generalization, interpretation and subsequent use in planning investigative and procedural actions aimed at proving the guilt of persons involved in the crime.

Keywords: *forest plantations; illegally harvested*

wood; preliminary inspection; forensic characteristics; investigative situations; investigative actions; investigator; crimes.

Основу системного подхода к противодействию преступлениям, связанным с незаконным оборотом леса в целом и предусмотренным ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»¹ в частности, образуют следующие факторы: сложившаяся следственная ситуация и правильная ее интерпретация; обстоятельства, при которых данное преступление было выявлено; полнота и качество предварительной проверки, предшествовавшей вынесению постановления о возбуждении уголовного дела. Используемые при этом научные разработки и правоприменительный опыт образуют фундамент эффективного расследования уголовных дел и доказывания вины лиц, совершивших преступление, за счет полноты, достоверности и достаточности собираемых доказательств.

С учетом существенных особенностей рассматриваемого состава преступления, выраженных в неочевидности характеристик предмета посяательства, принципиальной необходимости установления субъективной стороны преступления и факта заведомости при совершении действий с незаконно заготовленной древесиной, а также общей сложности выявления обстоятельств преступления, на наш взгляд,

значительное внимание требуется уделять этапу предварительной проверки, относимой к стадии возбуждения уголовного дела, применяя к ней выработанные в криминалистике тактические приемы производства отдельных следственных и процессуальных действий, правила их организации и планирования. Это обусловлено необходимостью сбора полноценного материала в ограниченный срок (не более 30 суток), итогом которого должны стать принятие законного и обоснованного процессуального решения; первичная доказательственная база, собранная с соблюдением процессуальных требований, а также дана первичная криминалистическая характеристика события преступления, позволяющая оценить полноту сведений об обстоятельствах, подлежащих установлению. На этапе получения и первичной оценки информации о совершенном преступлении необходимо отметить, что действия должностного лица подчинены определенному алгоритму, который также можно рассматривать как составную часть криминалистической характеристики [6, с. 116].

Следует согласиться с В. П. Лавровым, сформулировавшим основные проблемы, связанные с производством предварительной проверки по материалам, а именно:

– тактика планирования и реализации планируемых действий с учетом влияния фактора времени;

– надлежащее технико-криминалистическое обеспечение проверочных действий в ча-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

сти объема тех действий, мер и средств, которыми разрешено и предписано пользоваться для установления наличия либо отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления и необходимых для возбуждения уголовного дела [10, с. 112–113].

Тем не менее анализ развития стадии возбуждения уголовного дела позволяет сделать вывод о том, что законодатель постоянно стремится к увеличению процессуальных способов собирания информации на данной стадии [4, с. 181].

Преступление, предусмотренное ст. 191¹ УК РФ является звеном незаконного оборота леса, включающего также ст. 226¹, 260 УК РФ [8, с. 71–72]. Следует выделить несколько вариантов выявления рассматриваемого преступления, в связи с его включенностью в сложный преступный механизм:

1. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

2. В ходе расследования уголовного дела о незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) или краже древесины (ст. 158 УК РФ).

3. В ходе рейдовых мероприятий сотрудниками ГАИ.

Рассматриваемые преступления, как правило, не выявляются от инициативных заявителей или представителей предприятий и организаций, участвующих в лесных правоотношениях, поскольку речь идет о заведомой незаконности происхождения древесины для ее приобретателей, сбытчиков, перевозчиков и переработчиков и (или) лиц, осуществляющих ее хранение. Эта особенность состава преступления переводит его в категорию латентных и в значительной степени коррупционных преступлений. Такие маркеры обуславливают сложность в установлении и закреплении доказательств вины лиц, причастных к преступлению. Указанные трудности, как правило, осложняются и тем, какая первоначальная следственная ситуация сложилась на момент начала работы по материалу предварительной проверки.

Приведем несколько примеров связи исходных следственных ситуаций и содержания собираемых материалов.

Приговором Черновского районного суда г. Читы от 2 октября 2023 г. по ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 191¹, ч. 3 ст. 191¹ УК РФ осуждена гражданка Л., совершившая контрабанду стратегически важных ресурсов в крупном размере, организованной группой (семь эпизодов), а также приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта и сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины в особо крупном размере, организованной группой (два эпизода). В ряду совершен-

ных преступлений отсутствуют состав преступления, предусмотренный ст. 260 УК РФ, поскольку из материалов уголовного дела следует, что члены организованной группы осуществляли поиск индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, зарегистрированных на территории Забайкальского края, занятых в сфере оборота древесины и готовых выступить в качестве производителей товаров при их контрабандном экспорте, а также действия, указанные в ст. 191¹ УК РФ, от имени ООО «<данные изъяты>» и ООО «<данные изъяты>» с использованием фиктивной документации, подтверждающей ее происхождение, кроме того, организовывали заключение от их имени фиктивных договоров купли-продажи древесины с указанными юридическими лицами².

Приговором Новосибирского районного суда Новосибирской области от 26 июня 2023 г. по ч. 3 ст. 260 УК РФ, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 260 УК РФ, ч. 3 ст. 191¹ УК РФ, ст. 262 УК РФ осужден гражданин Н. Преступные деяния им осуществлялись в целях систематического совершения преступлений в виде незаконных рубок лесных насаждений в особо крупном размере на лесохозяйственных участках, в том числе на особо охраняемых природных территориях; тайных хищений древесины в крупном размере путем спиливания деревьев на земельных участках сельскохозяйственного назначения; приобретений, хранений и перевозок для сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины в крупном размере³.

Таким образом, обстоятельства выявления преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ имеют существенные отличия, связанные с исходной информацией, которая в первом случае указывает на наличие рассматриваемого состава преступления и сопутствующих преступлений (контрабанда), при этом получение незаконно заготовленной древесины, ее незаконная рубка не охватываются умыслом (получение ее осуществляется от третьих лиц); во втором случае единым преступным умыслом охвачены все деяния, образующие незаконный оборот древесины: и ее незаконная рубка, и хищение деревьев на землях сельскохозяйственного назначения, и последующие незаконные действия с ней. В таком случае очевидным является различие в наполнении как материалов проверки на момент возбуждения уголовного дела, так и материалов уголовного дела.

² Приговор Черновского районного суда г. Читы (Забайкальский край) от 2 окт. 2023 г. по делу № 1-429/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/450tqQcKgaLu/?ysclid=lxctmm33w4530235726> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 18 дек. 2001 г. по делу № 1-18/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IdPEeJDXtEop/?ysclid=lxouuw5213582128> (дата обращения: 12.01.2024).

По мнению А. В. Варданяна, С. В. Унжаковой, С. П. Грибунова, в практической деятельности возникают, как правило, следующие следственные ситуации:

1. Лицо задержано при перевозке незаконно заготовленной древесины.

2. Лицо перерабатывало незаконно заготовленную древесину и хранило лесоматериалы.

3. Лицо хранило незаконно заготовленную древесину и лесоматериалы.

4. Лицо осуществило сбыт незаконно заготовленной древесины на пункт приема ее переработки и отгрузки [2, с. 158].

Тем не менее уже на стадии возбуждения уголовного дела по ст. 191¹ УК РФ собранными материалами предварительной проверки должна быть сформирована общая картина совершенного преступления, содержащая объективные сведения об элементах состава преступления.

Ситуация, возникшая на этапе предварительной проверки, является исходной при работе по закреплению факта выявленного преступления (работа с очевидцами, осмотр места происшествия с подробной фиксацией следовой обстановки, изъятие предмета преступного посягательства и средств совершения преступления, потенциальных вещественных доказательств, документов и т. д.). Данную ситуацию, складывающуюся на этом этапе, возможно соотносить с приведенными выше случаями, относящимися к первоначальному этапу расследования.

Как показывает практика, на этапе предварительной проверки могут сложиться «доследственные» ситуации, представляющие собой сочетание реальных условий и обстоятельств, при которых правоохранительные органы реагируют на выявленное преступление и осуществляют рассмотрение зарегистрированного материала проверки в целях принятия законного и обоснованного процессуального решения.

«Доследственные» ситуации могут быть классифицированы по обстоятельствам выявления преступления, о которых говорилось выше, а именно:

1. В ходе рейдовых мероприятий сотрудниками ГАИ:

– лицо задержано при перевозке заведомо для него незаконно заготовленной древесины и предъявляет на нее поддельные документы;

– лицо задержано при перевозке заведомо для него незаконно заготовленной древесины без каких-либо на нее документов;

– лицо задержано при перевозке древесины, законность происхождения которой вызывает сомнения (при проверке предъявляемых документов сведения о перевозке древесины отсутствуют в единой государственной автоматизированной информационной системе «Лес»

(далее – ЕГАИС «Лес»), федеральной государственной информационной системе лесного комплекса (далее – ФГИС ЛК) либо сведения, внесенные в информационные системы, не соответствуют действительности). При этом осведомленность задержанного лица о незаконности происхождения древесины на момент проверки достоверно не установлена;

– лицо, задержанное при перевозке древесины, не осведомлено о незаконности ее происхождения.

2. В ходе расследования уголовного дела о незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) или краже древесины (ст. 158 УК РФ):

– факт приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины выявлен в ходе допроса подозреваемых/обвиняемых по уголовному делу о незаконной рубке лесных насаждений или краже древесины, занимающих признательную позицию;

– факт приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины выявлен в ходе допроса свидетелей/представителя потерпевшего по уголовному делу о незаконной рубке лесных насаждений/краже древесины. При этом на лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 191¹ УК РФ, указывают допрошенные лица и иные материалы уголовного дела;

– факт приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины выявлен в ходе уголовного дела о незаконной рубке лесных насаждений/краже древесины. При этом из материалов дела достоверно не установлено лицо, совершившее данное преступление.

3. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий:

– зафиксированы действия конкретных лиц, совершивших приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины, при этом лица задержаны;

– зафиксированы действия конкретных лиц, совершивших приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт незаконно заготовленной древесины, при этом лица задержаны и не осведомлены о незаконности происхождения древесины, с которой ими совершались указанные противоправные действия;

– выявлен и зафиксирован факт незаконного хранения и/или переработки, перевозки древесины, законность происхождения которой вызывает сомнения (сведения о заготовке древесины отсутствуют в ЕГАИС «Лес», ФГИС ЛК либо отдельные сведения, внесенные в инфор-

мационные системы, не соответствуют действительности; по месту обнаружения древесины сомнительного происхождения лицо или представитель предприятия не может предоставить подтверждающие документы о происхождении древесины или предоставляет предположительно поддельные документы).

Названные ситуации специфичны, что обуславливает индивидуальный подход к подбору проверочных мероприятий для фиксации выявленного факта и установления данных, позволяющих следователю (дознавателю) определиться с наличием или отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ, либо иного состава преступления.

На этапе сбора материала проверки формируется основа для принятия обоснованного процессуального решения, а также последующего доказывания по возбужденному уголовному делу. На стадии возбуждения уголовного дела достаточно сделать лишь обоснованное предположение о наличии состава преступления, на стадии предварительного расследования уже формулируется и предъявляется обвинение. Именно поэтому определение предмета и пределов криминалистически значимой информации на стадии возбуждения уголовного дела – основная задача правоохранительных органов [7, с. 118–119]. С практической точки зрения на стадии возбуждения уголовного дела, как нам представляется, должна быть сформирована база доказательств, которая в последствии станет в том числе основой обвинения.

Предварительная проверка разрешает вопросы о предмете посягательства (древесине), о сложной объективной стороне преступления и способе его совершения, что требует привлечения к производству процессуальных и следственных действий работников сферы лесного хозяйства, представителей Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (в частности, Федеральное агентство лесного хозяйства), других узких специалистов. Вместе с тем уже на этапе процессуальной проверки важно установить и наличие умысла, а именно заведомой для потенциального подозреваемого незаконности заготовленной древесины, противоправные действия с которой были им совершены. Отсутствие доказательств об осведомленности лица о незаконном происхождении древесины не образует в его действиях состава преступления.

С учетом указанных обстоятельств правильный с точки зрения тактических и процессуальных алгоритмов подход к следственной проверке по рассматриваемым преступлениям позволяет исключить недоработки и ошибки при принятии процессуального решения по материалу проверки на этапе расследования уголовно-

го дела. Таким образом обеспечивается основное требование уголовно-процессуального законодательства, согласно которого постановления следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)⁴.

Слабый анализ следственной ситуации, сложившейся на момент регистрации сообщения о преступлении, ведущий к недостаточной полноте материала и ошибкам, приводит к упущению криминалистически значимой информации, утрате материальных следов преступления, в том числе цифрового следа, связанного с легализацией преступных доходов, взаиморасчетов соучастников преступления, а также информации и следов, свидетельствующих об их сокрытии, использовании коррупционных связей и др. Последствием является невыявление дополнительных эпизодов преступной деятельности, соисполнителей, пособников, организаторов и т. д.

Согласно исследованию, проведенному Ю. П. Гармаевым и О. В. Середой, в настоящее время правоохранительными органами выявляются в основном мелкие, единичные, одноэпизодные факты незаконных рубок, совершаемых гражданами или предпринимателями. Однако очевидно, что наиболее опасные посягательства в сфере лесопромышленного комплекса совершаются множественно, профессионально, организовано и с коррупционной составляющей [5, с. 137].

Следует сформулировать обобщенный алгоритм действий следователя (дознавателя), производящего предварительную проверку по рассматриваемым преступлениям, и выделить шесть блоков:

1. Фиксация следовой обстановки и первичных данных о выявленном факте.

Осмотр места происшествия (в зависимости от обстоятельств, при которых выявлено преступление: по месту задержания лица; по месту фактического нахождения незаконно заготовленной древесины; по месту ее заготовки (в том числе предполагаемому), переработки, отгрузки, хранения, сбыта, то есть по месту всех действий, предшествовавших выявлению факта). В рамках осмотров изъятию подлежат не только документация на бумажных носителях, но и мобильные устройства задержанных лиц и иная компьютерная техника. Кроме того, проводится опрос лиц, выявивших факт (сотрудники ГАИ, оперуполномоченные); опрос лиц, задержан-

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

ных с древесиной; опрос лиц по месту совершения всех предшествовавших выявлению факта действий с древесиной.

С тактической точки зрения важно учитывать возможную причастность иных лиц к совершенному преступлению, в связи с чем при подготовке к выезду на место происшествия следует установить, нет ли необходимости задействовать две и более следственно-оперативные группы для производства осмотров на нескольких объектах. Кроме того, перед началом фиксации следовой обстановки существует необходимость исключить для задержанного лица возможность уведомить посредством мобильной связи соучастников преступления, в том числе выяснить у должностных лиц, производивших задержание, какие пояснения давал задержанный, какие действия совершал, пользовался ли телефоном и пропал ли из вида.

Для фиксации следовой обстановки на месте происшествия и изъятия предмета посягательства (древесины), средств совершения преступления важно помнить, что при выборе тактических приемов производства осмотра места происшествия они должны обеспечивать предупреждение или преодоление препятствий, которые предполагаются или возникают при сборе доказательств на данном этапе [9, с. 57].

2. Получение объяснений от физических лиц и/или представителей юридических лиц, задействованных при выполнении объективной стороны преступления.

Данный блок предусматривает предварительное установление всей преступной схемы, возможных свидетелей и соучастников, фиксацию их первоначальных показаний в объяснениях. Не являясь доказательством, информация, содержащаяся в объяснении, обеспечивает дальнейшее направление работы по установлению факта преступления, иных лиц, причастных к преступной схеме, а равно дает информационную основу для определения необходимости последующего выявления связи и взаиморасчетов между соучастниками; планирования последующих допросов.

3. Получение объяснений от лиц, являющихся специалистами в области лесного хозяйства, ботаники и т. д., направление запросов с целью определения характеристик предмета преступления, размера причиненного ущерба; назначение судебных экспертиз (например, товароведческой, ботанической, технико-криминалистической экспертизы документов, компьютерной и др.).

В рамках этого блока устанавливается, является ли изъятая в ходе осмотра места происшествия древесина предметом преступного посягательства, а именно:

– что представляет из себя изъятая древесина (породный состав, объем, вид (сортимент, хлысты, чураки) и их диаметры; количество (поштучно по каждой породе) и объем; качественное состояние древесины);

– является ли она незаконно заготовленной (имеются ли подлинные документы, подтверждающие легальность заготовки древесины, устанавливается законность произведенной рубки лесных насаждений, если обнаружено место предполагаемой рубки);

– каков размер причиненного ущерба и является ли он крупным – превышает 80 тыс. руб. или особо крупным – превышает 230 тыс. руб.⁵

Следует обратить внимание, что следователь (дознатель), производящий проверку по материалу, руководствуется требованиями законодательства, действовавшими на момент совершения преступления и в связи с этим необходимо избегать ошибок в расчетах причиненного ущерба.

Решение задачи по установлению характеристик предмета посягательства и размера причиненного ущерба достигается посредством получения подробных объяснений от специалистов, привлечения их к осмотрам места происшествия, осмотрам изъятых древесины; опросов работников предприятий, являвшихся участниками преступления; истребования расчета-обоснования о размере причиненного ущерба; назначения судебных экспертиз. Это необходимо для исключения последующих сомнений о правильно определенных размерах причиненного ущерба и характеристиках древесины при возбуждении уголовного дела со стороны прокуратуры, защиты и на стадии судебного разбирательства.

Приоритетным на этапе предварительной проверки является именно производство судебных экспертиз, поскольку заключение эксперта будет подтверждать принятое должностным лицом процессуальное решение, а при возбуждении уголовного дела в последующем рассматриваться как полноценное доказательство, так как судебная экспертиза – наиболее эффективный источник доказательств в особенности по рассматриваемым преступлениям [1, с. 62–63].

В частности, по данным преступлениям назначаются судебно-ботанические экспертизы с применением методов дендрохронологии, при производстве которых устанавливаются год и сезон рубки, жизненное состояние деревьев на момент рубки, определяется принадлежность частей ствола одного дерева целому древесному стволу при анализе порубочных остатков и изъятых стволов деревьев, их групповая

⁵ См.: Примечание к ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.

принадлежность, идентифицируется место произрастания [3, с. 48].

4. Получение объяснений (в том числе истребование информации по запросам) от представителей юридических лиц, государственных предприятий, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, являвшихся сторонами операций с древесиной, а также осуществления незаконной рубки лесных насаждений или кражи древесины).

Работа в указанном направлении ведется с целью установления полной картины преступной схемы, соучастников, неустановленных связей, способов сокрытия совершенного преступления, а также дополнительных эпизодов, поиска ключевых свидетелей и документации, имеющей значение для доказывания. Применение на данном этапе тактических приемов, дозированное изложение известной следствию информации позволят следователю (дознавателю) проанализировать последующие поведение и действия указанных лиц и выявить среди опрошенных лиц соучастников преступления, спланировать допросы.

5. Получение результатов оперативно-розыскной деятельности по зарегистрированному факту (при наличии).

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут предоставляться в материал как предварительной проверки, так и уголовного дела (в обоих случаях с соблюдением требований соответствующей Инструкции, утвержденной Приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776).

С тактической точки зрения применительно к рассматриваемому составу преступления целесообразно предоставлять результаты оперативно-розыскной деятельности уже на этапе предварительной проверки, если они подтверждают, в чем именно заключалась объективная сторона преступления; что задержанному лицу/лицам было известно; что древесина, с которой они совершали противоправные действия, незаконно заготовлена; а также если задокументировано место незаконной рубки, откуда была вывезена незаконно заготовленная древесина. Это обусловлено тем, что наличие состава преступления должно быть очевидным на момент принятия процессуального решения. Кроме того, результаты оперативно-розыскной деятельности должны стать неотъемлемой частью собранного материала проверки, соответственно, и оценка полноты и достаточности материала будет дана с их учетом. Это позволит еще до возбуждения уголовного дела установить, насколько результаты оперативно-розыскной деятельности относятся к событию преступления и несут ли доказательственное значение. В ином случае при позднем их

предоставлении на этапе расследования могут быть выявлены серьезные ошибки, которые приведут к признанию этих доказательств недопустимыми либо к выводу о том, что предоставленные результаты оперативно-розыскной деятельности не содержат значимой для доказывания информации.

6. Анализ собранного материала проверки и принятие процессуального решения заключается в обобщении и изучении собранного материала; анализе качества, полноты, всесторонности проведенной проверки и формулировании ответов на следующие вопросы:

— имеется ли в действиях конкретного лица (или неустановленного лица) состав преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ? Чем это подтверждается (уголовно-правовая и криминалистическая характеристика)?

— есть ли состав иного преступления или административного правонарушения? Чем это подтверждается?

— истребованы ли все ответы на направленные запросы? Все ли заключения экспертов поступили? Все ли лица опрошены?

— все ли следственные и процессуальные действия проведены?

— на территории ли оперативного обслуживания подразделения совершено преступление?

— какое процессуальное решение необходимо принять?

— какие первичные версии относительно события преступления возможно выдвинуть исходя из результатов проверки?

Результатом изучения материала проверки и его анализа является принятие процессуального решения, заключающегося в процессуальной деятельности следователя/дознавателя по вынесению постановления о возбуждении уголовного дела либо постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо постановления о передаче сообщения по территориальности (или подследственности). При этом правильность принимаемого решения, на наш взгляд, зависит от того, насколько качественно дана квалификация и криминалистическая характеристика события, соотнесены и интерпретированы различные комбинации элементов этой характеристики, результатов опросов, осмотров мест происшествия, полученных ответов на запросы, заключений экспертов.

В рамках проведенного исследования получены следующие результаты:

1. Сформулировано понятие «доследственная ситуация» — сочетание реальных условий и обстоятельств, при которых правоохранительные органы реагируют на выявленное преступление и осуществляют рассмотрение зарегистрированного материала проверки в целях

принятия законного и обоснованного процессуального решения.

2. Определены типичные «доследственные» ситуации, складывающиеся в зависимости от обстоятельств выявления рассматриваемых преступлений:

– ситуации, складывающиеся в ходе рейдовых мероприятий сотрудниками ГАИ;

– ситуации, складывающиеся в ходе расследования уголовного дела о незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) или краже древесины (ст. 158 УК РФ);

– ситуации, складывающиеся в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

3. Полнота и качество материала проверки о зарегистрированном преступлении зависят от обстоятельств выявления преступления, предусмотренного ст. 191¹ УК РФ, и сложившейся «доследственной» ситуации, поскольку приобретению, хранению, перевозке, переработке в целях сбыта или сбыту заведомо незаконно заготовленной древесины всегда предшествует ее получение лицом, совершившим рассматриваемое преступление и осведомленным о незаконной природе происхождения древесины. Таким образом, природа происхождения древесины, изъятый в рамках проверки по материалу по ст. 191¹ УК РФ, относится к числу обязательных обстоятельств, подлежащих установлению.

4. Результаты производимых до возбуждения уголовного дела процессуальных и следственных действий должны формировать подлежащие установлению обстоятельства пре-

ступления и вместе с тем соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам.

В целях реализации такого подхода предложен обобщенный алгоритм действий следователя (дознателя), производящего предварительную проверку по рассматриваемым преступлениям, состоящий из шести блоков: фиксация следовой обстановки и первичных данных о выявленном факте; получение объяснений от физических лиц и/или представителей юридических лиц, задействованных при выполнении объективной стороны преступления; получение объяснений от лиц, являющихся специалистами в области лесного хозяйства, ботаники и т. д., направление запросов с целью определения характеристик предмета преступления, размера причиненного ущерба; назначение судебных экспертиз; получение объяснений (в том числе истребование информации по запросам) от представителей юридических лиц, государственных предприятий, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, являвшихся сторонами операций с древесиной, а также осуществления незаконной рубки лесных насаждений или кражи древесины; получение результатов оперативно-розыскной деятельности по зарегистрированному факту (при наличии); анализ собранного материала проверки и принятие процессуального решения.

Список литературы:

1. Аминев Ф. Г. Об особенностях проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, связанных с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой в целях сбыта или сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины (статья 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юрист-Правовед. 2018. № 2 (85). С. 60–65.
2. Варданян А. В., Унжакова С. В., Грибунцов С. П. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 155–160.
3. Воронин В. И., Жаворонков Ю. М., Унжакова С. В. и др. Актуальные проблемы назначения и производства судебно-ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии, экологической экспертизы и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3 (23). С. 44–62.

References:

1. Aminev F. G. About the features of carrying out the particular investigative actions during the investigation of crimes related to acquisition, storage, transportation, processing for sale or sale of deliberately illegally stored wood (article 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Jurist-Pravoved. 2018. № 2 (85). P. 60–65.
2. Vardanyan A. V., Unzhakova S. V., Gribunov S. P. Inquisitional situations of the primary stage of investigation of crimes on the article 191.1 of Criminal Code of Russian Federation // Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia. 2018. № 3 (86). P. 155–160.
3. Voronin V. I., Zhavoronkov Yu. M., Unzhakova S. V. i dr. Aktual'nye problemy naznacheniya i proizvodstva sudebno-botanicheskoy ekspertizy s primeneniem metodov dendrohronologii, ekologicheskoy ekspertizy i puti ih resheniya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 3 (23). S. 44–62.
4. Galushkin V. I., Stepanov V. V. The problems of application the verificational methods of crime reports and the ways of its improvement //

4. *Галушкин В. И., Степанов В. В.* Проблемы методов проверки сообщения о преступлении и направления их совершенствования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2 (115). С. 181–189.
5. *Гармаев Ю. П., Серeda О. В.* Понятие и признаки преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Аграрное и земельное право. 2022. № 9 (213). С. 134–138.
6. *Конин А. В., Шемайтите Я. А.* Алгоритм проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела как составная часть криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней: криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина : сб. науч. ст. по материалам V Междунар. науч.-практ. круг. стола. СПб., 2021. С. 113–118.
7. *Конин В. В., Марьина Е. В.* Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 116–130.
8. *Косых В. А.* Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 240 с.
9. *Кузьмин С. В.* Тактические приемы осмотра места происшествия. Часть 1 // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 53–59.
10. *Лавров В. П.* Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 111–114.
- Saratov State Law Academy Bulletin. 2017. № 2 (115). P. 181–189.
5. *Garmaev Yu. P., Sereda O. V.* The concept and signs of crimes in the timber industry // Agrarian and land law. 2022. № 9 (213). P. 134–138.
6. *Konin A. V., Shemajtite Ya. A.* Algoritm proverochnyh dejstvij na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela kak sostavnaya chast' kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij // Kriminalistika ot Gansa Grossa do nashih dnei: kriminalisticheskie aspekty realizacii konstitucionnyh prav i garantij cheloveka i grazhdanina : sb. nauch. st. po materialam V Mezhdunar. nauch.-prakt. krug. stola. SPb., 2021. S. 113–118.
7. *Konin V. V., Mar'ina E. V.* Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie predvaritel'noj proverki zayavlenij i soobshchenij v ramkah stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 2 (14). S. 116–130.
8. *Kosykh V. A.* Nezakonnyj oborot lesa i lesomaterialov v Rossijskoj Federacii: sushchnost', determinaciya, problemy protivodejstviya : dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2023. 240 s.
9. *Kuz'min S. V.* The tactics of incident site examination. Part 1 // The Criminalist. 2022. № 1 (38). P. 53–59.
10. *Lavrov V. P.* Practical Law Enforcement in Present-Day Russia: Problems in Carrying Out First-Response Checks on Crime Reports // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2017. № 4 (44). P. 111–114.

Для цитирования:

Косых Валерия Александровна. Особенности выявления и фиксации криминалистически значимой информации о преступлениях, предусмотренных ст. 191¹ Уголовного кодекса Российской Федерации на этапе предварительной проверки // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 60–69.

For citation:

Kosykh Valeriya Aleksandrovna. Features of Identifying and Recording Forensically Significant Information about the Crimes under Art. 191¹ of the Criminal Code of the Russian Federation at the Stage of Preliminary Verification // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 60–69.

Красильников Алексей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: krass-al@yandex.ru

Салеева Юлия Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: viva13@bk.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-70-81

Дата поступления статьи: 6 февраля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Процессуальный и ведомственный контроль за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого: теория и практика организации в органах предварительного следствия в системе МВД России

Procedural and Departmental Control over the Legality of Making Procedural Decisions Entailing the Rehabilitation of a Suspect (Accused), Defendant: Theory and Practice of Organization in the Bodies of Preliminary Investigation in the System of the Ministry of the Interior of Russia

Аннотация

Актуальность разработки теоретических и практических проблем организации в органах предварительного следствия в системе МВД России процессуального и ведомственного контроля за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого,

Aleksej Vladimirovich Krasil'nikov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: krass-al@yandex.ru

Yuliya Evgen'evna Saleeva,
Candidate of Law,
Deputy Head of the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: viva13@bk.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

The relevance of developing theoretical and practical problems of organizing procedural and departmental control over the legality of making procedural decisions involving the rehabilitation of a suspect (accused), defendant in the bodies of preliminary investigation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is due to the

обусловлена неудовлетворительным качеством данного направления управленческой деятельности, что отмечается в научных исследованиях и в аналитических материалах Следственного департамента МВД России, а также отсутствием в теории уголовного процесса консолидированного подхода к определению сущности и содержания механизма возмещения вреда реабилитированным участникам судопроизводства.

Постановка проблемы: незаконное и необоснованное уголовное преследование свидетельствует о существенном нарушении прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. Любое нарушение требований уголовно-процессуального законодательства не должно оставаться вне поля зрения соответствующих видов и форм управленческих воздействий руководителей (начальников) органов предварительного следствия. Роль и значение процессуального и ведомственного контроля в данном вопросе сложно переоценить. С точки зрения организации рассматриваемого уровня процессуального и ведомственного контроля, объектом которого выступает следственное подразделение в целом, его предметом будут выступать количественные и качественные показатели деятельности данного подразделения, отражающие общее состояние законности уголовного преследования. К нормативным требованиям, используемым для оценки законности деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России, относятся нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24, 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и связанные с ними положения гл. 18 указанного кодекса, а также требования ряда подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы учета преступлений, оценки деятельности территориальных органов МВД России и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России. Положения указанных нормативных правовых актов слабо соотносятся с современными теоретическими подходами к определению сущности и содержания механизма реабилитации. Кроме того, анализ оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России выявил и ряд серьезных и, самое главное, типичных проблем в рассматриваемой сфере управленческой деятельности: незаконное и необоснованное возбуждение уголовных дел, нарушение процессуального порядка произ-

unsatisfactory quality of this area of management activity, which is noted both in scientific research and in analytical materials of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as the absence in the theory of criminal procedure of a consolidated approach to determining the essence and content of the mechanism of compensation for harm to rehabilitated participants in the proceedings.

Problem statement: illegal and unjustified criminal prosecution indicates a significant violation of the rights, freedoms and legitimate interests of participants in the criminal process. Any violation of the requirements of the criminal procedure legislation should not remain outside the field of view of the relevant types and forms of managerial influences of the heads (chiefs) of the preliminary investigation bodies. It is difficult to overestimate the role and importance of procedural and departmental control in this matter. From the point of view of the organization of the considered level of procedural and departmental control, the object of which is the investigative unit as a whole, its subject will be quantitative and qualitative indicators of the activity of this unit, reflecting the general state of legality of criminal prosecution. The regulatory requirements used to assess the legality of the activities of the preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia include the norms of criminal procedure legislation regulating the grounds for refusal to initiate criminal proceedings or termination of criminal proceedings and criminal prosecution (Art. 24, 27 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and related provisions of chap. 18 of the said Code, as well as the requirements of a number of subordinate regulatory legal acts regulating the accounting of crimes, evaluating the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and evaluating the effectiveness of the activities of the preliminary investigation bodies of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The provisions of these normative legal acts are poorly correlated with modern theoretical approaches to determining the essence and content of the rehabilitation mechanism. In addition, an analysis of the operational and official activities of the preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia revealed a number of serious and, most importantly, typical problems in the field of management activity under consideration: illegal and unjustified initiation of criminal cases, violation of the procedural procedure for investigative and other procedural actions, including the election of procedural coercion measures, etc. There are also shortcomings in the organization of departmental control by officials of control and

водства следственных и иных процессуальных действий, в том числе избрания мер процессуального принуждения, и т. п. Отмечаются и недостатки организации ведомственного контроля со стороны должностных лиц контрольно-методических и организационно-зональных подразделений аппаратов главных следственных управлений (следственных управлений), выражающиеся в нарушениях при проведении служебных проверок и отсутствии принципиальной оценки сотрудников, допустивших нарушения, а также требований нормативных правовых актов при составлении государственной статистической отчетности.

Цель исследования: теоретически осмыслить правовую природу обязанности государства возместить вред, причиненный участнику судопроизводства, подвергнутому уголовному преследованию, в случае принятия в отношении его реабилитирующих решений и на этой основе предложить систему мер организационно-управленческого характера, позволяющих обеспечить законность деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России.

Методы исследования: диалектический метод познания применялся для осмысления понятий «управление», «функции управления», «контроль», «законность» и «реабилитация»; метод анализа использовался при исследовании отдельных элементов института процессуального и ведомственного контроля; синтез – при формулировании обобщенных выводов о сущности явлений и процессов, составляющих предмет работы.

Результаты и ключевые выводы: допуская субсидиарную ответственность уголовно-процессуальной системы по материально-правовому основанию применительно к итоговому решению – установление отношения уголовной ответственности и признание лица виновным, следует применять данный принцип при определении ответственности должностных лиц с учетом промежуточных решений – заявление и разрешение судом ходатайства об избрании меры процессуального принуждения, поддержанного в установленных законом случаях руководителем следственного органа либо прокурором, направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, актом (постановлением) и т. д. Юридическая ответственность (в смысле обязанности возмещения вреда) должна распространяться не только на лицо, в чьем производстве находилось уголовное дело на досудебном этапе, но и на должностных лиц, осуществляющих надзор за законностью процессуальной деятельности, и суд.

Контроль, в том числе процессуальный и ведомственный, за законностью деятель-

methodological and organizational zonal divisions of the main investigative departments (investigative departments) apparatuses, expressed in violations during official inspections and the lack of a principled assessment of employees who committed violations; violation of the requirements of regulatory legal acts when compiling state statistical reports.

The purpose of the study is to theoretically comprehend the legal nature of the state's obligation to compensate for the harm caused to a participant in the proceedings subjected to criminal prosecution in the event of rehabilitating decisions being taken against him, and on this basis to propose a system of organizational and managerial measures that ensure the legality of the activities of the preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Research methods: the dialectical method of cognition was used to comprehend the concepts of "management", "management functions", "control", "legality" and "rehabilitation"; the method of analysis was used in the study of individual elements of the institute of procedural and departmental control; synthesis was used in the formulation of generalized conclusions about the essence of phenomena and processes that make up the subject of the work.

Results and key conclusions: assuming subsidiary liability of the criminal procedure system on a substantive basis in relation to the final decision – establishing a criminal liability relationship and finding a person guilty, this principle should be applied when determining the responsibility of officials in relation to interim decisions – the application and resolution by the court of a petition for the election of a measure of procedural coercion, supported in cases established by law by the head of the investigative body or the prosecutor, the referral of a criminal case to the court with an indictment, an act (resolution), etc. Legal liability, including in the sense of the obligation to compensate for harm, should extend not only to the person in whose proceedings there was a criminal case at the pre-trial stage, but also against officials overseeing the legality of procedural activities and the court.

Control, including procedural and departmental, over the legality of the activities of the preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia can and should be considered as a positive phenomenon of social life. If "negative" control is limited only to detecting deviations from the set parameters and to the requirement to correct them, then "positively organized" control should be aimed at preventing negative consequences and preventing them, and, therefore, socially it seems more useful.

ности органов предварительного расследования в системе МВД России может и должен рассматриваться как позитивное явление социальной жизни. Если «негативный» контроль сводится лишь к обнаружению отклонений от заданных параметров и к требованию их исправить, то «позитивно организованный» контроль должен быть направлен на предупреждение негативных последствий и их предотвращение, а, следовательно, в социальном плане представляется более полезным.

Ключевые слова: органы предварительного следствия; процессуальный контроль; ведомственный контроль; законность; реабилитация.

Keywords: preliminary investigation bodies; procedural control; departmental control; legality; rehabilitation.

Современный этап развития науки характеризуется активным использованием комплексного подхода к определению круга закономерностей, подлежащих исследованию в рамках конкретной работы. Примером, со всей очевидностью отражающим данный тезис, может служить нормативное закрепление Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации новой номенклатуры «укрупненных» научных специальностей, позволяющей, по мнению разработчиков, оптимизировать систему однородных исследовательских процессов в самых разных отраслях жизнедеятельности общества. Не является исключением в данных тенденциях юридическая наука в целом и комплекс уголовно-правовых наук в частности. Вполне традиционной является, например, практика исследования проблем, возникающих в сфере уголовно-процессуальных отношений, «сквозь призму» принципов судостройства и базовых положений теории управления. Такой подход, кстати сказать, не является чем-то принципиально новым. Так, классический труд В. К. Случевского «Учебник русского уголовного процесса» еще в 1913 г. был представлен в двух частях: «Судостройство», в которой рассматривались в основном вопросы организации судебной системы того времени, и «Судопроизводство», посвященной непосредственно уголовному процессу [11]. Полагаем, что и теоретическая разработка проблем, связанных с организацией в органах предварительного следствия в системе МВД России процессуального и ведомственного контроля за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого, оставаясь в пределах объекта познавательной деятельности, должна базироваться на комплексном исследовании общих вопросов управления социальными системами, места и роли

контроля в системе функций управления, критериев классификации видов контроля, уголовно-процессуального института реабилитации и положений ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих организацию деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России.

Изложенное предопределяет необходимость обратиться к некоторым общим вопросам теоретического и нормативно-правового характера, позволяющим, на наш взгляд, глубже познать специфику проблем, связанных с организацией контроля за законностью уголовного преследования в органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

Итак, совершенно очевидным представляется, что в силу требований Конституции Российской Федерации¹ сама цель, характер и содержание деятельности органов государственной власти определяются непосредственно действующими правами и свободами человека. Особое значение в этом контексте приобретает деятельность органов государственной власти, связанная с охраной и защитой прав и свобод от преступных посягательств. Указанная функция обуславливает постановку специфических задач уголовно-правового блока законодательства, создание эффективных механизмов их решения. Для решения указанных задач, помимо прочего, государством установлены основание и принципы уголовной ответственности, определены признаки, позволяющие отграничить преступления от иных общественно опасных деяний, закреплен исчерпывающий перечень преступлений, установлены виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2024).

за их совершение. Однако практическая реализация данных положений возможна только в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, в законодательно закрепленных формах и с использованием специфических процессуальных средств познавательной деятельности.

В сфере внутренних дел государства обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан и противодействие преступности возложено на МВД России. Решая данную задачу, руководствуясь в своей деятельности Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, МВД России, в числе прочих, осуществляет полномочия по организации и производству предварительного следствия².

Самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВД России, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции правоприменительные полномочия в сфере расследования преступлений, отнесенных к подсудственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации, а также исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве является Следственный департамент МВД России. Таким образом, Следственный департамент МВД России³ призван выполнять функции головного подразделения в системе Министерства по организации расследования преступлений и осуществлять в пределах своих полномочий контроль за законностью решений и действий следователей органов внутренних дел. В территориальных и линейных органах МВД России создаются самостоятельные органы предварительного следствия⁴.

Очевидно, что система предварительного следствия представляет собой достаточно сложную многоуровневую и разнонаправленную инфраструктуру, включающую материальные (вещные), правовые (идеологические) и кадровые (людские) компоненты. Упорядочить структурные связи данных компонентов, обеспечить устойчивость этих связей и одновременно их гибкость — возможность адекватно реагировать на изменение внешних и внутрисистемных условий функционирования — представляется возможным только через целенаправленное воздействие на сознание, поведе-

ние и деятельность людей — управление органами предварительного следствия [2, с. 6–25]. В качестве имманентных признаков управления органами предварительного следствия обычно выделяют его системность, целенаправленность, непрерывность и плановость; подчиненность определенным, как правило, нормативно закрепленным алгоритмам; нормативную определенность форм воздействия (процессуальные и непроцессуальные); сложность субъектов управления, в качестве которых могут выступать как сами руководители (начальники), так и должностные лица аппаратов управления; сложность объектов управления (персонафицированные (должностные лица) и коллективных (следственные подразделения)); специфику предмета воздействия — отдельные, как правило, нормативно закрепленные характеристики (количественные и качественные показатели) оперативно-служебной деятельности следственных подразделений (процессуальная и непроцессуальная) и др. В свою очередь, содержанием процесса управления является управленческая деятельность, под которой в органах предварительного следствия системы МВД России понимается система процессуальных и непроцессуальных действий и решений специальных субъектов, содержанием которой является воздействие на находящихся в подчинении должностных лиц и подразделений [7, с. 51]. В силу разнонаправленности управленческого воздействия достижение намеченной цели и успешное решение поставленных перед системой (в нашем случае перед системой органов предварительного следствия) задач предполагает системный подход к реализации относительно самостоятельных направлений (частей) управленческой деятельности, характеризующихся собственными специфическими целями, задачами, содержанием, субъектами и формами — функциями управления. Полагаем, что дискуссия по вопросу содержания системы управленческих функций до настоящего времени себя не исчерпала, однако в рамках предмета настоящей статьи ее развитие представляется излишним. Позволим себе руководствоваться вполне устоявшейся на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России позицией, согласно которой к функциям управления относятся информационная, аналитическая, прогностическая, функция планирования, организационная, контрольная, корректировочная, учетно-отчетная, оценочная и функция оказания практической и методической помощи [7, с. 31–49].

Очевидно, что предварительное расследование в целом и уголовное преследование в частности, как правило, протекают в условиях вы-

² Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 21 дек. 2016 г. № 699 : в ред. от 17 июля 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 06.02.2024).

³ Об утверждении Положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780.

⁴ См.: Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1.

раженного дефицита исходной и оперативной⁵ информации, ограниченности сроков и ресурсов при необходимости производства значительного объема мероприятий. Данные условия объективно порождают обстоятельства, характеризующиеся в теории управления как «неопределенность», и связанные с этим риски. Применительно к теме настоящего исследования обстоятельства неопределенности можно условно подразделить на неопределенность внешней среды, например, изменения законодательства, организационно-штатного построения органов предварительного следствия и т. д.; неопределенность, обусловленная деятельностью иных участников совместной оперативно-служебной деятельности (взаимодействия), например, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; неопределенность, связанная с деятельностью субъектов, непосредственно осуществляющих производство по уголовному делу (следователи и руководители следственных органов). И если первые два вида – объективные и достаточно сложно поддаются предвидению и тем более корректировке, то третий во многом субъективный вид обстоятельств (факторов) неопределенности может и должен являться предметом постоянного внимания с точки зрения прогнозирования, мониторинга и оценки субъекта управления. Несколько пессимистично, но очень точно обстоятельства неопределенности сформулировал в своих так называемых «законах» Э. Мерфи – «если какая-нибудь неприятность может произойти, она случится» [5, с. 7]. Именно в связи с этим особое значение в системе управленческих функций приобретает контроль, под которым в теории управления понимается сбор и обработка информации о развитии управляемого объекта, сопоставление параметров его развития с заранее заданными параметрами, выявление отклонений, анализ причин, вызвавших отклонения, их оценка и принятие решения о корректирующем воздействии.

В самом общем виде алгоритм осуществления контроля может быть представлен следующим образом: установление показателей и критериев их оценки; сбор, обработка и анализ информации о фактическом положении дел; сравнение полученных данных с запланированными показателями; выявление отклонений и анализ их причин; разработка системы корректирующего воздействия (управленческих решений). С точки зрения обеспечения эффективности управленческого воздействия важно учитывать, что представленный общий алгоритм может и должен конкретизироваться в непосредствен-

ных задачах, содержании мероприятий и результатах управленческой деятельности в зависимости от целого ряда факторов (оснований), обуславливающих выбор того или иного вида контроля. Например, исходя из характеристики субъекта управления (единоличный/коллективный); характера связей субъект-объект (внутренний/внешний); направленности воздействия (линейный/функциональный/операционный); специфики метода контроля (предварительный/текущий/последующий) и т. д. Еще раз обратим внимание, что существенной особенностью управления органами предварительного следствия, в частности контроля за их деятельностью, является то, что она осуществляется в рамках уголовно-процессуальных отношений и основывается на уголовно-процессуальных принципах, одним из которых значится принцип процессуальной самостоятельности лица, осуществляющего расследование. Данное обстоятельство определяет ряд требований к осуществлению контроля за деятельностью органов предварительного следствия, в том числе в системе МВД России. Эти требования относятся и к субъектам контроля, и к его форме, и к системе соответствующих средств его осуществления. Учитывая, что центральное место в данной системе занимают полномочия субъекта управления, мы постараемся в своем исследовании отталкиваться именно от специфики контрольных компетенций специально уполномоченных субъектов управления органами предварительного следствия в системе МВД России, реализация которых дает им возможность осуществлять в официально установленных рамках проверку объектов управления, требовать от них предоставления необходимой информации, осуществлять ее анализ и на этой основе выработать при необходимости меры по приведению деятельности к заданным параметрам. В связи с этим обратим внимание на классификацию полномочий руководителя следственного органа, разработанную авторским коллективом кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России и Следственного департамента МВД России под руководством профессоров Б. Я. Гаврилова и А. В. Победкина.

К первой группе полномочий в данной классификации относятся полномочия по процессуальному руководству расследованием, в рамках которых выделяются подгруппа полномочий по выявлению нарушений и недостатков в процессуальной деятельности следователя; полномочия по устранению выявленных нарушений и недостатков.

Вторая группа охватывает полномочия по административно-организационному руководству деятельностью подразделения – это

⁵ В данном контексте под «оперативной» понимается информация, необходимая для решения конкретной задачи и используемая в определенный период времени.

полномочия административного руководителя, предусмотренные ведомственными нормативными правовыми актами [3, с. 55]. Только грамотное комплексное и что важно соответствующее актуальному в определенный момент времени виду контроля применение указанных средств (полномочий) позволит достичь целей уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России.

Обращаясь к непосредственному предмету статьи, подчеркнем, что современное уголовно-процессуальное право в качестве назначения уголовного судопроизводства определяет, в том числе защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Необходимость теоретической разработки и разрешения в законе вопроса о возмещении ущерба, причиненного необоснованным привлечением в качестве обвиняемого либо осуждением, отмечалась в научной юридической литературе достаточно давно [1, с. 125; 6, с. 57–63; 8; 10, с. 11–16; 14; 15]. Например, основания для постановки вопроса о специфике расширительного толкования ответственности должностных лиц – властных участников уголовного судопроизводства за его ход и результат усматривали М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин [13, с. 170]. В современных же условиях, пишет Л. В. Головкин, классический подход, основанный на принципе «государство не может делать зла» и отсутствии какой-либо правовой ответственности государства перед конкретными участниками уголовного судопроизводства, пострадавшими от дисфункций уголовной юстиции, в современных условиях перестал рассматриваться как удовлетворительный. В новом подходе речь идет не только о солидарной ответственности государства за то, что оно не выполнило своих обязанностей по воспитанию добропорядочного гражданина и формированию у него адекватного правосознания, не обеспечило должный уровень общественной безопасности, превенцию преступных деяний и их эффективное расследование и правосудие, но и «о подлинной юридической ответственности государства за свое уголовное судопроизводство перед теми его участниками, которые защищаются от уголовного преследования

со стороны государства» [4, с. 378, 384]. В уголовно-процессуальном смысле такая юридическая ответственность государства, как реабилитация, в соответствии с пп. 34, 35 ст. 5 УПК РФ определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда, а реабилитированным является лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Процессуальному порядку реабилитации в уголовном судопроизводстве посвящена гл. 18 УПК РФ, в которой закреплены основания возникновения права на реабилитацию, порядок признания данного права и возмещения вреда физическим и юридическим лицам, порядок восстановления иных прав реабилитированных лиц и обжалования решений о производстве выплат.

Очевидным представляется, что незаконное и необоснованное уголовное преследование само по себе свидетельствует о существенном нарушении прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса. Любое нарушение требований уголовно-процессуального законодательства не должно оставаться вне поля зрения соответствующих видов и форм управленческих воздействий руководителей (начальников) органов предварительного следствия. Роль и значение процессуального и ведомственного контроля в данном вопросе сложно переоценить.

Как было уже отмечено, алгоритмы контроля как функции управления, прежде всего, включают в себя установление определенных нормативов, требований, оценочных показателей, которые и подвергаются мониторингу со стороны субъекта управления. С точки зрения организации процессуального и ведомственного контроля за законностью уголовного преследования в органах предварительного следствия в системе МВД России к таким нормативным требованиям относятся нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24, 27 УПК РФ) и связанные с ними положения гл. 18 УПК РФ, а также нормы ряда подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы учета преступлений⁶, оценки деятельности территориальных органов МВД России⁷ и оценки эффективности

⁶ О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39/№ 1070/№ 1021/№ 253/№ 780/№ 353/№ 399.

⁷ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ

деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России⁸.

Заметим, что нормативное разграничение так называемых «нерабилитирующих» и «реабилитирующих» оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) реализовано именно на ведомственном уровне. Так, к нерабилитирующим основаниям относятся, например, прекращение производства по делу в связи с истечением сроков давности; примирением сторон публичного процесса между собой, решением об амнистии и др. Такого рода основания не являются свидетельством нарушения законности уголовного преследования и не влекут негативных последствий для должностных лиц, в чьем производстве находилось уголовное дело. Однако, например, если было установлено, что в деянии, по поводу которого расследовалось уголовное дело, отсутствовал состав преступления либо само событие отсутствовало в реальности, то такого рода основания для прекращения производства или постановления оправдательного приговора относятся к реабилитирующим⁹, а сама процессуальная деятельность, по логике ведомственного законодателя, не имела материального основания и поэтому должна считаться незаконной¹⁰.

Необходимо отметить, что процессуальный и ведомственный контроль может осуществляться на различном уровне (районный, региональный и федеральный) и, соответственно, различными субъектами (руководители следственных органов, должностные лица аппаратов управления), а также в отношении различных объектов (следователи, следственные подразделения в целом). Так, на региональном уровне основными субъектами контроля выступают руководитель (начальник) органа предварительного следствия и уполномоченные должностные лица контрольно-методических и организационно-зональных подразделений аппаратов главных следственных управлений (следственных управлений).

С точки зрения организации рассматриваемого уровня процессуального и ведомственного контроля, объектом которого выступает следственное подразделение в целом, его предметом будут выступать количественные и качествен-

ные показатели деятельности данного подразделения, отражающие общее состояние законности уголовного преследования¹¹.

Самостоятельным предметом ведомственного контроля на региональном и федеральном уровнях является состояние управленческой деятельности в следственном подразделении. Основными показателями, требующими постоянного мониторинга в ходе осуществления ведомственного контроля, являются: организация взаимодействия; государственная статистическая отчетность; меры реагирования на выявленные нарушения законности; методическое обеспечение управленческой деятельности.

В связи с этим отметим, что Следственным департаментом МВД России на регулярной и планомерной основе проводятся системные мероприятия с целью оказания управленческого воздействия на подчиненные подразделения и должностных лиц в части обеспечения законности предварительного следствия. Только в 2021–2022 гг. Следственным департаментом МВД России подготовлено шесть указаний и обзоров (№ 17/2-11709 от 31 марта 2021 г.; № 17/2-21011 от 4 июня 2021 г.; № 17/2-7575 от 3 сентября 2021 г.; № 17/2-43299 от 30 октября 2021 г.; № 17/2-3703 от 7 февраля 2022 г.; № 17/2-1560 от 31 марта 2021 г.) о состоянии законности и мерах по ее укреплению. Вопросы обеспечения законности предварительного расследования неоднократно обсуждались на оперативных совещаниях при заместителе Министра внутренних дел Российской Федерации – начальнике Следственного департамента МВД России. В результате реализации выработанных мероприятий отмечается некоторое сокращение числа реабилитирующих решений, принятых на стадии предварительного расследования. Так, в 2022 г. количество реабилитированных в ходе предварительного следствия лиц сократилось на 27,8 % (с 504 до 372 чел.), число лиц, незаконно содержащихся под стражей – на 29,7 % (со 101 до 71 чел.)¹².

Вместе с тем анализ оперативно-служебной деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России выявил и ряд серьезных и, самое главное, типичных проблем в рассматриваемой сфере управленческой деятельности. К ним можно отнести незаконное и необоснованное возбуждение уголовных дел; нарушение процессуального порядка производства следственных и иных процессуальных дей-

МВД России от 31 дек. 2013 г. № 1040.

⁸ Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России : распоряжение МВД России от 19 июля 2021 г. № 1/8120.

⁹ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39/№ 1070/№ 1021/№ 253/№ 780/№ 353/№ 399.

¹⁰ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 дек. 2013 г. № 1040.

¹¹ Там же.

¹² Обзор о состоянии законности в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании преступлений, относящихся к компетенции следователей органов внутренних дел в 2022 г. от 31 марта 2023 г. № 17/2-10493. URL: [https://следствие.мвд.рф/search?q=обзор&group=\(дата обращения: 06.02.2024\)](https://следствие.мвд.рф/search?q=обзор&group=(дата%20обращения:06.02.2024)).

ствий, в том числе избрания мер процессуального принуждения; игнорирование нарушений законодательства, допущенных при проведении оперативно-розыскных мероприятий; нарушение требований уголовно-процессуального законодательства при оценке полноты и качества собранных по уголовному делу доказательств, а также требований УПК РФ к форме и содержанию обвинительного заключения. Отмечаются и недостатки организации ведомственного контроля со стороны должностных лиц контрольно-методических и организационно-зональных подразделений аппаратов главных следственных управлений (следственных управлений), выражающиеся в нарушениях при проведении служебных проверок и отсутствии принципиальной оценки сотрудников, допустивших нарушения, а также требований нормативных правовых актов при составлении государственной статистической отчетности; низком качестве анализа следственной и судебной практики; недостаточности надлежащего методического обеспечения.

Изучение практики организации в органах предварительного следствия в системе МВД России процессуального и ведомственного контроля за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого, позволило сформулировать систему рекомендаций, направленных на упорядочение основных элементов рассматриваемого направления деятельности. В частности, обращено внимание на отдельные аспекты информационно-аналитической работы, оказание методической и практической помощи и др.

В свою очередь, непосредственным предметом процессуального и ведомственного контроля законности уголовного преследования на районном и отчасти региональном уровнях следует считать «промежуточные» процессуальные действия и решения следователя, потенциально влекущие принятие «итоговых» решений об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела и уголовного преследования, а также постановление оправдательного приговора суда, вынесенные по указанным выше реабилитирующим основаниям. Подчеркнем, что наиболее эффективным в данном случае будет предварительный (упреждающий) вид контроля.

Анализ правоприменительной практики проверки сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел позволяет сделать вывод о необходимости акцентирования внимания при осуществлении контроля на следующих юридически значимых «параметрах» процессуальной деятельности подчиненных сотрудников: полноте и качестве проверочных меропри-

ятий; достаточности данных, указывающих на наличие признаков преступления; соблюдении оснований, условий и порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий органом дознания; наличии законного повода для возбуждения уголовного дела; наличии предусмотренного законом основания для возбуждения уголовного дела; наличии фактических и юридических оснований для производства следственного действия; соблюдении общих условий и порядка производства следственного действия, а также требований, предъявляемых к оценке доказательств с точки зрения их полноты и непротиворечивости, к признанию доказательств недопустимыми и к порядку получения показаний обвиняемого и их оценке; наличии предусмотренных законом оснований для избрания меры пресечения; полноте исследования всех обстоятельств, необходимых для принятия законного решения об избрании меры пресечения; соблюдении процессуального порядка окончания предварительного следствия с обвинительным заключением и требований, предъявляемых к форме и содержанию обвинительного заключения¹³.

Изложенное вполне убедительно свидетельствует в целом о негативной оценке в системе МВД России фактов принятия реабилитирующих решений на этапе досудебного производства по уголовному делу и в судебных стадиях уголовного процесса. Вместе с тем такая оценка представляется далеко неоднозначной. В свое время М. С. Строгович, отмечая воспитательное значение законного, обоснованного и справедливого приговора, подчеркивал, что именно таким образом достигаются цели уголовного судопроизводства [12, с. 41]. Однако здесь со всей определенностью снова и снова возникает вопрос, поднимаемый еще дореволюционными авторами и по настоящее время дискутируемый в российской научной юридической литературе уже более века, должен ли причиненный преследованием вред быть возмещен в случае если «привлечение к суду было делом случая, несчастного стечения фактических обстоятельств, бросивших подозрение на невиновного <...> а действия правосудия формально законны» [9, с. 516].

С одной стороны, справедливо, если возмещение вреда будет возложено на само государство, ответственное за действия и решения своих органов и лиц [9, с. 516]. Однако, при этом Н. Н. Розин весьма критически оценивал возможность переноса частно-искового принципа «аквилианской вины», активно разрабатываемого в германской юридической традиции, в область публично-правовых отношений, где,

¹³ Там же.

во-первых, само понятие «вина» «неприложимо к государству как к юридическому лицу», а во-вторых, «при формальной законности действий должностных лиц, вина не может быть установлена и даже вовсе отсутствует» [9, с. 518].

Логика рассуждений в данном случае видится в следующем. Между государством и лицом, совершившим преступное деяние, возникают уголовно-правовые правоотношения. Устанавливая данные правоотношения государство вправе применять к лицу известные меры государственного принуждения. При этом причиняемый вред является абсолютно правомерным. Если же уголовное судопроизводство осуществляется в отношении невиновного, то есть лица, с которым у государства фактически не возникло уголовно-правовое отношение, то вред, причиненный в результате применения меры государственного принуждения, является незаконным и требующим возмещения. Однако, по мнению классиков уголовно-процессуального права дореволюционного периода, в данных рассуждениях заложена существенная ошибка. Противоправные с точки зрения основ уголовного права действия абсолютно правомерны с точки зрения права процессуального, регулирующего сферу уголовно-процессуальных правоотношений. Как отмечает Н. Н. Розин, «действия эти совершаются в пределах законных полномочий органов судебно-следственной власти, с соблюдением законных предположений и форм, и скрытый внутренний порок их не лишает их законного характера и не делает причиняемого ими вреда противозаконным» [9, с. 519]. И как здесь не вспомнить классический философский подход к разграничению материальной и формальной «истинности», когда «то или другое заключение считается истинным формально в том случае, когда оно выводится с достоверностью из тех или иных положений, т. е., когда верен способ соединения мыслей, самое же заключение может совсем не соответствовать действительности» [16, с. 5].

С другой стороны, если уголовно-правовое отношение априори отсутствовало, то оснований для возбуждения уголовного дела не было. Таким образом, решение о возбуждении уголовного дела, как и последующие процессуальные действия и решения, можно считать незаконными. Следовательно, и вред ими причиненный является неправомерным. Современные исследователи также видят определенный «парадокс» в институте возмещения государством вреда лицу, подвергнутому уголовному преследованию, в случае его оправдания или прекращения в его отношении уголовного дела по реабилитирующему основанию. Л. В. Головкин задается вопросом, почему государство должно нес-

ти ответственность, если представитель одной из его властей (суд), объективно и справедливо рассмотрев дело, вынес оправдательный приговор или, например, представитель другой власти (следователь), проведя всестороннее и полное расследование, прекратил уголовное дело на основании отсутствия события либо состава преступления? И здесь следует согласиться с Л. В. Головкин, что ответ на этот вопрос лежит в природе современного российского уголовного процесса, базирующегося, несмотря на распространенные декларации, не на искомом состязательном начале, а на принципе материальной истины [4, с. 392, 397]. Юридическая ответственность государства в этом контексте обусловлена неустановлением (либо несвоевременным установлением) материальной истины прежде всего органами, осуществляющими уголовное преследование в ходе досудебного производства. И вот здесь очень интересен анализ существующих подходов к субъектам и пределам рассматриваемого вида юридической ответственности государства. Так называемый «максималистский подход» исходит из того, что основанием для юридической ответственности государства и обязанности возместить вред является незаконная деятельность конкретного должностного лица (органа). Соответственно, субъектом нарушения прав и законных интересов лица, подвергнутого уголовному преследованию, является должностное лицо или орган, непосредственно допустившие процессуальную ошибку (фактически нарушившие закон), независимо от того, что на последующих стадиях процесса или в ходе контрольно-надзорных действий уполномоченных органов данная ошибка (нарушение законности) была выявлена и устранена. Напротив, «минималистский подход» базируется на признании юридической ответственности уголовно-процессуальной системы в целом. «Пусть следователь необоснованно предъявил обвинение от имени государства, но судья поправил его от имени того государства, оправдал обвиняемого, то есть система сработала надлежащим образом, добившись установления по делу материальной истины», а значит, отношение негативной юридической ответственности в данном случае не возникает [4, с. 400].

В этом контексте хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. В русле логики данных рассуждений лицо, незаконно и необоснованно подвергнутое уголовному преследованию и, возможно, уголовно-процессуальному принуждению, по сути, лишается права на возмещение причиненного ими вреда. Вряд ли такой вывод может быть оценен положительно. Но можно посмотреть на данную концепцию и под другим углом. Если мы в принципе допу-

скаем субсидиарную ответственность уголовно-процессуальной системы по материально-правовому основанию применительно к итоговому решению — установление отношения уголовной ответственности и признание лица виновным, то почему игнорируем субсидиарную ответственность данной системы по этому же основанию с учетом промежуточных решений — заявление и разрешение судом ходатайства об избрании меры процессуального принуждения, поддержанного в установленных законом случаях руководителем следственного органа либо прокурором, направление уголовного дела в суд с обвинительным заключением, актом (постановлением) и т. д. Полагаем, данные решения базируются на установлении не только процессуальных, но и материальных оснований, пусть и не имеющих напрямую отношение к уголовной ответственности. Так почему же юридическая ответственность (в смысле обязанности возмещения вреда) ложится только на лицо, в чьем производстве находилось уголовное дело на досудебном этапе. Думается, что ведомствен-

ному «законотворчеству» в этом аспекте еще предстоит скорректировать свои подходы.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на один аспект исследования такой важной функции управления, как контроль. Сущностной чертой контроля является его органическая, если так можно выразиться, связь с ответственностью. Именно через властные полномочия субъекта контроля ответственность должностного лица за результаты и последствия своей деятельности трансформируется из нравственной в правовую плоскость. Так формируется негативная составляющая контроля. Однако контроль может рассматриваться и как позитивное явление социальной жизни. Если «негативный» контроль сводится лишь к обнаружению отклонений от заданных параметров и к требованию их исправить, то «позитивно организованный» направлен на предупреждение негативных последствий и их предотвращение, а, следовательно, в социальном плане представляется более полезным.

Список литературы:

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 251 с.
2. Валов С. В. Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений: курс лекций. М., 2014. 350 с.
3. Гаврилов Б. Я., Нечаев А. А., Победкин А. В. и др. Процессуальный и ведомственный контроль руководителя следственного органа территориального органа МВД России на районном уровне : науч.-практ. пособие. М., 2020. 148 с.
4. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : моногр. М., 2022. 464 с.
5. Законы Мерфи / Д. Д. Мерфи. «АБ Пабблишинг Трейд», 2016. 30 с.
6. Мотовиловкер Я. О. Об ответственности за вред, причиненный гражданам неправильными служебными действиями следственных органов и суда // Правоведение. 1973. № 2. С. 57–63.
7. Организация управленческой деятельности в органах предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном уровне : учеб.-практ. пособие / С. В. Валов [и др.]. М., 2013. 364 с.
8. Розин Н. Н. О вознаграждении лиц, невинно привлеченных к уголовному суду // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 9. С. 81–117.
9. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособ. к лекциям. Томск, 1914. 569 с.

References:

1. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Oчерk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogo processa. Voronezh, 1980. 252 s.
2. Valov S. V. Organizaciya deyatel'nosti organov vnutrennix del po rassledovaniyu prestuplenij : kurs lekcij. M., 2014. 352 s.
3. Gavrilov B. Ya., Nechaev A. A., Pobedkin A. V. i dr. Processual'nyj i vedomstvennyj kontrol' rukovoditelya sledstvennogo organa territorial'nogo organa MVD Rossii na rajonnom urovne : nauch.-prakt. posobie. M., 2020. 148 s.
4. Golovko L. V. Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo : monogr. M., 2022. 464 s.
5. Zakony` Merfi / D. D. Merfi. «AB Publishing Trejd», 2016. 30 s.
6. Motovilovker Ya. O. Ob otvetstvennosti za vred, prichinennyj grazhdanam nepravil'ny`mi sluzhebny`mi dejstviyami sledstvenny`x organov i suda // Pravovedenie. 1973. № 2. S. 57–63.
7. Organizaciya upravlencheskoj deyatel'nosti v organax predvaritel'nogo sledstviya territorial'ny`x organov MVD Rossii na regional'nom urovne : ucheb.-prakt. posobie / S. V. Valov [i dr.]. M., 2013. 364 s.
8. Rozin N. N. O voznaग्रazhdenii licz, nevinno privlechenny`x k ugolovnomu sudu // Zhurnal Ministerstva yusticii. 1897. № 9. S. 81–117.
9. Rozin N. N. Ugolovnoe sudoproizvodstvo : posob. k lekcijam. Tomsk, 1914. 569 s.
10. Saviczkiy V. M., Flejšhicz E. A. Ob imushhestvennoj otvetstvennosti za vred, prichinennyj dolzhnostny`mi liczami organov doznaniya,

10. *Савицкий В. М., Флейшиц Е. А.* Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда // Советское государство и право. 1966. № 7.
11. *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. 683 с.
12. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. 470 с.
13. *Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 319 с.
14. *Фельдштейн Г. С.* Вознаграждение невинно к суду привлеченных в проекте новой редакции устава уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 10. С. 55–78.
15. *Фойницкий И. Я.* О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. СПб., 1884. 110 с.
16. *Челпанов Г. И.* Учебник логики. М., 1915. 107 с.
17. *predvaritel'nogo sledstviya, prokuratury i suda* // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1966. № 7.
11. *Sluchevskij V. K.* Uchebnik russkogo ugolovno-go processa. SPb., 1913. 683 p.
12. *Strogovich M. S.* Kurs sovetskogo ugolovno-go processa : v 2 t. M., 1968. T. 1. 470 s.
13. *Strogovich M. S., Alekseeva L. B., Larin A. M.* Sovetskij ugolovno-processual'nyj zakon i problemy ego e'ffektivnosti. M., 1979. 319 s.
14. *Fel'dshtejn G. S.* Voznagrazhdenie nevinno privlechenny'x v proekte novoj redakcii ustava ugolovno-go sudoproizvodstva // Zhurnal Ministerstva yusticii. 1902. № 10. S. 55–78.
15. *Fojniczkij I. Ya.* O voznagrazhdenii nevinno k sudu ugolovnomu privlekaemy'x. SPb., 1884. 110 s.
16. *Chelpanov G. I.* Uchebnik logiki. M., 1915. 107 s.

Для цитирования:

Красильников Алексей Владимирович, Салева Юлия Евгеньевна. Процессуальный и ведомственный контроль за законностью принятия процессуальных решений, влекущих реабилитацию подозреваемого (обвиняемого), подсудимого: теория и практика организации в органах предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 70–81.

For citation:

Krasil'nikov Aleksej Vladimirovich, Saleeva Yuliya Evgen'evna. Procedural and Departmental Control over the Legality of Making Procedural Decisions Entailing the Rehabilitation of a Suspect (Accused), Defendant: Theory and Practice of Organization in the Bodies of Preliminary Investigation in the System of the Ministry of the Interior of Russia // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 70–81.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ деятельность

Владимиров Владимир Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН, академик МАНЭБ,
советник РАН,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;
профессор кафедры судебной медицины,
Российская медицинская академия
непрерывного профессионального образования
Министерства здравоохранения
Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1;
старший научный сотрудник,
Экспертно-криминалистический центр МВД России,
Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5

ORCID 0000-0001-7190-7011

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Данилов Илья Анатольевич,
советник РАЕН,
начальник службы центра внедрения
и сопровождения проектов
АО «НПО "Радиозавод имени А. С. Попова"»,
Российская Федерация, 105005, г. Москва,
ул. Радио, д. 24/1

E-mail: danilov555@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.983.22

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-82-90

Дата поступления статьи: 27 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Vladimir Yur'evich Vladimirov,
Doctor of Law, Professor,
Academician of The Russian Academy
of Natural Sciences, Academician
of The International Academy of Environmental
Sciences, Human Safety and Nature,
Advisor of the Russian Academy of Rocket
and Artillery Sciences,
Merited Lawyer of the Russian Federation,
Professor at the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8;
Professor at the Department of Forensic Medicine,
Russian Medical Academy of Continuing
Professional Education
of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Russian Federation, 125993, Moscow,
Barricadnaya str., 2/1, building 1;
Senior Researcher,
The Forensic Center of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 5

ORCID 0000-0001-7190-7011

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Ilya Anatol'evich Danilov,
Advisor of The Russian Academy of Natural Sciences,
Head of the Project Implementation
and Support Center Service
Joint-Stock Company
«Scientific and Production Association
"Radio Plant Named After A. S. Popov"»,
Russian Federation, 105005, Moscow, Radio st., 24/1
E-mail: danilov555@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях ее виртуализации

Ensuring the Reliability of the Results of Forensic Examination in the Conditions of its Virtualization

Аннотация

Актуальность обусловлена интеграцией цифровых технологий, процесса виртуализации во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в правоохранительную деятельность, в частности судебно-экспертную. Так, цифровая обработка изображений уже давно используется в экспертно-криминалистической деятельности. Ярким примером может послужить всем известная автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон», которая аккумулирует в виртуальной среде изображения папиллярных узоров ладонных поверхностей рук, обычно отображаемых в дактилоскопических картах и следах рук, изымаемых с мест преступлений. Однако на достигнутом не стоит останавливаться, так как развитие экспертно-криминалистических учетов, информационно-поисковых автоматизированных комплексов, автоматизированных идентификационных систем в целях совершенствования научно-технического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности МВД России повысит эффективность деятельности МВД по раскрытию и расследованию преступлений. Кроме того, возможности программного обеспечения, построенные в соответствии с основными положениями теории криминалистической идентификации, позволят, на наш взгляд, объективизировать процесс судебно-экспертного исследования, обеспечив при этом значительно более высокий уровень достоверности полученного результата.

Постановка проблемы: еще 30 лет назад при ведении дактилоскопических учетов по десятипальцевой системе учета сопоставление дактилоскопической информации Главного информационно-аналитического центра МВД России и Экспертно-криминалистического центра МВД России было практически невозможно. Сегодня существует автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон», значительно облегчающая задачу. Однако важно учитывать ряд моментов. Так, в дактилоскопии идентификационный комплекс признаков находится в одном идентификационном поле, а в судебной баллистике – в разобленном по различным плоскостным, цилиндрическим и геометрически неоднородным поверхностям, то есть в своеобразном «многомерном пространстве». Данное отличие,

Abstract

The relevance is due to the integration of digital technologies and the virtualization process into all spheres of life, including law enforcement, in particular forensic expertise. Thus, digital image processing has long been used in forensic activities. A striking example is the well-known automated fingerprint information system “Papilon”, which accumulates in a virtual environment images of papillary patterns of palm surfaces of hands, usually displayed in fingerprint maps and handprints seized from crime scenes. However, we should not stop there, since the development of forensic accounting, information retrieval automated complexes, automated identification systems in order to improve scientific and technical support for the forensic activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia will increase the effectiveness of the Ministry of Internal Affairs in the detection and investigation of crimes. In addition, the capabilities of the software, built in accordance with the basic provisions of the theory of forensic identification, will, in our opinion, make it possible to objectify the process of forensic research, while ensuring a significantly higher level of reliability of the result obtained.

Problem statement: even 30 years ago, when conducting fingerprint records using a ten-finger accounting system, it was almost impossible to compare the fingerprint information of The Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia and The Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Today, there is an automated fingerprint information system “Papilon”, which greatly facilitates the task. However, it is important to consider a number of points. So, in fingerprinting, the identification complex of features is located in one identification field, and in forensic ballistics – in a separate one along various planar, cylindrical and geometrically inhomogeneous surfaces, that is, in a kind of “multidimensional space”. This difference, in turn, points to the problem of digitization of all types of forensic examinations, taking into account their features. Virtualization of tracological records deserves special attention. Unfortunately, the methods and methods of automation that exist today have a number of disadvantages. The question arises, is it possible to virtualize tracological accounting and bring the tools and technological capabilities to the modern level?

в свою очередь, указывает на проблему оцифровки всех видов судебных экспертиз, учитывая их особенности. Отдельного внимания заслуживает виртуализация трасологических учетов. К сожалению, существующие на сегодняшний день способы и методы автоматизации имеют ряд недостатков. Возникает вопрос, возможно ли виртуализировать трасологические учеты и довести инструментарий и технологические возможности до современного уровня?

Цель исследования: на основе обобщения и анализа экспертной практики, проведенных научно-исследовательских работ, определить возможность исследования объектов в виртуальной среде на примере автоматизации трасологических учетов.

Методы исследования: общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез) методы, контент-анализ. Перечисленные методы позволили провести сравнительное исследование процесса передачи идентификационной информации через такие категории, как идентификационный период, идентификационное поле, а также специфических способов ее фиксации, в том числе реализованных в иностранных аналогах, что и определило подход к необходимости создания методики и средств получения твердотельной цифровой копии многомерного объекта.

Результаты и ключевые выводы: совершенствование инструментария и технологических возможностей на основе цифровизации процесса обработки криминалистически значимого изображения в рамках судебно-экспертной деятельности в сфере судебной трасологии вполне реально. На сегодняшний день в условиях развития трасологических учетов, а именно по вопросу автоматической идентификации изображения, выделено достаточное количество способов улучшения качества изображений, приведения их параметров к стандартизованным, увеличения выраженности и различимости идентификационно значимых участков трасс и рельефа следов. В свою очередь, это говорит о возможности их развития, обеспечения достоверности результатов экспертиз в условиях виртуализации, но при соблюдении одного из главных принципов судебно-экспертной деятельности: программа выступает в качестве средства проведения экспертизы, а окончательное решение принимает исключительно эксперт.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; виртуализация; след; принцип кодирования; идентификация; трасология; экспертно-криминалистический учет; изображение; алгоритм.*

The purpose of the study: based on the generalization and analysis of expert practice, conducted research, to determine the possibility of studying objects in a virtual environment using the example of automation of tracological records.

Research methods: general scientific (description, comparison), formal logical (analysis, synthesis) methods, content analysis. These methods made it possible to conduct a comparative study of the process of transmitting identification information through such categories as the identification period, the identification field, as well as specific ways of fixing it, including those implemented in foreign analogues, which determined the approach to the need to create a methodology and means of obtaining a solid-state digital copy of a multidimensional object.

Results and key conclusions: the improvement of tools and technological capabilities based on the digitalization of the processing of criminally significant images within the framework of forensic expertise in the field of forensic tracology is quite realistic. To date, in the context of the development of tracological accounting, namely on the issue of automatic image identification, a sufficient number of ways have been identified to improve the quality of images, bring their parameters to standardized ones, increase the severity and distinctness of identifiably significant sections of trails and the relief of traces. In turn, this indicates the possibility of their development, ensuring the reliability of the results of examinations in conditions of virtualization, but subject to one of the main principles of forensic expertise: the program acts as a means of conducting an examination, and the final decision is made exclusively by an expert.

Keywords: *forensic examination; virtualization; trace; coding principle; identification; tracology; forensic accounting; image; algorithm.*

С точки зрения криминалистически значимого содержания обрабатываемой информации виртуализация процесса судебно-экспертного исследования представляет интерес как специфический инструмент оцифровки реальных объектов-носителей доказательственной или ориентирующей информации о событии преступления, его механизме, орудиях преступления, лицах и иных фактах, имеющих значение для уголовного судопроизводства.

Использование возможностей цифровой обработки изображения уже давно используется в различных отраслях судебно-экспертной и в первую очередь экспертно-криминалистической деятельности¹, которая в отличие от первой имеет значительно более широкий спектр профессиональной компетенции [6]. Среди наиболее значимых направлений экспертно-криминалистической деятельности, имеющих непосредственный выход на процесс раскрытия и расследования преступлений, который органически связан с производством судебных экспертиз, можно выделить организацию ведения экспертно-криминалистических учетов в виде картотек и коллекций². Именно это обстоятельство во многом и определяет тот возросший интерес к цифровизации как к специфическому инструменту судебно-экспертного исследования следов и обстоятельств расследуемого события. Говоря о возможности виртуализации процесса судебно-экспертного исследования, необходимо отчетливо себе представлять, что его возможности уже реализованы на практике. Этот процесс естественным путем уже давно тихо и незаметно внедрился в судебно-экспертную и следственно-судебную практику. Именно так работает всем известная автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон» (далее – АДИС «Папилон»), которая аккумулирует в виртуальной среде изображения папиллярных узоров ладонных поверхностей рук, обычно отображаемых в дактилоскопических картах и следах рук, изымаемых с мест преступлений.

Еще 30 лет назад при ведении дактилоскопических учетов по десятипальцевой системе учета сопоставление дактилоскопической информации Главного информационно-аналитического центра МВД России и Экспертно-кри-

миналистического центра МВД России (далее – ЭКЦ МВД России) было практически трудно реализуемо. Теперь это легко выполнимая задача, прочно вошедшая в практическую деятельность правоохранительных органов, которая позволяет поставить работу по использованию дактилоскопической информации в целях раскрытия преступлений на поток.

Несколько иначе построена работа автоматизированных баллистических идентификационных систем (далее – АБИС) «Таис» [2; 3], «Кондор», «Арсенал», которые используют цифровую обработку следов на объектах судебно-баллистической экспертизы в целях предварительной выборки предполагаемых объектов из массива федеральной пулегильзотеки, но само сравнительное исследование проводится, как и прежде, при изучении экспертами-баллистами самих объектов учета (пуль, гильз и патронов со следами оружия) [1]. Это обстоятельство является следствием принципиального различия морфологии идентифицируемых и идентифицирующих объектов: в дактилоскопии, содержащих весь идентификационный комплекс признаков [1] в одном идентификационном поле [5; 7], в судебной баллистике – в разобранном по различным плоскостным, цилиндрическим и геометрически неоднородным поверхностям, то есть в своеобразном «многомерном пространстве» [4].

В качестве «промежуточного» варианта, сочетающего в себе возможности методов цифровизации, использованных при обеспечении дактилоскопического поиска, и некоторые особенности судебно-экспертного исследования объемных следов, мы рассматриваем методический функционал судебной трасологии.

Экспертно-криминалистический учет (далее – ЭКУ) является одним из самых часто используемых эффективных экспертно-криминалистических инструментов в ходе раскрытия и расследования преступлений. Ведение ЭКУ позволяет оперативно получать криминалистически значимую информацию, способствующую идентификации орудий преступления и установлению личности преступника.

На сегодняшний день устойчивый рост количества объектов трасологических учетов в условиях осуществления проверок фактически в «ручном» режиме не позволяет достаточно эффективно использовать возможности данных учетов на федеральном уровне.

В настоящее время автоматизация является основным средством повышения эффективности многих видов деятельности, различного рода процессов – производственных, учетных, аналитических и многих других.

Создание и внедрение в практику осуществления ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологиче-

¹ Исследование возможностей автоматизации ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологических экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации. Шифр «Трасса (Верблюд)»: отчет о научно-исследовательской работе. URL: <https://poisktenderov.ru/item/0373100088720000019/> (дата обращения: 11.01.2024).

² Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февр. 2006 г. № 70 (в ред. приказов МВД России от 21 мая 2008 г. № 436, от 30 дек. 2010 г. № 902) (с изменениями и дополнениями).

ских ЭКУ (следов обуви, орудий и механизмов, протекторов шин автотранспортных средств и т. д.) автоматизированных информационных (идентификационных) систем обеспечат существенное сокращение временных затрат, требуемых на проведение соответствующих проверок и производство судебных экспертиз; повышение объективности принятия решений и качества иллюстративного материала, что, безусловно, обеспечит доказательственную значимость даваемых судебными экспертами заключений.

В целом использование информационно-поисковых автоматизированных комплексов, автоматизированных идентификационных систем призвано повысить эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, обеспечению правопорядка и безопасности граждан Российской Федерации.

Необходимость подобного рода систем и комплексов в рамках оптимизации научно-технического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности МВД России очевидна.

Вместе с этим в практике экспертно-криминалистических подразделений Российской Федерации отсутствуют достаточно эффективные программно-технические продукты, предназначенные для решения описанных выше задач. Используемые на настоящий момент способы и методы автоматизации трасологических учетов обладают недостатками, препятствующими их системному использованию в указанных целях.

Сложившаяся ситуация, потребность в автоматизированных трасологических учетных системах в условиях отсутствия определенного, устоявшегося облика и конструктивного исполнения данного рода технических средств послужили причиной и основаниями в необходимости проведения соответствующей научно-исследовательской работы.

В рамках выполнения общей задачи, инициированной ЭКЦ МВД России научно-исследовательской работы АО «РАМЕК» были проведены первоочередные исследования, направленные на установление наличия технической возможности, практической реализации системы автоматизации трасологических учетов в разрезе современного уровня соответствующих инструментальных и технологических возможностей.

В результате проведенного анализа установлено, что применяемое в настоящее время в органах внутренних дел при ведении ЭКУ программное обеспечение не соответствует современному уровню техники и цифровых технологий, используемые в их основе принципы автоматизации носят условный характер, от-

сутствуют механизмы, устраняющие или минимизирующие ошибки, обусловленные субъективностью человеческого фактора, используемые принципы описания и классификация накапливаемой информации препятствуют возможности увеличения ее объема и расширения спектра компетенции. Одновременно был определен примерный перечень перспективных алгоритмов анализа изображений и конкретизирована возможность создания на их базе электронных образов объектов трасологического учета (следов и слеодообразующих объектов). В качестве наиболее целесообразных и перспективных в указанных целях реализации способов автоматической идентификации искомым изображений с изображениями, хранящимися в базе данных, рассматривалось использование решений, основанных на технологиях детекторов SURF, AKAZE, ORB и BRISK, а также нейросетевых методов автоматической идентификации искомым изображений с изображениями, хранящимися в базе данных. Особенно это актуально, как нам представляется, в рамках идентификации изображений, требующих исключительно индивидуального подхода, например, следы орудий взлома.

Кроме того, было установлено наличие достаточного количества способов улучшения качества изображений, приведения их параметров к стандартизованному, увеличения выразительности и различимости идентификационно значимых участков трасс и рельефа следов (оконтуривание изображений, получение скелетона, бинаризация, контрастирование и др.).

Таким образом, достигнутые результаты свидетельствуют о том, что автоматизация ведения и использования трасологических ЭКУ следов подошв обуви, орудий взлома, протекторов шин транспортных средств возможна.

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые методы цифровизации криминалистически значимого изображения уже многие годы используются криминалистами и судебными экспертами в аналоговом режиме, то есть являются производными от них, что предполагает возможность учета накопленного эмпирического материала при проведении соответствующих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и дальнейшей разработке необходимого методического обеспечения. Среди таких методов наиболее интересны, на наш взгляд, методы контрастирования, контурного анализа, псевдорельефа и псевдоокраски. Рассмотрим более подробно метод контурного анализа изображения.

В ходе детального рассмотрения различных методов автоидентификации изображений было установлено, что наиболее приемлемым способом в рамках поставленной задачи явля-

ется метод сравнения не самих полных изображений, а контуров узоров (рельефа индивидуальных признаков) следов, зафиксированных на изображениях.

Подобное выделение контуров следов и их элементов в виде элементарных геометрических фигур определяется термином «обработка изображения» – оконтуривание или контурные преобразования изображений.

Контурные преобразования изображения позволяют подчеркнуть характерные особенности в изображении, определить грани и характерные очертания герметических фигур, элементов рисунков, рельефа следов, что используется в задачах распознавания образа, сравнения и автоидентификации³.

Итоги обработки изображения контурным преобразованием обеспечивают сравнение изображений по однозначно выраженным контурам и очертаниям геометрических элементов в однофакториальной системе идентификации, тем самым обеспечивая надежность и эффективность алгоритмов сравнения, устраняя второстепенные и шумовые признаки.

Изображения подвергаются предварительной машинной обработке, в результате которой изображение следа представляется в виде элементарных двумерных фигур и само сравнение изображений (автоидентификация) переходит к сравнению фигур с учетом их взаимного расположения и размерных характеристик. К элементарным фигурам относятся линии, треугольники, ромбы, зигзагообразные линии, изломы и т. д. В случае оконтуривания алгоритм поиска содержит в себе три основных этапа:

- алгоритм оконтуривания изображений;
- алгоритм оконтуривания фрагмента изображения следа (соответственно двухэтапное кодирование изображения);
- алгоритм поиска таких фрагментов.

Изучение натуральных образцов следов и проведенные эксперименты показали, что для существенного количества изображений оконтуривание возможно осуществлять в автоматическом режиме, используя известные алгоритмы бинаризации, дифференцирования, морфологии и т. п.

Примеры выполненного оконтуривания изображения следа и элемента данного следа представлены на рисунке 1⁴.

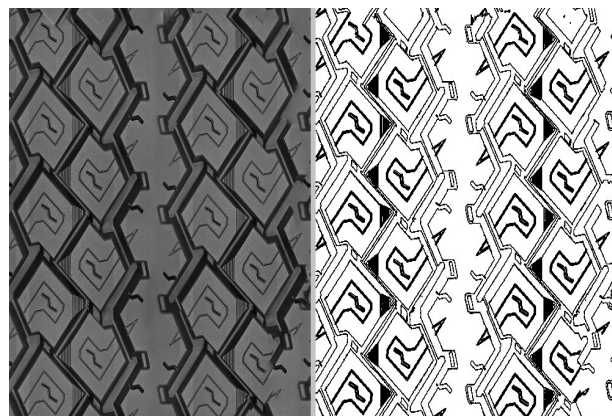

Рис. 1. Изображение протектора шины и его контурный вид, полученный автоматически

Вместе с этим в рамках указанных выше успешных экспериментов по использованию оконтуривания как способа автоматизации разметки и кодирования изображений следов невозможно не отметить и достаточное количество неудачных экспериментов применения данного способа. Так, в условиях недостаточного качества изображений в автоматическом режиме при выделении контуров элементов и рельефа следов систематически возникают неудачи.

На рисунке 2 наглядно проиллюстрирована описанная ситуация. В качестве примера представлено зашумленное изображение фрагмента следа обуви и результаты его оконтуривания различными алгоритмами⁵.

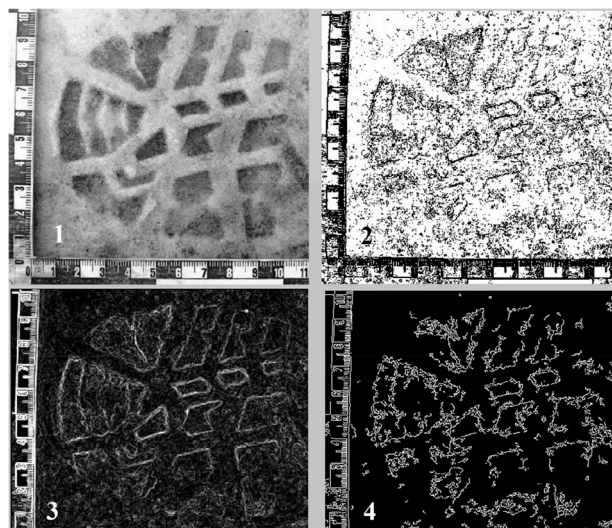

Рис. 2. Оконтуривание зашумленного изображения. Неудачный эксперимент по автоматическому выделению контуров

Итак, на рисунке 2 представлены четыре изображения, которые пронумерованы от 1 до 4. На первом изображении представлено исходное изображение следа, на втором изображении

³ Исследование возможностей автоматизации ведения и использования в раскрытии и расследовании преступлений трасологических экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации. Шифр «Трасса (Верблюд)»: отчет о научно-исследовательской работе. URL: <https://poisktenderov.ru/item/0373100088720000019/> (дата обращения: 11.01.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

применен алгоритм дифференцирования, третьем – градиент изображения с матрицей 5x5, четвертом – алгоритм Кенни.

Из рисунка 2 наглядно видно, что для данного исходного зашумленного изображения следа обуви невозможно подобрать контурный алгоритм с подходящим результатом⁶.

Учитывая изложенное по исследованиям алгоритмов оконтуривания в рамках их рассмотрения в целях организации способов кодирования изображений следов, можно сделать вывод о недостаточности существующих способов данного анализа изображений для реализации полноценной атомической разметки и кодирования.

Вместе с этим алгоритмы контурного анализа изображений могут быть без ограничений использованы в рамках интерактивного (полуавтоматического) либо полностью ручного кодирования следов. Пример полуавтоматического (интерактивного) кодирования следа подошвы обуви представлен на рисунке 3. Его суть заключается в двухэтапном выполнении данного процесса. На первом этапе выполняется автоматическое (программное) оконтуривание изображения, затем выполненный результат разметки контуров представляется оператору в целях оценки качества выполненной операции и возможности внесения коррективы вручную.

Рис. 3. Вариант полуавтоматического интерактивного оконтуривания изображения

Метод оконтуривания следа довольно часто применяется экспертами-трасологами для разработки фотоизображений следов орудий взлома, подошв обуви, протекторов шин автотранспорта в целях упрощения процесса подбора сопоставимого сравнительного материала. Это происходит не только при формировании экспертно-криминалистических картотек и коллекций, организации оперативно-розыскных мероприятий, в ходе которых оперативный состав, осуществляющий разведывательно-поисковые мероприятия, снабжается соответствующими розыскными таблицами, но и при производстве судебных экспертиз. Если в первых двух ситуациях эффективность данного метода не вызывает сомнений, то при не вполне обоснованной акцентации на него при производстве судебно-экспертного исследования возникает возможность искажения восприятия морфологии подэкспертного объекта, что неизбежно приводит к неверному выводу о наличии или отсутствии тождества [4].

Проведенные экспериментальные исследования, направленные на разработку и определение возможных к практической реализации принципов кодирования следов в автоматическом, ручном и смешанном режимах, показали наличие и достаточность имеющихся в настоящее время технологий обеспечения возможности программно-технологической реализации всех перечисленных способов.

Наиболее приоритетным способом кодирования следов в целях обеспечения единства такого кодирования и устранения ошибок, обусловленных человеческим фактором, является автоматический. Практическая реализация надежного автоматического способа кодирования следов возможна с использованием сверточных нейросетей, обученных на тренировочных массивах, данных объемом не менее 30 000 изображений.

Кроме того, исследования показали, что с использованием имеющихся современных технологий возможна практическая реализация надежного автоматического способа масштабирования изображений, что также является наиболее приоритетным способом реализации данного функционала в целях обеспечения единства и устранения ошибок, обусловленных человеческим фактором.

Таким образом, на данном этапе исследований установлена реальная и конкретизированная возможность автоматизации ключевого элемента в системе ведения и использования трасологических экспертно-криминалистических учетов следов подошв обуви, орудий взлома, протекторов шин транспортных средств, что, в свою очередь, обуславливает необходимость и целесообразность автоматизации и са-

⁶ Там же.

мой системы ведения и использования трасологических экспертно-криминалистических учетов. Вместе с этим проведенные исследования показали необходимость и целесообразность наличия в практическом функционале всех трех способов кодирования следов, так как в некоторых случаях, связанных с существенными ухудшениями качества изображений, автоматические способы недостаточно результативны.

Полученные результаты исследований свидетельствуют о наличии целесообразности реализации следующего принципа кодирования следов. Наиболее приоритетным является полностью автоматический способ кодирования следов и масштабирования изображения, однако в рамках функционала программного обеспечения предусматриваются и инструменты оценки качества выполненной автоматической разметки, а также инструменты, позволяющие в случае необходимости внести соответствующие коррективы в авторазметку либо выполнить ее в полностью ручном варианте.

В практической реализации алгоритм разметки стоит реализовывать в следующей последовательности:

1. Изображение подвергается автоматическим функциям масштабирования (калибровки) и кодирования (разметки).

2. Итоги осуществленных масштабирования и кодирования выводятся на экран монитора, сопровождаемые иллюстративным отображением результатов выполнения автоматических функций, а также показателями качества и надежности их выполнения в численном и графическом виде.

3. Эксперт-оператор согласно отображенному на экране монитора изображению, анализируя отображенные показатели качества и надежности, принимает решение о достаточности результатов автоматических функций или необ-

ходимости внесения корректировок, а также вносит данные корректировки с использованием предусмотренного функционала.

4. В случаях когда выполнение автоматического функционала не представляется возможным (например, на изображении отсутствует криминалистическая линейка и т. д.) программное обеспечение выдает соответствующее тревожное сообщение и информирует эксперта-оператора о необходимости полностью вручную выполнить калибровку и (или) кодирование изображений следов.

Кроме описанного алгоритма, в рамках практической реализации программного обеспечения предусматривается модуль автоматического контроля результатов автоматических функций на всех этапах их выполнения. В случаях недостаточности показателей таких результатов эксперту-оператору выводится соответствующее сообщение. Эта функция имеет своей целью в том числе предотвращение возможности синтеза экспертом-оператором (судебным экспертом) не достаточно обоснованного вывода о наличии (отсутствии) тождества в условиях отсутствия органического единства всех содержащихся в сравниваемых объектах общих (групповых) и частных (индивидуальных) признаков, то есть всей совокупности идентификационных признаков, индивидуализирующих объект, тождество которого подлежит установлению.

В любом случае конечный результат работы экспертно-криминалистической поисковой системы должен быть подтвержден судебно-экспертным исследованием, которое может быть проведено как в виртуальной среде с использованием твердотельной цифровой копии трехмерного (многомерного) объекта, так и продублировано на реальных объектах сравнения.

Список литературы:

1. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. 216 с.
2. Владимиров В. Ю. Цифровизация судебно-баллистической информации. Фантом или реальность? // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сб. ст. по итогам междунар. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы Междунар. выставки «Интерполитех-2019 / сост. И. Н. Горбулинская. М., 2020. С. 14–17.
3. Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отождествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на стреляных гильзах : метод. рекомендации /

References:

1. Belkin R. S., Vinberg A. I. Kriminalistika i dokazyvanie. M., 1969. 216 s.
2. Vladimirov V. Yu. Cifrovizaciya sudebno-ballisticheskoj informacii. Fantom ili real'nost'? // Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij : sb. st. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf., provodimoy v ramkah delovoj programmy Mezhdunar. vystavki «Interpolitekh-2019 / sost. I. N. Gorbulinskaya. M., 2020. S. 14–17.
3. Vladimirov V. Yu., Borodin V. N. Otozhdestvlenie ognestrel'nogo oruzhiya s ispol'zovaniem identifikacionno-poiskovoj ballisticheskoj sistemy «TAIS» po sledam na strelyanyh gil'zah : metod. rekomendacii / pod red. V. P. Sal'nikova, V. G. Petuhova. SPb., 2000. 87 s.

- под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб., 2000. 87 с.
4. Владимиров В. Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения : моногр. / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2003. 400 с.
 5. Грановский Г. Л. Основы трасологии (Особенная часть). М., 1974. 239 с.
 6. Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1 (62). С. 88–101.
 7. Эйсман А. А. Заключение эксперта. М., 1967. 152 с.
 4. Vladimirov V. Yu. Teoriya i praktika kriminalisticheskogo oruzhievedeniya : monogr. / pod obshch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2003. 400 s.
 5. Granovskij G. L. Osnovy trasologii (Osobennaya chast'). M., 1974. 239 s.
 6. Rossinskaya E. R. The doctrine of forensic activities digitalization and the problems of forensic didactics // The Rule of Law State: Theory and Practice. 2020. № 4-1 (62). P. 88–101.
 7. Ejsman A. A. Zaklyuchenie eksperta. M., 1967. 152 s.

Для цитирования:

Владимиров Владимир Юрьевич, Данилов Илья Анатольевич. Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях ее виртуализации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 82–90.

For citation:

Vladimirov Vladimir Yur'evich, Danilov Il'ya Anatol'evich. Ensuring the Reliability of the Results of Forensic Examination in the Conditions of its Virtualization // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 82–90.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

Салтыков Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3-го факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Konstantin Gennad'evich Saltykov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral Student of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Pedagogical Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ORCID 0009-0004-5002-8113

ORCID 0009-0004-5002-8113

E-mail: terminpravo@mail.ru

E-mail: terminpravo@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific speciality:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 340.11

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-91-98

Дата поступления статьи: 14 марта 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Развитие понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина (к 95-летию Академии управления МВД России)

Development of the Concept of "State Legal Mechanism for the Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens" in the Works of V. N. Butylin (to the 95th Anniversary of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

Аннотация

Актуальность: необходимой частью научной деятельности практически в любой области знания является исследование понятия – одна из основных форм мысли. В статье внимание сосредоточивается на такой области проблематики понятия, как его развитие. Для многих наук (в том числе юридической науки) изучение динамики научного понятия имеет важное значение, связанное с исследованием изменения объема понятия и вариативности его содержа-

Abstract

Relevance: a necessary part of scientific activity in almost any field of knowledge is the study of the concept – one of the main forms of thought. The article focuses on such an area of the concept's problems as its development. For many sciences (including legal science), the study of the dynamics of a scientific concept is important, associated with the study of changes in the scope of the concept and the variability of its content. Legal concepts reflect in their development the evolution

ния. Юридические понятия отражают в своем развитии эволюцию правовых реалий, в связи с чем несут значительную теоретическую нагрузку. Одно из них – весьма актуальное понятие «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан», анализ развития которого представлен в трудах профессора В. Н. Бутылина.

Постановка проблемы: оценка научного наследия В. Н. Бутылина не может носить одностороннего отраслевого характера и, следовательно, предполагает широкий диапазон научных подходов. Рассмотрение теоретических положений юриспруденции, разработанных указанным автором, только с государственно-правовых позиций представляется недостаточно оправданным. Безусловно, авторитет профессора В. Н. Бутылина связан с его плодотворной исследовательской деятельностью в области российского и зарубежного конституционализма. Вместе с тем оценка его работ с логико-философских и языковедческих позиций представляется весьма плодотворной. Общенаучные гносеологические приемы и отраслевая конституционно-правовая специфика в работах В. Н. Бутылина предстают как нечто целое, между юридическими, лексикологическими и философскими частями которого нет строгих границ.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе использования соответствующих характеру и предмету исследования методов научного познания при учете основных положений логико-философского учения о понятии охарактеризовать проблематику развития понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина в контексте особенностей развития научных понятий в целом.

Методы исследования: взятие за основу принципа методологического плюрализма позволило использовать в работе такие методы исследования, как диалектический метод познания, герменевтика, логический метод, анализ, сравнительный, структурно-функциональный методы.

Результаты и ключевые выводы: в основе референции развития понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина лежит эволюция представлений автора о содержании и объеме данной конкретной формы отражения конституционно-правовой действительности. При этом динамика исследовательской позиции ученого не связана с постановкой под сомнение канонов юридической лексики. Более того, логико-философский и языковедческий анализы элементов понятийного аппарата юридической науки представ-

of legal realities, and therefore carry a significant theoretical burden. One of them is a very relevant concept of “state–legal mechanism for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens”, the analysis of the development of which is presented in the works of Professor V. N. Butylin.

Problem statement: the assessment of V. N. Butylin’s scientific heritage cannot be of a one-sided sectoral nature and, therefore, presupposes a wide range of scientific approaches. Consideration of the theoretical provisions of jurisprudence developed by the specified author, only from the state-legal standpoint, seems insufficiently justified. Undoubtedly, the authority of Professor V. N. Butylin is associated with his fruitful research activities in the field of Russian and foreign constitutionalism. At the same time, the evaluation of his works from the logical, philosophical and linguistic positions seems to be very fruitful. General scientific epistemological techniques and sectoral constitutional and legal specifics in the works of V. N. Butylin appear as something whole, between the legal, lexicological and philosophical parts of which there are no strict boundaries.

The purpose of the study is to characterize the problems of the development of the concept of “state-legal mechanism for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens” in the works of V. N. Butylin in the context of the peculiarities of the development of scientific concepts in general, based on the use of methods of scientific cognition appropriate to the nature and subject of the study, taking into account the basic provisions of the logical and philosophical doctrine of the concept.

Research methods: taking the principle of methodological pluralism as a basis made it possible to use such research methods as the dialectical method of cognition, hermeneutics, logical method, analysis, comparative, structural and functional methods in the work.

Results and key conclusions: the basis of the reference of the development of the concept of “state-legal mechanism for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens” in the works of V. N. Butylin is the evolution of the author’s ideas about the content and scope of this particular form of reflection of constitutional and legal reality. At the same time, the dynamics of the scientist’s research position is not related to questioning the canons of legal vocabulary. Moreover, logical-philosophical and linguistic analyses of the elements of the conceptual apparatus of legal science are presented in the works of V. N. Butylin is latent, in the shadow of constitutional and legal priorities. The identification and partial description of these implicit features became the general result of addressing the problem of the development of the concept of “state-legal mechanism for the

лен в работах В. Н. Бутылина латентно, в тени конституционно-правовых приоритетов. Выявление и частичное описание этих имплицитных особенностей стало общим итогом обращения к проблеме развития понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина. Аналитический обзор трудов указанного автора позволил выявить некоторые особенности понятийной формы научного знания в сфере права, определить роль комплексного подхода к изучению развития юридических понятий в контексте использования гносеологических достижений логики, языкознания и философии.

Ключевые слова: *рост научного знания; развитие понятия; методологическая рефлексия; принцип единства особенного и всеобщего; юридическое понятие; понятийные основы конституционного права; объем понятия; содержание понятия.*

protection of constitutional rights and freedoms of citizens” in the works of V. N. Butylin. An analytical review of the works of this author made it possible to identify some features of the conceptual form of scientific knowledge in the field of law, to determine the role of an integrated approach to the study of the development of legal concepts in the context of the use of epistemological achievements of logic, linguistics and philosophy.

Keywords: *growth of scientific knowledge; development of the concept; methodological reflection; the principle of unity of the special and universal; legal concept; conceptual foundations of constitutional law; scope of the concept; content of the concept.*

Прогресс науки в XXI в. выдвинул перед историей развития познавательной деятельности человека актуальную проблему анализа природы и структуры важных, качественных изменений научного знания, когда, суммируясь с уже имеющимся, новое знание включает в себя признанные истины.

Если полагать, что развитие науки во многом связано с накоплением знаний, сочетанием нового и уже имеющегося, заменой или дополнением одних теорий другими, то можно считать оправданным утверждение К. Поппера о непрерывном росте научного знания и существенном значении такого роста для рационального характера науки [20, с. 325].

На основании этого в истории и философии науки выделяют кумулятивную модель (от лат. *cumulatio* – увеличение, скопление) роста научного знания, в рамках которой развитие последнего мыслится как накопление эмпирических фактов и теоретических положений. Выдвигаются и опровергаются гипотезы, их заменяют более обоснованные и верифицируемые, что в целом позволяет говорить о росте знания и понимания. Таким образом, происходит решение важнейшей философской проблемы познания мира [20, с. 35].

В условиях роста научного знания динамика становится одним из основных его свойств, проявляющихся в диалектическом процессе эпистемологической эволюции. Познание не является простым, непосредственным отражением мира. Это «процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковы понятия, законы etc. ... и охваты-

вают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [16, с. 163–164].

При этом достигнутый уровень содержания познаваемой действительности закрепляется в научных понятиях, которые, фиксируя полученную информацию, формируют основу для дальнейшей когнитивной деятельности, обозначают фарватер предстоящих исследований. В результате обращение к научным понятиям происходит не только с целью фиксации познания, но и для коррекции вектора научного освоения действительности. Понятие в науке одновременно выступает в двух следующих аспектах: как результат проведенных исследований; как фактор, в значительной мере определяющий содержание программ дальнейшего научного познания.

Обобщенное отражение действительности в процессе познания предполагает дальнейшее осуществление охвата и закрепления полученных результатов в понятии, которое позволяет судить о сущности исследуемых явлений, выступает элементом системы знаний, актуализирует необходимость введения в научный курс соответствующего термина.

Вместе с этим необходимо напомнить об опасности отождествления понятий с терминами или со смыслами терминов, которые сами могут являться мысленными образованиями большей или меньшей сложности, образовавшись в результате применения различных способов познавательной деятельности [11, с. 4].

Историческое развитие науки с присущей ему логикой на элементарном уровне прояв-

ляется в динамике понятий. В связи с тем что научное понятие в идеализированной сжатой форме представляет фрагмент объективной реальности, оно развивается вместе с исследуемой действительностью, конкретизируется, находится в сопоставлении с другими категориями. Научные понятия в совокупности системных связей составляют теорию. Между понятием и теорией возникает диалектическое единство, которое является причиной отражения в развитии понятий всех прорывов и компликаций науки.

В свою очередь, многообразие научных форм и приемов воспроизведения действительности на ступени абстрактного мышления может привести к различного рода абберациям в процессе анализа развития научного понятия в целом и юридического понятия в частности, что делает разумным исследование генезиса и динамики научного понятия с позиций классической версии учения о понятии в отечественной логико-философской традиции, представленной, например, в монографии Е. К. Войшвилло «Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ» [11].

Исследование онтогенеза научных понятий представляет собой амальгаму изучения развития понятий конкретных наук и исследования развития понятий в общественно-историческом аспекте при отвлечении от специфики конкретных областей человеческого знания. Это становится причиной некоторых трудностей методологической рефлексии, заключающихся в следующем.

С одной стороны, анализ развития понятий связывается с углублением исследования в сущность, специфику соответствующего понятию множества явлений, как правило, в его историческом аспекте. Совпадение содержания понятия с изучаемым фрагментом действительности будет свидетельствовать об адекватном отражении посредством исследуемого понятия объективной реальности на том или ином уровне ее развития. При этом особенности конкретной научной области оказывают значительное влияние на ход изучения ее объекта, что может спровоцировать нарушение междисциплинарных связей и изоляционизм в процессе изложения результатов научного познания.

С другой стороны, сторонники доминирующей роли общих закономерностей исторического развития познания игнорируют объективные специфические черты отдельных наук и особенности развития их понятийных основ, оценивая на основании критерия соответствия тем или иным философским принципам.

Рассмотренные когнитивные позиции не лишены ограниченности и не способны отдельно друг от друга обеспечить формирование все-

стороннего представления о развитии понятий в науке. В связи с этим анализ развития как общенаучных понятий, так и понятий отдельных областей человеческого знания (в нашем случае – юриспруденция) должен в качестве одного из элементов своей основы иметь принцип единства особенного и всеобщего [13, с. 22–24]. Кроме того, анализируя понятие, стоит помнить о том, что оно есть форма отражения действительности, которое, как было отмечено выше, не является статичным и непротиворечивым. Напротив, в развитии научных понятий зачастую угадываются отблески теоретических разногласий, присущих познавательной деятельности, когда противоречия предметные приобретают характер противоречий категориальных, преодоление которых способствует формированию понятийной структуры научного мышления и обогащает доктринальную картину мира.

Итак, кратко представив пресуппозиции обращения к развитию понятий в процессе познания человеком окружающего мира, в число которых входят понятия юридической науки, отметим, что юридические понятия и категории являются одними из самых семантически нагруженных. Во множестве случаев правовые категории являются глубокими и сложными абстракциями, нередко включающими в себя самостоятельные юридические понятия и несущими значительную теоретическую нагрузку [10, с. 77]. В своем развитии, связанном с фиксацией новых горизонтов юридического знания, понятие в правовой науке выполняет также функции идеальной модели, типовой схемы значимых элементов общественных связей [17, с. 163].

Проследим особенности динамики понятий в правовой науке на примере юридического понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан», развитие которого нашло подробное описание в трудах В. Н. Бутылина – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, посвятившего значительную часть своей творческой жизни научной и преподавательской деятельности в стенах Академии управления МВД России.

На начальном этапе исследовательского пути научные интересы В. Н. Бутылина были сфокусированы на вопросах гарантий укрепления законности в деятельности лиц, замещающих руководящие должности среднего и старшего звена [3], однако в дальнейшем ученый увеличивает масштаб и расширяет границы области своих исследований, обратившись к теме конституционно-правового регулирования функционирования государства и роли органов внутренних дел в его обеспечении. При этом

обращают на себя внимание некоторые методологические особенности подхода к рассмотрению правового материала в работах названного автора. Например, описывая влияние формы государственного устройства на организацию органов внутренних дел, он отмечает, что «...говоря о разграничении предметов ведения между федерацией и ее субъектами, нельзя употреблять термин "компетенция" вместо термина "предметы ведения"» [1, с. 10], то есть прибегает к сравнительному рассмотрению в пределах одного языка терминов различных теорий одной области знания, что методологически охватывается рамками сопоставительного терминоведения [15, с. 3–10]. Далее приводятся принципиальные различия понятий «компетенция» и «суверенитет» применительно к основным характеристикам государства и государственных органов [1, с. 10].

В своей научной деятельности профессор В. Н. Бутылин нередко обращался к понятийно-терминологической стороне юридической науки. Так, подготовленные им материалы, посвященные регулированию функционирования государства, были включены в изданный в Академии управления МВД России курс лекций «Государственно-правовые основы управления органами внутренних дел» и отличаются оригинальным ракурсом подхода к общенаучным понятиям и их юридической адаптации. Автором отмечалось, что «в своем юридически адаптированном виде понятия «функция», «функционирование» и производные от них применительно к праву и государству означают их действие, деятельность, формы регулятивно-упорядочивающего воздействия на людей и их отношения» [12, с. 3]. Кроме того, определено внимание было уделено понятийному аппарату зарубежной юриспруденции [12, с. 6].

С удивительной научной тонкостью и одновременно ясностью для читателя В. Н. Бутылин описывает соотношение таких фундаментальных юридических категорий, как «правовой статус личности» и «правовое положение личности». Он ограничивает понятие правового статуса категориями прав и обязанностей, что позволяет четко выделить его структуру. В объем понятия «правовое положение личности» ученый включает предстатусные и послестатусные элементы [4, с. 5]. Это свидетельствует о внимании В. Н. Бутылина к процессу формирования ключевых понятий юридической науки, утверждения их определенности в виде некоторых качественных и количественных характеристик, устранению противоречий предметного содержания.

Диссертация на соискание ученой степени доктора наук на тему «Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституцион-

ных прав и свобод граждан» в 2001 г. была представлена В. Н. Бутылиным к защите. Пристальному рассмотрению в этой работе подвергаются права и свободы граждан в области различных отраслей права, но ведущими, имеющими фундаментальное значение по отношению к другим, признаются конституционные права и свободы человека и гражданина [6, с. 86].

В целях решения задач исследования автор прибегает к терминологическим сопоставлениям, сравнивая конституционно-правовую лексику, а именно значения слов «декларация» и «конституция» [6, с. 43]. Рассуждая о системе конституционных прав и свобод личности, соискатель проводит анализ значения термина «система» [6, с. 44], кроме того, рассматривает результаты научного толкования терминов «охрана», «защита» и «обеспечение» [6, с. 92–93].

Диссертант всесторонне исследовал объем конституционных прав и свобод человека и гражданина, историю формирования теоретических основ правового положения личности в России и сделал вывод о том, что «на протяжении последних ста лет в России постоянно и весьма активно осуществляется совершенствование содержания и правового закрепления основных прав и свобод личности» [6, с. 38].

В. Н. Бутылин приходит к заключению о необходимости юридического комплекса, с помощью которого государство обязано будет обеспечить соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина. Он представляет собой «упрощенное» понимание государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, которая, по его мнению, является деятельностью управомоченных государственных органов и должностных лиц [6, с. 98]. В контексте этих рассуждений диссертант отводит особое место в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан милиции (в дальнейшем – полиция), обосновывает необходимость закрепления этого на законодательном уровне. Как отмечает Д. В. Пожарский, в период подготовки проекта федерального закона «О полиции» профессор В. Н. Бутылин «высказывал идею о необходимости его принятия в статусе конституционного закона» [19, с. 9].

Отсутствие понятийной основы института государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина диссертант относит к числу научных проблем, а также упоминает о концепции государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина [6, с. 97]. Эти исследовательские акценты не являются случайными. Дело в том, что, во-первых, многими годами ранее В. Н. Бутылин обращался к категории «механизм», отме-

чая, что его объем и значительная смысловая емкость позволяют объять множество явлений реализации прав и свобод, охарактеризовать их функции, описать взаимодействие элементов и стадий реализации и в конечном итоге обеспечить повышение качества и эффективности порядка и процедур реализации прав и свобод граждан [9, с. 4]. Во-вторых, возникновение концепции государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина с определенной необходимостью предполагает представление основного для нее понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина», которое позволило бы обобщить многолетний исследовательский опыт, выступило в качестве теоретической ступени познания, обеспечило отражение необходимого фрагмента юридической реальности, аккумулировало существенные признаки государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, явилось инструментом дальнейшего теоретического познания обозначенной проблемой области.

В. Н. Бутылин отмечал, что государственно-правовой механизм охраны основных прав и свобод граждан – это сложное и малоизученное явление [6, с. 46]. Вероятно поэтому в тексте диссертационной работы он оперирует «рабочими», в некоторой степени связанными с контекстом, определениями рассматриваемого понятия. В частности, он указывает следующее: «В сочетании с правовыми принципами, средствами, процедурами, формами и методами деятельности, предназначенными для реализации основных прав и свобод человека и гражданина, их охраны и защиты, система государственных органов образует государственно-правовой механизм охраны прав и свобод человека и гражданина» [6, с. 128].

Подводя итоги кропотливой работы, позволившей оптимально структурировать и изложить результаты диссертационного исследования, автор пришел к выводу, что элементами государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан являются не только конституционно-правовые нормы и нормы других отраслей права, состоящие в системной взаимосвязи, но и составляющие структуры государственных органов, а также разнообразные методы, способы, формы и средства осуществления правовых норм, соответствующие предписанным законодательством процедурам и установленным правовым принципам, находящиеся под влиянием различных экономических, социально-психологических и политических факторов [2; 5, с. 13].

Заслуживает внимания дальнейшее использование автором полученного определения рассматриваемого понятия в последующем когнитивном поиске, которое позволило оценить нормативную правовую основу государственной охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина и материальные условия для обеспечения охраны данного вида прав и свобод, сформулировать тезис о необходимости принятия комплексного законодательного акта об основах государственной системы охраны конституционных прав и свобод граждан [7, с. 40–41, 59].

Помимо этого, в понятийно-терминологическом отношении обращение к понятию «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» способствовало актуализации доктринального обеспечения охраны конституционных прав и свобод граждан в части развития понятийных основ и их терминологических референтов. Примером может стать последующее появление таких юридических терминов, как «организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации», «герменевтика организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации», которые были предложены для использования в научном обороте Е. В. Киричк [14, с. 11].

Вместе с тем, как отмечалось выше, понятия не статичны, их динамика коррелирует с развитием познания в направлении углубления и расширения имеющих представлений об окружающем мире, что влечет закономерные изменения интенсивных и экстенсивных характеристик понятия.

Творческая научная деятельность В. Н. Бутылина в период после 2001 г. на различных должностях в Академии управления МВД России привела к увеличению объема и упорядоченности знаний о государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан, что обусловило изменение объема и содержания соответствующего понятия.

В опубликованном в соавторстве с И. В. Гончаровым учебном пособии «Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел» понятие «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» было подвергнуто редакционным изменениям. В формулировке понятия термин «охрана» был замещен термином «обеспечение», существенно сократился лексический объем определения. Авторы отмечают, что «государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод граждан представляет собой совокуп-

ность форм, способов и гарантий охраны и защиты этих прав и свобод в деятельности государства» [8, с. 23].

Указанные изменения рассматриваемого понятия соответствуют важной сущностной характеристике познания, связанной с переходом от одного научного горизонта когнитивного освоения предмета исследования к другому — более широкому, от одного уровня познания к другому — более глубокому, при котором содержание понятия представляет собой качественную сторону приобретения знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, когда углубление знания ведет к расширению его границ, а расширение знания приводит к углублению его содержания.

Данная тенденция развития рассматриваемого понятия сохранилась в научных трудах В. Н. Бутылина в дальнейшем. Так, несколько лет спустя, обращаясь к сущности государственно-правового механизма обеспечения прав и свобод граждан, он формулирует определение его понятия как совокупность форм, способов и гарантий охраны и защиты этих прав и свобод в деятельности государства, его государствен-

ных органов [18, с. 252], указывая в числе субъектов деятельности по обеспечению прав и свобод граждан не только государство, но и государственные органы, то есть изменяет интенционал понятия.

Подводя итог, отметим, что последовательность в постановке и решении научных проблем, внутренняя непротиворечивость исследовательских воззрений, присущие творческому наследию В. Н. Бутылина, обеспечили ясность представлений об особенностях развития понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан».

В настоящее время результаты проделанной В. Н. Бутылиным работы, в которых нашла отражение не только юридическая сторона вопроса, но и специфика различных социальных, культурных, и экономических контекстов, способствуют более углубленному пониманию современных концепций и методов обеспечения прав и свобод человека и гражданина в процессе дальнейшего развития науки конституционного права, подтверждают необходимость учета различных (в том числе языковых) факторов развития познавательной деятельности.

Список литературы:

1. Бутылин В. Н. Влияние формы государственного устройства на организацию органов внутренних дел : лекция. М., 1999.
2. Бутылин В. Н. Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан. М., 2001. 177 с.
3. Бутылин В. Н. Использование гарантий укрепления социалистической законности в деятельности руководителей аппаратов и подразделений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
4. Бутылин В. Н. Конституционные основы правового положения личности : лекция. М., 1995.
5. Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 55 с.
6. Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 459 с.
7. Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : моногр. Тюмень, 2001. 176 с.
8. Бутылин В. Н., Гончаров И. В. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 2002. 173 с.

References:

1. Butylin V. N. Vliyanie formy gosudarstvennogo ustrojstva na organizaciyu organov vnutrennih del : lekciya. M., 1999.
2. Butylin V. N. Gosudarstvenno-pravovoj mekhanizm ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan. M., 2001. 177 s.
3. Butylin V. N. Ispol'zovanie garantij ukrepleniya socialisticheskoj zakonnosti v deyatel'nosti rukovoditelej apparatov i podrazdelenij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1989. 22 s.
4. Butylin V. N. Konstitucionnye osnovy pravovogo polozheniya lichnosti : lekciya. M., 1995.
5. Butylin V. N. Miliciya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001. 55 s.
6. Butylin V. N. Miliciya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001. 459 s.
7. Butylin V. N. Miliciya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme ohrany konstitucionnyh prav i svobod grazhdan : monogr. Tyumen', 2001. 176 s.
8. Butylin V. N., Goncharov I. V. Obespechenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v deyatel'nosti organov vnutrennih del : ucheb. posobie. M., 2002. 173 s.
9. Butylin V. N., Sidorov V. G. Miliciya v mekhanizme realizacii konstitucionnyh prav i svobod grazhdan : lekciya. M., 1996. 32 s.

9. *Бутылин В. Н., Сидоров В. Г.* Милиция в механизме реализации конституционных прав и свобод граждан : лекция. М., 1996. 32 с.
10. *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. М., 1976. 264 с.
11. *Войшвилло Е. К.* Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989. 239 с.
12. Государственно-правовые основы управления органами внутренних дел : курс лекций : в 3 ч. / под ред. В. С. Афанасьева. М., 2012. Ч. 2.
13. *Кедров Б. М.* О природе научного понятия // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 13–24.
14. *Киричек Е. В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 51 с.
15. *Лейчик В. М.* Основные положения сопоставительного терминоведения // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж, 1988. 166 с.
16. *Ленин В. И.* Философские тетради // Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 29.
17. *Малиновская Н. В.* Интерпретация в праве : моногр. М., 2011. 184 с.
18. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел : учеб. / под общ. ред. Ю. В. Анохина, В. Я. Кикотя. М., 2010. 712 с.
19. *Пожарский Д. В.* Юридические основы функционирования милиции и полиции Российской Федерации в фокусе конституционного развития // Российское государство и вызовы XXI века : сб. ст. Междунар. конф. к 30-летию Конституции Российской Федерации и 40-летию кафедры государственно-правовых дисциплин (Москва, 8 декабря 2023 г.). М., 2023. С. 8–10.
20. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. 605 с.
10. *Vasil'ev A. M.* Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij prava. M., 1976. 264 s.
11. *Vojshvillo E. K.* Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskij analiz. M., 1989. 239 s.
12. Gosudarstvenno-pravovye osnovy upravleniya organami vnutrennih del : kurs lekcij : v 3 ch. / pod red. V. S. Afanas'eva. M., 2012. Ch. 2.
13. *Kedrov B. M.* About the nature of the scientific concept // Questions of Philosophy. 1969. № 8. S. 13–24.
14. *Kirichyok E. V.* Organizacionno-pravovoj mekhanizm obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 51 s.
15. *Lejchik V. M.* Osnovnye polozheniya sopostavitel'nogo terminovedeniya // Otrasleyvaya terminologiya i ee strukturno-tipologicheskoe opisanie. Voronezh, 1988. 166 s.
16. *Lenin V. I.* Filosofskie tetradi // Polnoe sobranie sochinenij. M., 1958. T. 29.
17. *Malinovskaya N. V.* Interpretaciya v prave : monogr. M., 2011. 184 s.
18. Obespechenie prav cheloveka v deyatelnosti organov vnutrennih del : ucheb. / pod obshch. red. Yu. V. Anohina, V. Ya. Kikoty. M., 2010. 712 s.
19. *Pozharskij D. V.* Yuridicheskie osnovy funkcionirovaniya milicii i policii Rossijskoj Federacii v fokuse konstitucionnogo razvitiya // Rossijskoe gosudarstvo i vyzovy XXI veka : sb. st. Mezhdunar. konf. k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii i 40-letiyu kafedry gosudarstvenno-pravovyh disciplin (Moskva, 8 dekabrya 2023 g.). M., 2023. S. 8–10.
20. *Popper K.* Logika i rost nauchnogo znaniya. M., 1983. 605 s.

Для цитирования:

Салтыков Константин Геннадьевич. Развитие понятия «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан» в трудах В. Н. Бутылина (к 95-летию Академии управления МВД России) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 91–98.

For citation:

Saltykov Konstantin Gennad'evich. Development of the Concept of “State Legal Mechanism for the Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens” in the Works of V. N. Butylin (to the 95th Anniversary of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 91–98.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

Золотова Елена Владимировна,
руководитель аппарата заместителя
Министра внутренних дел Российской Федерации,
Департамент делопроизводства и работы
с обращениями граждан
и организаций МВД России,
Российская Федерация, 119991, г. Москва,
ул. Житная, д. 12а
E-mail: zolotovaelen@yandex.ru

Elena Vladimirovna Zolotova,
Head of the Office of the Deputy Minister of
Internal Affairs of the Russian Federation,
Department of Record Management and Work with
Appeals from Citizens
and Organizations of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Russian Federation, 119991, Moscow,
Zhitnaya St., 12a
E-mail: zolotovaelen@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые (государственно-
правовые) науки

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

УДК 342.5:34.08

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-99-106

Дата поступления: 13 мая 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

О зарубежном опыте оценки результатов служебной деятельности (аттестации) сотрудников органов внутренних дел (полиции)

On Foreign Experience in Assessing the Performance Results (Certification) of Employees of Internal Affairs Bodies (Police)

Аннотация

Актуальность: происходящие в Российской Федерации социальные и политические процессы выводят на передний план вопросы работы с человеческим капиталом, отбора и сохранения лучших кадров для осуществления трудовой (служебной) деятельности в различных сферах, продвижения по карьерной лестнице наиболее отличившихся и способных сотрудников и принятия адекватных мер реагирования к профессионально непригодным лицам. Все вышесказанное актуально и для ситуации в органах внутренних дел, где оценка результатов служебной деятельности (аттестация) целевым образом использовалась в период реформирования 2011–2012 гг., а сегодня повседневно применяется в служебной деятельности. Наличие в органах внутренних дел

Abstract

Relevance: the social and political processes taking place in the Russian Federation bring to the fore the issues of working with human capital, selecting and retaining the best personnel to carry out labor (official) activities in various fields, promoting the career ladder of the most distinguished and capable employees and taking adequate response measures to professionally unsuitable persons. All of the above is also relevant for the situation in the internal affairs bodies, where the assessment of performance results (certification) was specifically used during the reform period of 2011–2012, and today is used every day in official activities. The presence of real professionals in the internal affairs bodies not only affects the effectiveness of the Russian Ministry of Internal Affairs in fulfilling its current goals and objectives,

настоящих профессионалов не только сказывается на эффективности выполнения МВД России своих текущих целей и задач, но и влияет на внешний престиж и авторитет службы. В связи с этим оценка полноты и качества отечественной правовой базы прохождения службы в органах внутренних дел (полиции) требует как определения ее внутренней согласованности, так и сравнения с аналогичными механизмами и процедурами, применяемыми в зарубежных странах.

Постановка проблемы: как показывает практика, основные проблемы в оценке результатов служебной деятельности (аттестации) сотрудников во многом составляют формализм, забюрократизированность и сильное влияние субъективного фактора на принятие управленческих, кадровых решений. Учитывая изложенное, анализ иностранного опыта должен быть нацелен на исключение (минимизацию) обозначенных проблемных моментов и дальнейшее совершенствование российского законодательства (подзаконных актов).

Цель исследования: совершенствование подходов к оценке результатов служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на основе выявленного положительного зарубежного опыта правового регулирования в данной сфере.

Методы исследования: в качестве основного метода при сопоставлении зарубежного опыта оценки служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) использовался сравнительно-правовой. Помимо этого, применялись общие методы анализа и синтеза в части изучения законодательства отдельных государств, формирования общих выводов и обобщений. Формально-юридический метод использовался для исследования нормативных правовых актов Российской Федерации и иностранных государств с точки зрения употребляемых в них формулировок.

Результаты и ключевые выводы: необходимость периодической проверки профессиональной пригодности сотрудников органов внутренних дел (полиции) предопределяет наличие закрепленной в правовых актах системы оценки результатов их служебной деятельности. В связи с этим законодательство различных государств предусматривает соответствующие механизмы и процедуры, обладающие своей региональной спецификой. В государствах – участниках Содружества Независимых Государств и бывших республиках Советского союза система оценки кадров правоохранительных органов основывается на выработанных еще в советские годы подходах к аттестации личного состава. Вместе с тем развитие данных государств как самостоятельных опре-

but also affects the external prestige and authority of the service. In this regard, assessing the completeness and quality of the domestic legal framework for serving in internal affairs bodies (police) requires both determining its internal consistency and comparing it with similar mechanisms and procedures applicable in foreign countries.

Statement of the problem: as practice shows, the main problems in assessing the performance results (certification) of employees largely consist of formalism, bureaucracy and the strong influence of the subjective factor on the adoption of management and personnel decisions. Taking into account the above, the analysis of foreign experience should be aimed at eliminating (minimizing) the identified problematic issues and further improving Russian legislation (bylaws).

Purpose of the study: to improve approaches to assessing the performance results of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation based on the identified positive foreign experience of legal regulation in this area.

Research methods: comparative legal was used as the main method for comparing foreign experience in assessing the performance of employees of internal affairs bodies (police). In addition, general methods of analysis and synthesis were used in terms of studying the legislation of individual states, forming general conclusions and generalizations. The formal legal method was used to study regulatory legal acts of the Russian Federation and foreign countries from the point of view of the wording used in them.

Results and key conclusions: the need to periodically test the professional suitability of employees of internal affairs bodies (police) predetermines the existence of a system for assessing the results of their official activities, enshrined in legal acts. In this regard, the legislation of various states provides for appropriate mechanisms and procedures that have their own regional specifics. In the CIS member states and the former republics of the Soviet Union, the system for assessing law enforcement personnel is based on approaches to personnel certification developed back in the Soviet years. At the same time, the development of these states as independent determines the emergence of new vectors of functioning of internal affairs bodies (police). In Western European countries, personnel assessment is carried out on the basis of comparing the results of tasks performed with specially developed standards for each specific position, and the so-called competency-based approach. Certain methods, taking into account the peculiarities of regulating service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, can be selectively borrowed as positive experience, adapted and introduced into domestic practice.

деляет появление новых векторов функционирования органов внутренних дел (полиции). В западноевропейских странах оценка персонала осуществляется на основе сравнения результатов выполняемых задач со специально разрабатываемыми эталонами по каждой конкретной должности так называемого компетентностного подхода. Отдельные методики с учетом особенностей регулирования прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации могут избирательно заимствоваться в качестве положительного опыта, адаптироваться и внедряться в отечественную практику.

Ключевые слова: оценка персонала; профессиональная пригодность; аттестация; органы внутренних дел; правоохранительные органы; полиция; зарубежный опыт.

Keywords: personnel assessment; professional suitability; certification; internal affairs bodies; law enforcement agencies; police; foreign experience.

Современные государства, реализующие среди прочих правоохранительную функцию, направленную на поддержание правопорядка [9], защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, трудно себе представить без наличия системы соответствующих органов. В зависимости от регионов и конкретных стран к числу таких органов относятся различные ведомства и муниципальные службы, которые в обобщенном виде можно именовать органами внутренних дел (полицией).

Эффективность работы органов внутренних дел (полиции), как и любой структуры, напрямую зависит от качества кадрового состава персонала. В связи с этим на уровне государства, а также на уровне самих государственных органов к личным и деловым качествам сотрудников повсеместно предъявляется ряд требований, соответствие которым определяется как на стадии поступления на службу (работу), так и в период ее прохождения.

В органах внутренних дел Российской Федерации основным элементом системы оценки результатов служебной деятельности сотрудников в период прохождения службы является аттестация¹. Анализ научной литературы, посвященной вопросам аттестации, показывает, что к числу проблемных вопросов совершенствования процедуры ее проведения относятся минимизация субъективного фактора, выработка и внедрение в кадровую работу четко сформу-

лированных критериев оценки результатов служебной деятельности и личности сотрудников.

Учитывая изложенное, целесообразным представляется обращение к зарубежному опыту ведения кадровой работы и выделению среди иностранных практик передовых технологий оценки деятельности личного состава силовых (полицейских) ведомств, определению возможности их внедрения в отечественную правовую систему. В этом отношении «осмысление зарубежного опыта во многом способствует расширению знаний о формах и методах кадрового обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации» [5, с. 137]. При этом следует иметь в виду, что принципы комплектования, организации и деятельности правоохранительных органов любого государства во многом зависят от политического, социально-экономического строя [10, с. 117]. Таким образом, внедрение положительного иностранного опыта возможно только в том случае, если он отвечает реалиям развития российского государства.

Иностранные государства, опыт проведения аттестации либо аналогичных процедур в которых будет рассмотрен ниже, представлены двумя основными блоками – странами постсоветского пространства и иными государствами. К числу первых относятся государства, образовавшиеся после распада СССР, правовое регулирование прохождения службы в органах внутренних дел которых во многом схоже с российским, но отличается своей национальной спецификой (например, республики Беларусь и Казахстан). Подробно остановимся на организационных и правовых основах проведения аттестации в этих республиках, являющихся государствами – участниками Содружества Не-

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ: принят Гос. Думой 17 нояб. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 25 нояб. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

зависимых Государств и членами Евразийского экономического союза.

Исследование белорусской правовой базы представляет интерес и отличается актуальностью еще и в свете формирования Союзного государства. В Республике Беларусь органы внутренних дел встроены в систему республиканского министерства. В их состав входит милиция, осуществляющая функции борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности.

В соответствии с Положением о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь аттестация белорусских милиционеров² по общему правилу носит периодичный характер и проводится один раз в пять лет. Прохождению аттестации не подвергаются беременные женщины и сотрудники, прослужившие в занимаемой должности менее одного года.

Отличительной особенностью внеочередной аттестации является то, что она проводится только по одному единственному основанию — при рассмотрении вопроса о назначении сотрудника, имеющего недостаточную квалификацию, на нижестоящую должность.

В Белоруссии, также как и в России, отсутствует легальное закрепление понятия «аттестация», в связи с чем в научной литературе высказываются мнения о необходимости его нормативного закрепления, а также об определении задач аттестации, ее видов, о расширении оснований для проведения внеочередной аттестации [2, с. 101], что позволит обеспечить контроль качества поставленных перед органами внутренних дел задач.

Отдельный нормативный правовой акт, регламентирующий проведение аттестации сотрудников милиции в Белоруссии, издан в 2012 г., и во многом повторяет правила, установленные в Российской Федерации в дореформенный период, органов внутренних дел. В связи с этим подчеркнуть значительный положительный опыт у данного государства не представляется возможным.

В следующем рассматриваемом государстве — Казахстан — руководство системой органов внутренних дел также осуществляет МВД, в ведении которого, наряду с иными правоохранительными структурами, находится и полиция.

Поэтому отличительной особенностью аттестации казахстанских полицейских является то, что процедура ее проведения одинакова для сотрудников всех правоохранительных орга-

нов, к которым относятся органы прокуратуры, внутренних дел, финансовой полиции, уголовно-исполнительной системы, государственной противопожарной службы, а также таможенные органы республики³. Аттестация проводится раз в три года для определения уровня профессиональной подготовки сотрудника, правовой культуры и способности работать с гражданами. В течение последних десяти лет в Республике Казахстан, кроме проведения очередной аттестации, дважды проводилась внеочередная аттестация, при этом если в 2012 г. она затронула всех сотрудников правоохранительных органов, то в 2019 г. аттестацию прошли только сотрудники полиции.

Аттестация сотрудников органов внутренних дел в Казахстане проводится в несколько этапов, включающих в себя подготовительный период, сдачу установленных нормативов по определению профессиональной пригодности, компьютерное тестирование на знание законодательства и логическое мышление, собеседование с аттестационной комиссией и вынесение решения. Такой порядок заслуживает внимания и может быть отражен в нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы проведения аттестации российских сотрудников, поскольку позволит не документально, а фактически выявить их уровень владения нормативной правовой базой, умение применять полученные знания и навыки в практической деятельности и определить уровень профессионализма в целом.

В части обеспечения принципа гласности в работе аттестационной комиссии могут принимать участие депутаты Парламента республики и маслихатов всех уровней, представители общественных объединений, заблаговременно подавшие письменное уведомление о желании участвовать в заседании комиссии в качестве наблюдателя. Таким образом, по сравнению с Российской Федерацией юридически данная процедура является более открытой для представителей общественности. Данное обстоятельство имеет как положительные, так и отрицательные свойства, поскольку придание большей роли представителям гражданского общества в ходе аттестации сотрудника может привести к дисбалансу между необходимостью учета мнения общественности и возложением на руководителя ответственности за принятые кадровые решения.

Рассмотрев специфику проведения аттестации в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), обра-

² О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p31200133> (дата обращения: 06.05.2024).

³ О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 янв. 2011 г. № 380-IV // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (дата обращения: 06.05.2024).

тимся к опыту европейских государств, в которых структура правоохранительных органов также не однородна.

Полицейские органы Франции представлены двумя ведомствами – Национальной полицией Франции, находящейся в ведении МВД, и Национальной жандармерией. В отличие от первой, осуществляющей охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, жандармерия имеет двойное подчинение, в том числе Министерству обороны, и выполняет задачи судебного конвоя и военной полиции. Национальная полиция действует в соответствии с инструкциями и уставами МВД, в то время как служба Национальной жандармерии регламентируется еще и документами Министерства обороны и Министерства юстиции.

Опыт оценки результатов служебной деятельности французских полицейских во многом интересен с точки зрения исключения фактора субъективизма. Так, в своем диссертационном исследовании С. Н. Шишкарев подробно рассматривает зависимость карьеры полицейского, то есть присвоения специального звания, продвижения по службе, связанного с возрастом денежного довольствия, с образованием, способностями, выслугой лет, результативностью профессиональной деятельности [10, с. 118]. Карьерный рост сотрудников полиции во Франции также зависит от опыта работы (срока службы), прохождения профессионального обучения и сдачи необходимых экзаменов.

Далее приведем траекторию карьеры лица, претендующего на должность комиссара полиции. Получить данную должность возможно при прохождении внешнего или внутреннего конкурса и через профессиональный путь.

Требования к кандидату, участвующему во внешнем конкурсе на замещение должности в полиции, во многом совпадают с требованиями, предъявляемыми к кандидатам на должность сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации. Так, кандидат должен иметь национальное гражданство; соответствующее образование; быть не судимым; возраст от 18 до 35 лет; отвечать установленным медицинским требованиям.

В ходе проводимого как внешнего, так и внутреннего конкурса кандидаты сдают квалификационные испытания, состоящие из экзаменов по общей культуре, административному праву, публичным свободам и законодательству ЕС, решения одного или нескольких практических дел по общему уголовному праву, специальному уголовному праву и уголовному процессу, а также проверки на разрешение практического случая; заполняют анкету об общих знаниях или текущих событиях, об институциональном

функционировании французской и европейской политики, обязанностях граждан, о функционировании полицейских служб; проходят физические испытания на выносливость и наличие двигательных навыков, письменные психологические тесты; участвуют в индивидуальных и коллективных испытаниях на выявление способностей работать самостоятельно и в команде, а также сдают устный экзамен по иностранному языку. Завершающим этапом является собеседование с жюри, помогающее, в том числе проверить мотивацию и способности кандидата.

Сотрудники из числа командного состава Национальной полиции Франции, имеющие звание капитана и семилетний стаж работы в возрасте не более 50 лет, могут получить повышение через профессиональный маршрут доступа, который включает в себя письменный тест, психологические тесты. Кроме того, кандидаты должны составить профессиональное досье, которое будет использоваться жюри во время устного собеседования.

После прохождения стажировки кандидатов ожидает собеседование перед Национальным жюри. Далее кандидаты, прошедшие конкурс, обучаются, после чего получают статус и назначаются на должности⁴.

Изучение опыта оценки кандидатов, претендующих на повышение по службе в современной Франции, свидетельствует о значительной роли квалификации и психологической устойчивости для решения кадровых вопросов.

Полиция Германии представлена совокупностью служб федеральных земель, а также федерального управления: Федеральная полиция, Федеральное управление уголовной полиции и полиции при Бундестаге Германии. Сотрудник полиции в Германии обладает особым статусом государственного служащего с иерархией из трех классов.

Большое количество должностей полиции Германии имеют профессиональные профили (психогаммы), которые были разработаны для аттестации сотрудников и проведения отборов на вышестоящие должности. Профессиональный профиль включает в себя многообразие компетенций, таких как личностные, социальные, методические, управленческие и др. Оценка уровня производится посредством бесед, наблюдений, анализа деятельности сотрудника и в присутствии непосредственного и главного руководителя [6, с. 67–71].

Основные познания, касающиеся процедуры отбора, профессиональной подготовки, ат-

⁴ Полиция Франции : офиц. сайт. URL: <http://www.police-nationale.net/commissaire-de-police/#concours-commissaire-police> (дата обращения: 06.05.2024).

тестации и расстановки кадров полиции Германии, связаны с проведенной в феврале 2011 г. поездкой представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации в Северный Рейн-Вестфалию, в ходе которой были изучены применяемые в полиции Германии кадровые процедуры. Учитывая стабильность правового регулирования, присущего романо-германской правовой системе в целом и Германии в частности, значимых изменений в рассматриваемой сфере деятельности за истекший период не произошло⁵.

Как справедливо отмечает В. В. Набиев, продвижение по службе и карьерный рост госслужащего в Германии связаны с выполнением детально регламентированных условий, которые различны для разных уровней и категорий службы. По общепринятому правилу для повышения по должности государственный служащий должен сдать экзамен. Для каждой должности установлены определенные требования к уровню образования кандидата. Периодичность проведения аттестации составляет один раз в три года [8, с. 185].

Аттестации подлежат все полицейские и правительственные служащие. Очередная аттестация не проводится в отношении сотрудников аппарата МВД и сотрудников предпенсионного возраста (в течение шести лет до наступления пенсии). Вместе с тем для сотрудников, замещающих должности высшего звена, в исключительных случаях могут проводиться внеочередные аттестации.

Особенности проведения аттестации в полиции земли Северный Рейн-Вестфалия зависят от места замещаемой должности в тарифной сетке. Аттестацию среднего состава полиции в территориальных подразделениях составляет непосредственный руководитель, а утверждает начальник управления, на сотрудников, замещающих высшие должности, подготавливает начальник управления, а утверждает руководитель Министерства, при этом ее проведение осуществляется в специальном органе — Земельное ведомство по профессиональной подготовке, повышению квалификации и кадрам полиции [3, с. 134].

Руководитель управления оценивает персонал по пятибалльной системе от «плохо» до «очень хорошо», более того, каждого сотрудника — в сравнении с другими. Оценка должна быть обоснована, притом существуют ограничения по выставлению высших оценок: не более 10 % — пятерки и не более 20 % — четверки. В случае равенства оценок учету подлежат результаты предыдущей аттестации, стаж работы,

результаты обучения, а также такой критерий, как срок ожидания повышения [4, с. 34].

Изучение опыта аттестации в Германии свидетельствует об использовании при оценке деятельности сотрудника полиции компетентного подхода, при котором в основу оценки заложено установление соответствия деятельности сотрудника эталонным характеристикам.

Интересным представляется опыт Финляндии по назначению и оценке сотрудников полиции. Полицейские служащие в Финляндии являются государственными служащими, деятельность которых, наряду с Конституцией страны, регламентируется законом о государственной службе. Конституция Финляндии закрепляет основные требования к государственным служащим, к которым в первую очередь относятся квалификация, способности и доказанные государственные заслуги, при этом заслуги могут быть как деловыми, так и политическими⁶. Кроме того, они должны являться гражданами республики и владеть одним из двух государственных языков [1, с. 73].

К политическим заслугам относятся участие в деятельности политических партий, работа на партийных должностях либо в профсоюзных организациях. Деловые заслуги включают в себя образование, профессионализм, имеющиеся управленческие способности, опыт работы, грамотность, коммуникабельность, способность к саморазвитию.

Учитывая большую популярность профессии полицейский в Финляндии, невысокую численность его состава (около 11 тыс., из которых полицейских примерно 7,3 тыс.), полиция имеет низкий уровень некомплекта и ротации соответственно. Следует отметить, что ежегодно на обучение профессии «полицейский» принимаются всего около 400 чел., которые по его окончании самостоятельно решают вопрос своего трудоустройства [7, с. 99—113], что обусловило отсутствие в полиции Финляндии процедуры оценки деятельности полицейских схожей по своей правовой природе с аттестацией сотрудников.

Вместе с тем необходимо отметить обязанность полицейского проходить один раз в два года проверку состояния здоровья (психологическое тестирование) и физической подготовки, осуществляемую сторонней организацией, действующей на основании заключенного договора. Для не прошедшего проверку сотрудника составляется специальная индивидуальная программа улучшения физической и психической формы, по результатам прохождения которой осуществляется повторная сдача нормативов.

⁵ Полиция Германии : офиц. сайт. URL: https://www.bundespolizei.de/Web/DE/_Home/_home_node.html (дата обращения: 06.05.2024).

⁶ Конституция Финляндии (Финляндской Республики) от 11 июня 1999 г. № 731/1999. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=139> (дата обращения: 06.05.2024).

Уместным для применения в органах внутренних дел Российской Федерации представляется финский опыт по проведению оценки психологического состояния полицейских, что позволит минимизировать случаи прохождения службы психологически неустойчивыми сотрудниками.

Таким образом, изучение отечественного и зарубежного опыта аттестации позволяет выявить тенденции формирования требований к кандидатурам сотрудников органов внутренних дел (полиции), определить предпосылки для легального закрепления понятия «аттестация сотрудников органов внутренних дел», познать закономерности организационно-правового механизма аттестации, а также разработать научно обоснованные рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов.

Список литературы:

1. *Болдырева Е. Л.* Социально-политическая система стран Северной Европы : учеб. пособие. СПб., 2004. 100 с.
2. *Дегонский С. Ю.* К вопросу об аттестации сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 1 (8). С. 96–102.
3. *Душкин А. С.* Компетентностный подход в кадровой политике полицейских структур зарубежных стран // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 132–143.
4. *Душкин А. С., Пряхина М. В., Мартиросова Н. В.* Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода : моногр. СПб., 2012. 136 с.
5. *Кофтина Ю. Н.* Организация замещения должностей государственной правоохранительной службы за рубежом. Конкурсный отбор // Закон и право. 2019. № 4. С. 137–139.
6. *Кочкина О. В., Каштанова А. О.* Зарубежный опыт кадрового обеспечения полиции Федеративной Республики Германия // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России / под общ. ред. Е. В. Сенатовой. Рязань, 2022. С. 67–71.
7. *Кулик О. В., Долгошеин П. С.* Процедура отбора кандидатов на службу в полицию в Российской Федерации и Финляндской Республике (сравнительно-правовой анализ) // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 99–113.

Резюмируя вопросы оценки персонала органов внутренних дел зарубежных стран, можно сделать вывод, что в бывших республиках Советского союза система оценки кадров правоохранительных органов основывается на выработанных еще в советские годы подходах к аттестации личного состава с составлением характеристики непосредственным руководителем, рассмотрением аттестации аттестационными комиссиями и принятием уполномоченным руководителем решения по результатам аттестации и близка со сложившейся в России процедурой оценки, тогда как в западноевропейских странах она осуществляется на основе сравнения имеющихся результатов выполняемых задач со специально разрабатываемыми эталонами по каждой конкретной должности так называемого компетентностного подхода.

References:

1. *Boldyрева E. L.* Social'no-politicheskaya sistema stran Severnoy Evropy : ucheb. posobie. SPb., 2004. 100 s.
2. *Degonsky S. Yu.* On the issue of certification of employees of internal affairs bodies of the Republic of Belarus // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (8). S. 96–102.
3. *Dushkin A. S.* Competence approach in personnel policy of police structures of foreign countries // Applied legal psychology. 2013. № 3. S. 132–143.
4. *Dushkin A. S., Pryahina M. V., Martirosova N. V.* Professiograficheskoe opisanie osnovnyh vidov deyatel'nosti v sisteme MVD Rossii na osnove kompetentnostnogo podhoda : monogr. SPb., 2012. 136 s.
5. *Koftina Yu. N.* Organizaciya zameshcheniya dolzhnostej gosudarstvennoj pravoohranitel'noj sluzhby za rubezhom. Konkursnyy otbor // Zakon i pravo. 2019. № 4. S. 137–139.
6. *Kochkina O. V., Kashtanova A. O.* Zarubezhnyy opyt kadrovogo obespecheniya policii Federativnoj Respubliki Germaniya // Administrativnaya deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 20-letiyu kafedry administrativnogo i finansovogo prava Akademii FSIN Rossii / pod obshch. red. E. V. Senatovoj. Ryazan', 2022. S. 67–71.
7. *Kulik O. V., Dolgoshein P. S.* The procedure for selecting candidates for police service in the Russian Federation and the Finnish Republics (comparative legal analysis) // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3 (55). S. 99–113.

8. *Набиев В. В.* О зарубежном опыте приема на службу и аттестации государственных служащих // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 184–188.
9. *Раков К. А.* Современный правопорядок. Формальные и содержательные основания : моногр. М., 2023. 120 с.
10. *Шишкарёв С. Н.* Полицейская система Франции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 166 с.
8. *Nabiev V. V.* On foreign experience in hiring and certifying civil servants // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. S. 184–188.
9. *Rakov K. A.* Sovremennyy pravoporyadok. Formal'nye i sodержatel'nye osnovaniya : monogr. M., 2023. 120 s.
10. *Shishkarev S. N.* Policejskaya sistema Francii : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 166 s.

Для цитирования:

Золотова Елена Владимировна. О зарубежном опыте оценки результатов служебной деятельности (аттестации) сотрудников органов внутренних дел (полиции) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 99–106.

For citation:

Zolotova Elena Vladimirovna. On Foreign Experience in Evaluating the Results of Official Activity (Certification) of Employees of Internal Affairs Bodies (Police) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №. 2 (70). P. 99–106.

Редкоус Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д.10

ORCID 0000-0002-2585-6388

E-mail: rwmмос@rambler.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые (государственно-
правовые) науки

УДК 342

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-107-116

Дата поступления статьи: 7 марта 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах – участниках СНГ

Using Foreign Experience in Order to Prepare Strategic Planning Documents in the Field of Public Safety in the CIS Member States

Аннотация

Актуальность исследования: в современных условиях резко возросла значимость сферы обеспечения общественной безопасности для успешной реализации как общих задач государственного управления, так и задач, обусловленных необходимостью обеспечения защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В этих целях необходимо разработать и утвердить документы стратегического планирования в области обеспечения общественной безопасности, учитывающие положительный зарубежный опыт в рассматриваемой области.

Постановка проблемы: как показывает практика, действенность и эффективность обес-

Vladimir Mihajlovich Redkous,
Doctor of Law, Professor,
Leading Researcher in the Sector
of Administrative Law and Administrative
Procedure,
The Institute of State and Law
of The Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenka St., 10

ORCID 0000-0002-2585-6388

E-mail: rwmмос@rambler.ru

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Abstract

Relevance of the study: in modern conditions, the importance of the sphere of public safety has sharply increased for the successful implementation of both general tasks of public administration and tasks conditioned by the need to ensure the protection of man and citizen, material and spiritual values of society from criminal and other illegal encroachments, social and interethnic conflicts, as well as from natural and man-made emergencies. To this end, it is necessary to develop and approve strategic planning documents in the field of public safety, taking into account the positive foreign experience in the field under consideration.

Problem statement: as practice shows, the effectiveness and efficiency of ensuring all types of national security largely depends on the quality of strategic planning documents adopted and implemented, which proclaim the goals, objectives and principles of state policy in a particular area of

печения всех видов национальной безопасности во многом зависит от качества принятых и реализуемых документов стратегического планирования, в которых провозглашаются цели, задачи и принципы государственной политики в той или иной области обеспечения национальной безопасности, формулируется система угроз безопасности, определяются основные направления деятельности уполномоченных органов публичной власти, иных органов и организаций по обеспечению безопасности определенно-го вида на основе законодательства страны, а также ожидаемые результаты реализации документа стратегического планирования. С момента утверждения Президентом России 20 ноября 2013 г. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации прошло уже более 10 лет, официально она опубликована не была, что заметно снизило ее регулирующие возможности. С учетом это в научном сообществе разрабатываются предложения по ее совершенствованию. Результаты сравнительно-правового исследования концептуальных документов в области обеспечения общественной безопасности в государствах – участниках СНГ позволят выработать предложения, направленные на совершенствование Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, что в свою очередь повысит эффективность обеспечения общественной безопасности, в том числе и в деятельности органов внутренних дел нашей страны.

Цель исследования: совершенствование подходов к разработке документов стратегического планирования в области обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации с учетом положительного опыта государств – участников СНГ.

Методы исследования: диалектика, общие и частные методы юридических наук, сравнительное правоведение.

Результаты и ключевые выводы: в современных условиях при обеспечении общественной безопасности как важнейшего вида национальной безопасности необходимо опираться на научно обоснованные, своевременно подготовленные, утвержденные и официально опубликованные документы стратегического планирования. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации частично перестала отвечать данным требованиям. В целях ее совершенствования применимо использование положительного зарубежного опыта, что позволит уточнить основные, базовые понятия в области обеспечения общественной безопасности, более четко вычленив угрозы общественной безопасности, определить направления деятельности уполномоченных органов по их выявлению, предупреждению и пресечению.

national security, formulate a system of security threats, determine the main activities of authorized public authorities, other bodies and security organizations of a certain type based on the legislation of the country, as well as the expected results of the implementation of the strategic planning document. More than 10 years have passed since the President of Russia approved the Concept of Public Safety in the Russian Federation on November 20, 2013, and it has not been officially published, which significantly reduced its regulatory capabilities. With this in mind, proposals for its improvement are being developed in the scientific community. The results of a comparative legal study of conceptual documents in the field of public safety in the CIS member states will allow us to develop proposals aimed at improving the Concept of public safety in the Russian Federation, which in turn will increase the effectiveness of public safety, including in the activities of the internal affairs bodies of our country.

The purpose of the study is to improve approaches to the development of strategic planning documents in the field of public safety in the Russian Federation, taking into account the positive experience of the CIS member states.

Research methods: dialectics, general and particular methods of legal sciences, comparative law.

Results and key conclusions: in modern conditions, when ensuring public safety as the most important type of national security, it is necessary to rely on scientifically sound, timely prepared, approved and officially published strategic planning documents. The concept of public safety in the Russian Federation has partially ceased to meet these requirements. In order to improve it, the use of positive foreign experience is applicable, which will clarify the basic, basic concepts in the field of public safety, more clearly identify threats to public safety, determine the activities of authorized bodies to identify, prevent and suppress them. It is shown that the use of foreign experience in improving conceptual documents in the field of public safety goes in the following directions: limiting opportunities for committing crimes; risk assessment and interagency partnership; reduction of harm from crime by providing full-fledged assistance to the victim, as well as benefits; implementation of innovative policing strategies. The strengthening of the preventive component in the activities of authorized bodies for the prevention of offenses in the field of public safety should be highlighted as one of the main trends in improving conceptual documents in this area.

Показано, что использование зарубежного опыта в совершенствовании концептуальных документов в области обеспечения общественной безопасности идет по следующим направлениям: ограничение возможностей для совершения преступлений; оценка рисков и межведомственное партнерство; снижение вреда от преступлений путем оказания полноценной помощи жертва, а также выгоды; внедрение инновационных стратегий полицейской деятельности. Усиление профилактической составляющей в деятельности уполномоченных органов по предупреждению совершения правонарушений в сфере общественной безопасности следует выделить как одну из магистральных тенденций совершенствования концептуальных документов в данной области.

Ключевые слова: национальная безопасность; обеспечение национальной безопасности; дорожная карта; стратегическое планирование; государства – участники СНГ; оценка рисков; межведомственное партнерство; инновационные стратегии; полицейская деятельность; профилактика преступлений и иных правонарушений.

Keywords: national security; ensuring national security; roadmap; strategic planning; CIS member states; risk assessment; interagency partnership; innovative strategies; policing; prevention of crimes and other offenses.

Эффективность обеспечения национальной безопасности в целом, а также общественной безопасности как ее вида во многом зависит от степени урегулированности общественных отношений в названных областях государственного управления, государственной деятельности, которая во многом определяется разработанностью правовой основы обеспечения национальной безопасности. Современные научные подходы позволяют рассматривать правовую основу обеспечения национальной безопасности как совокупность «взаимосвязанных, внутренне согласованных основополагающих нормативных правовых актов, содержащих юридические принципы и нормы, направленные на правовое регулирование общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности России с целью их упорядочения, охраны и развития в соответствии с общественными потребностями» [11, с. 104]. Обеспечение общественной безопасности – такая же важнейшая общественная потребность, как и обеспечение национальной безопасности, при этом можно сделать вывод, что роль обеспечения общественной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности неуклонно повышается под влиянием как действующих, так и постоянно возникающих угроз общественной безопасности. Высшее руководство Российского государства придавало и придает

важнейшее значение обеспечению национальной безопасности страны. Не стало исключением Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г.¹ (далее – Послание), содержание которого применительно к обеспечению национальной безопасности в целом, по мнению автора, можно описать фразой «обеспечение национальной безопасности через всестороннее прогрессивное развитие Российской Федерации», что всецело коррелируется и согласуется с определением национальной безопасности, данным в п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.²

И пусть в своем Послании от 29 февраля 2024 г. В. В. Путин не упомянул сам термин «обеспечение общественной безопасности», однако все озвученные Президентом страны меры, направленные на развитие человека, общества и государства, будут способствовать обеспечению общественной безопасности в том ее понимании, которое закреплено в Концеп-

¹ Послание Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февр. 2024 г. // НПП «Гарант-Сервис»: сайт. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1686177/> (дата обращения: 01.03.2024).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

ции общественной безопасности в Российской Федерации (далее – Концепция), где под общественной безопасностью понимается «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»³.

Концепция включает разделы, названия которых позволяют судить как о характере структурированности материала, так и о содержательной части данного документа. В структуре Концепции раздел I традиционно посвящен общим положениям; раздел II – основным источникам угроз общественной безопасности; в разделе III нашли отражение цели обеспечения общественной безопасности, а также задачи и принципы ее обеспечения; в разделе IV – основные направления деятельности по обеспечению общественной безопасности; в разделе V – механизмы реализации; в разделе VI определены этапы реализации Концепции; а раздел VII включает ожидаемые результаты ее реализации. В принципе, достаточно оптимальная компоновка материала, однако анализ аналогичных документов, принятых в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), покажет ряд направлений совершенствования ее структуры.

В юридической литературе справедливо указывается на необходимость совершенствования Концепции, предложены многочисленные и заслуживающие безусловного внимания меры по ее совершенствованию [2; 3; 4; 5; 6; 7], однако анализ ее содержания свидетельствует о достаточно высоком качестве подготовленного в свое время документа, не исчерпавшего свои регулирующие возможности вплоть до настоящего времени. С. И. Гирько, исследовав в одной из своих последних работ понятийный аппарат общественной безопасности, делает вывод, что «в современных условиях понятийный аппарат общественной безопасности, сформированный при разработке Концепции <...> продолжает сохранять свою актуальность и может рассматриваться в качестве базового при разработке законодательных актов в сфере общественной безопасности, что, в свою очередь, позволит сохранять доктринальные позиции ученых и не приведет к их утрате» [5, с. 32].

Существенный недостаток Концепции – ее неопубликованность в официальном порядке, как того требуют положения Указа Президента

Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763⁴. Это заметно снижает ценность Концепции как юридического документа и регулирующие возможности, связанные с апеллированием к ее положениям. Поэтому при принятии новой Концепции общественной безопасности в Российской Федерации необходимо четкое соблюдение всех процедурных вопросов, связанных с ее официальным опубликованием в соответствии с установленным порядком.

Анализ правовой основы обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ показывает, что в ней содержатся нормативные правовые акты законодательного и подзаконного уровня, регламентирующие различные вопросы обеспечения и национальной безопасности в целом, и общественной безопасности. Так, например, Законом Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-III «О национальной безопасности» в ст. 8.3 закреплено, что общественная безопасность, так же как и безопасность личности и государственная безопасность, являются целями обеспечения национальных интересов Азербайджана. В п. 8.3.2 рассматриваемого Закона общественная безопасность определена как «защищенность жизненно важных интересов и потребностей азербайджанского народа, а также системы общественных ценностей от посягательств и угроз»⁵.

Законом Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» закреплено определение общественной безопасности как вида национальной безопасности, представляющей собой «состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, духовно-нравственных ценностей казахстанского общества и системы социального обеспечения от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается целостность общества и его стабильность»⁶.

Не обойден вниманием вопрос общественной безопасности и в законодательстве Украины. Закон Украины от 21 июня 2018 г. № 2469-VIII «О национальной безопасности Украины» определяет общественную безопасность и порядок как «защищенность жизненно важных для

⁴ О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Рос. Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ О национальной безопасности : Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-III (ст. 8.3). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7431&ysclid=lx8shtidf9681306155 (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ О национальной безопасности Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 6 янв. 2012 г. № 527-IV (ст. 4). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/documents/details/685?lang=ru&ysclid=lx8slgj5b1380514543> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 20 нояб. 2013 г. // НПП «Гарант-Сервис» : сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70425172/> (дата обращения: 01.03.2024). Документ официально опубликован не был.

общества и личности интересов, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение которых является приоритетной задачей деятельности сил безопасности, других государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц и общественности, которые осуществляют согласованные меры по реализации и защите национальных интересов от воздействия угроз»⁷.

Определение общественной безопасности мы находим и в законодательстве Республики Таджикистан. Так, Законом Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. № 721 «О безопасности»⁸ в ст. 1 закреплено, что «общественная безопасность — политико-правовая, духовно-нравственная и социальная защищенность жизни, здоровья и благополучия граждан Таджикистана, а также ценностей общества от возможных опасностей и угроз, способных нанести им ущерб». В ст. 20 данного Закона приводится перечень мер, направленных на обеспечение общественной безопасности.

Закон Киргизской Республики от 26 февраля 2003 г. № 44 «О национальной безопасности»⁹ определения общественной безопасности не дает, сам термин в рассматриваемом Законе не используется. Однако это совсем не говорит о том, что в Киргизской Республике ее не существует и она никак не обеспечивается.

В Республике Молдова Концепция национальной безопасности Республики утверждена Законом от 22 мая 2008 г. № 112-XVI¹⁰, то есть документу стратегического планирования, каким по праву является названная Концепция, придана сила закона со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, анализ законодательств государств — участников СНГ показывает, что самостоятельного законодательного акта, посвященного обеспечению общественной безопасности, в их государствах нет. Определения общественной безопасности и меры по ее обеспечению устанавливаются преимущественно законами о национальной безопасности (законами о безопасности) государств — участников СНГ. Также наблюдается относительное единство взглядов законодателей данных государств по вопросу определения общественной

безопасности как самостоятельного вида национальной безопасности. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что понятие «общественная безопасность» как вид национальной безопасности нашла свое место в правовых системах государств — участников СНГ и получила соответствующее содержательное наполнение.

Рассмотрим имеющиеся знания использования зарубежного опыта в целях концептуального закрепления вопросов обеспечения общественной безопасности.

В этом плане на правовом пространстве СНГ соответствующие концептуальные документы были утверждены в Республике Узбекистан: Концепция общественной безопасности Республики Узбекистан (далее — Концепция Республики Узбекистан) от 29 ноября 2021 г., Стратегия развития системы обеспечения общественной безопасности в Республике Узбекистан на 2022–2025 годы; «Дорожная карта» по реализации в 2022 году Стратегии развития системы обеспечения общественной безопасности в Республике Узбекистан на 2022–2025 годы (далее — «Дорожная карта»). Также в приложении № 4 к Указу Президента Республики Узбекистан от 29 ноября 2021 г. № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» утвержден Перечень задач, возложенных на инспекторов по профилактике органов внутренних дел¹¹.

Отметим, что в п. 1 рассматриваемого Указа говорится о том, что все вышеназванные документы утверждены «на основе передового зарубежного и национального опыта по обеспечению общественной безопасности и направлены на гарантированную защиту населения от любых угроз»¹². А в п. 22 Концепции Республики Узбекистан сказано, что «посредством реализации Концепции <...> будет еще более усовершенствовано законодательство в сфере обеспечения общественной безопасности, устранены имеющиеся правовые пробелы и коллизии, внедрены международные правовые стандарты и передовой зарубежный опыт с учетом национальных особенностей и условий»¹³, то есть использование зарубежного опыта, пусть и самого передового, будет осуществляться с учетом национальных особенностей и условий, что, по нашему мнению, очень верно.

⁷ О национальной безопасности Украины : Закон Украины от 21 июня 2018 г. № 2469-VIII (ст. 4). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35349670 (дата обращения: 01.03.2024).

⁸ О безопасности : Закон Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. № 721(ст. 1). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038753 (дата обращения: 04.03.2024).

⁹ О национальной безопасности : Закон Киргизской Республики от 26 февр. 2003 г. № 44. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30281749 (дата обращения: 04.03.2024).

¹⁰ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 22 мая 2008 г. № 112-XVI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31074395 (дата обращения: 04.03.2024).

¹¹ О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан : Указ Президента Республики Узбекистан от 29 нояб. 2021 г. № УП-27. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5749295> (дата обращения: 04.03.2024).

¹² Там же.

¹³ Концепция общественной безопасности Республики Узбекистан. URL: https://nrm.uz/content/?doc=676806_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lx8wh31gko138087671 (дата обращения: 04.03.2024).

Однако заметим, что бездумное копирование зарубежного опыта недопустимо ни для одного государства, так как оно может только навредить. Россия прошла данную стадию развития отечественной правовой системы в 90-е гг. XX в., и отдельные негативные последствия ощущаются вплоть до настоящего времени. Международные и зарубежные правоохранительные институты не стоят идеализации, справедливо отмечают И. В. Важенина и А. В. Богданов. Только с учетом внимательного и всестороннего изучения, понимания исторических условий их возникновения и формирования, оценки социокультурного контекста их существования и серьезнейшего анализа с точки зрения возможности их адаптации в условиях страны-реципиента можно сделать вывод о возможности и необходимости их заимствования [1, с. 4].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 г. № 1233 утверждена Концепция обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы (в сфере профилактики правонарушений)¹⁴ (далее – Концепция Республики Казахстан), которая является положительным примером использования зарубежного опыта при подготовке концептуальных документов в области обеспечения общественной безопасности.

Данная Концепция содержит следующие разделы: раздел 1 – Паспорт Концепции; раздел 2 называется «Введение»; раздел 3 посвящен обзору международного и зарубежного опыта; в разделе 4 представлено видение развития системы обеспечения общественной безопасности Республики Казахстан; в разделе 5 определены основные принципы и подходы к обеспечению общественной безопасности; в разделе 6 закреплены целевые индикаторы и ожидаемые результаты; в разделе 7 определен план действий по реализации Концепции. Необходимо подчеркнуть, что современный этап социально-экономического развития страны требует трансформации действующего механизма взаимодействия субъектов профилактики правонарушений с учетом потенциальных рисков для общественной безопасности, выраженных в возможности нанесения ущерба правам и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества.

Раздел 3 Концепции Республики Казахстан так и называется «Обзор международного опыта». Отмечено, что в международной практике в последние десятилетия произошли су-

щественные изменения в подходах к предупреждению преступности. Доказано, что более эффективно и выгодно для общества предпринимать коллективные и упреждающие действия в этой сфере, чем закреплять эту функцию только за полицией. Этот подход нашел отражение в стратегических документах Австралии, Великобритании, Норвегии, Финляндии, Сингапура и иных развитых странах. Они характеризуются высоким уровнем защиты населения от преступности, доверия к полиции (90 %), а также партнерства с обществом в сфере профилактики правонарушений.

Анализ опыта вышеназванных государств показывает, что современные стратегии профилактики правонарушений основываются на научно доказанных данных о ключевых факторах, влияющих на преступность, воздействие на которые позволит повысить уровень безопасности в стране. С учетом этого для повышения эффективности системы профилактики правонарушений в Республике Казахстан представляются применимыми следующие доказанные опытом практики: 1) ограничение возможностей для совершения преступлений; 2) оценка рисков и межведомственное партнерство; 3) снижение вреда от преступлений путем оказания полноценной помощи жертвам; 4) снижение выгоды от преступлений; 5) внедрение инновационных стратегий полицейской деятельности. Рассмотрим выделенные практики подробнее.

1. Ограничение возможностей для совершения преступлений. Так, например, в странах Европейского союза, Великобритании и Кореи практикуется «профилактика преступлений через градостроительное проектирование» (далее – CPTEd). В этих странах требования по защите от преступных посягательств проектируемых объектов закреплены в национальном законодательстве.

В архитектурной, градостроительной и строительной деятельности действуют соответствующие стандарты CPTEd (ISO-22341), предусматривающие принципы, элементы и механизмы (в том числе наличие видеоканалов, освещения, сигнализаций, специальных устройств, проектирование входа и выхода, лестниц, лифтов, дворов и др.), в зависимости от предназначения объектов. Они направлены как на техническую укрепленность, так и обеспечение видимости контролируемых точек, особенно в общественных местах.

Таким образом, затруднена сама возможность правонарушителем остаться незамеченным, что оказывает действенный профилактический эффект.

2. Оценка рисков и межведомственное партнерство. Применяемые в европейских странах

¹⁴ Об утверждении Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024–2028 годы (в сфере профилактики правонарушений). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233> (дата обращения: 04.03.2024).

методики оценки риска способствуют оказанию своевременной комплексной помощи жертвам бытового насилия и предотвращению негативных последствий. Так, например, в ФРГ, Канаде применяется методика ODARA (оценка риска домашнего насилия в Онтарио); Канаде, США, Швеции – B-SAFER (руководство по оценке риска супружеского насилия); Австралии – CRAF (система оценки риска семейного насилия и управления рисками). Так, например, «ODARA» представляет собой анкету, которая была разработана канадским исследовательским отделом центра психического здоровья с целью дать возможность сотрудникам полиции, рассматривающим случаи насилия в близких социальных отношениях, оценить вероятность повторения насилия со стороны партнера. Опросник состоит из 13 вопросов и позволяет сделать соответствующий вывод [8].

Названные методики оценки риска позволяют путем тестирования определить вероятность перерастания семейных конфликтов в более тяжкие последствия. На этой основе выстраивается работа полиции и социальных служб, при этом сопровождается постоянно действующими механизмами межведомственного взаимодействия. К примеру, в Великобритании и Финляндии действуют межведомственные платформы по оценке риска MARAC, где каждый случай, имеющий высокий риск насилия, разбирается и обсуждается представителями различных государственных и общественных организаций для оказания соответствующей помощи.

3. Снижение вреда от преступлений путем оказания полноценной помощи жертвам. Данная стратегия является одним из основополагающих направлений в концепциях обеспечения общественной безопасности в развитых странах. Так, в Канаде и Великобритании предусмотрены кодексы по защите жертв преступлений, в которых закреплены их права, обязанности государственных органов, а также минимальные стандарты для организаций по оказанию соответствующих услуг. Для координации этой работы действуют официальные «защитники» – комиссары или омбудсмены. Социальные службы, имеющие специальных работников (victim care officers), оказывают бесплатную помощь жертвам преступлений независимо от подачи заявления в правоохранительные органы.

Учитывая особые потребности жертв сексуального насилия, в западных странах распространены различные модели реабилитационных программ, осуществляемых за счет средств государства. Например, в Скандинавских странах такие центры функционируют при медицинских учреждениях; в 14 странах Европейского союза созданы отдельные специализиро-

ванные центры; в Великобритании, Германии и Швейцарии они сосредоточены на региональном уровне; в Канаде – это широкая сеть центров помощи на местном уровне.

4. Снижение выгоды от преступлений. В международной практике исследования по рынкам сбыта краденного имущества показывают, что эффективными являются только комплексные стратегии, соединяющие научные данные, новые технологии и соответствующие бизнес-процессы по отслеживанию и реагированию со стороны правоохранительных органов. Так, например, в США (Калифорния) применяется программное обеспечение, обязательное для работы ломбардов и комиссионных магазинов («California Pawn & Secondhand Dealers System»). В нем предусмотрены функционал регистрации биометрических данных лиц, сдающих вещи, а также доступ полиции для мониторинга и анализа.

В Великобритании применяется маркировка сельскохозяйственного оборудования (ранее чаще всего подвергалось кражам). Одна из них – признанный треугольный знак CESAR с функцией трекера. Он облегчил идентификацию украденного оборудования, увеличивая шансы на его возврат. При этом некоторые страховые компании предоставляют скидки по полисам владельцам автомашин с такой маркировкой.

5. Внедрение инновационных стратегий полицейской деятельности. Современная полиция активно внедряет новые технологии в свою деятельность, что подразумевает не только новые гаджеты, но и внедрение инноваций в процесс решения оперативных задач. Примером таких технологий является внедрение западными странами концепции «доказательной полиции». Она, как и доказательная медицина, направлена на то, чтобы использовать научно подтвержденные методы анализа данных, позволяющие определить устойчивые взаимосвязи между факторами, влияющими на совершение правонарушений. Введение должности главного научного советника полиции Великобритании в 2021 г. подтверждает серьезность перехода к такой тактике.

Также заслуживает внимания опыт создания центров по доказательной профилактике в США (СЕВСП при Университете Джоджа Мейсона), Великобритании (центр по доказательным методам профилактики в Полицейском Колледже Великобритании – What Works Centre for Crime Reduction, College of Policing). Он основан на сотрудничестве вузов с полицией в проведении научно-прикладных исследований для выработки доказательств эффективности тех или иных мер профилактики и методов работы.

Все вышеуказанные подходы обобщены на международном уровне в рамках стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Отмечено, что внедрение их в Казахстане позволит перевести на качественно новый уровень деятельность по обеспечению безопасности и предупреждению правонарушений.

Таким образом, рассмотрение вопросов обеспечения общественной безопасности в зарубежных государствах тесно связано с проведением сравнительно-правовых исследований. О важной роли сравнительного правоведения говорят И. А. Андреева и Д. А. Матанцев, отмечая, что оно «находится на переднем крае развития современной юридической науки, является методологическим донором для юридических наук, привносит в юридическую мысль идеи понимания между народами, культурами, цивилизациями, дает возможность совершенствовать правовую систему России» [13, с. 5].

Следовательно, опыт государств – участников СНГ показывает возможность учета зарубежного опыта регламентации общественных отношений в области обеспечения общественной безопасности в национальных правовых системах. Этот фактор обязательно учитывался и учитывается в Российской Федерации, однако потребности обновления Концепции требуют усиления научной деятельности в рассматриваемой сфере. Единство подходов к опре-

делению общественной безопасности создает предпосылки для схождения правовых средств ее обеспечения, что должно способствовать взаимопроникновению правовых средств противодействия возникающим угрозам общественной безопасности.

В концептуальном документе, который придет на смену Концепции, необходимо оставить все лучшее, что обеспечило бы действенность ее на протяжении свыше 10 лет с момента утверждения. А также взять такое же «самое лучшее», что нам может предложить зарубежный опыт, в частности дополнить концептуальные положения стратегии развития системы обеспечения общественной безопасности на определенный срок, соответствующей «дорожной картой» по реализации закрепленных в концепции и стратегии положений, и т. д. [9; 10; 12].

Завершая данную статью, следует согласиться с выводом, сделанным С. И. Гирько, что «проблемы общественной безопасности и ее правовая регламентация в России уже переросли уровень Концепции, которая призвана заложить и сформировать парадигму общественной безопасности. Сегодня они уже настойчиво требуют своей правовой регламентации, закрепления своего глоссария, базовых дефиниций, понятийного аппарата единообразное восприятие которых востребовано сложившимися реалиями. Требуется разработка и принятие специального федерального закона об общественной безопасности в Российской Федерации» [4, с. 655–656].

Список литературы:

1. *Важенина И. В., Богданов А. В.* Организационно-правовые основы деятельности сил обеспечения внутренней безопасности зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2023. 98 с.
2. *Воронов А. М.* Концепция общественной безопасности: вопросы реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. Вып. 4 (26). С. 35–42.
3. *Воронов А. М., Ананьев В. А., Зубова М. В.* Общественная безопасность современной России: проблемы теории и практики обеспечения // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 15–23.
4. *Гирько С. И.* Об актуальности правового регулирования общественной безопасности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко [и др.]. СПб., 2023. С. 651–657.

References:

1. *Vazhenina I. V., Bogdanov A. V.* Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti sil obespecheniya vnutrennej bezopasnosti zarubezhnyh stran : ucheb. posobie. M., 2023. 98 s.
2. *Voronov A. M.* Concept of public safety: questions of realization // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Vyp. 4 (26). P. 35–42.
3. *Voronov A. M., Anan'ev V. A., Zubova M. V.* Public safety of modern Russia: problems of theory and practice of provision // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2 (62). P. 15–23.
4. *Gir'ko S. I.* Ob aktual'nosti pravovogo regulirovaniya obshchestvennoj bezopasnosti // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sb. st. po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshch. red. A. I. Kaplunova; sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko [i dr.]. SPb., 2023. S. 651–657.
5. *Gir'ko S. I.* Conceptual apparatus of public security – prospects for the preservation

5. Гирько С. И. Понятийный аппарат общественной безопасности – перспективы сохранения доктринальных позиций // Научный портал МВД России. 2023. № 4 (64). С. 27–33.
6. Кобзарь-Фролова М. Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.
7. Кобзарь-Фролова М. Н. О смене парадигмы об административно-правовом отношении под влиянием обновленной Конституции (тезисы) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко [и др.]. СПб., 2023. С. 20–27.
8. МВД апробирует новые методики защиты женщин от насилия. URL: <https://sotreport.kz/news/mvd-aprobiruet-novye-metodiki-zashchity-zhenshhin-ot-nasiliya/> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.
10. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности / В. А. Милёхин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.] : учеб. : в 2 ч. М., 2023. Ч. 1. 360 с.
11. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : моногр. / Ю. И. Авдеев, С. В. Аленкин, В. В. Алешин [и др.]. М., 2017. 512 с.
12. Редкоус В. М. О необходимости актуализации сравнительно-правовых исследований законодательного обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Ю. Е. Аврутина в связи с 75-летием со дня рождения. СПб., 2022. С. 613–620.
13. Сравнительное правоведение : учеб. пособие / И. А. Андреева, Д. А. Матанцев. М., 2021. 96 с.
- of doctrinal positions // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (64). P. 27–33.
6. Kobzar'-Frolova M. N. Administrative legal relationship: evolution of views on the concept and essence // State and Law. 2022. № 4. P. 90–102.
7. Kobzar'-Frolova M. N. O smene paradigmy ob administrativno-pravovom otnoshenii pod vliyaniem obnovlennoj Konstitucii (tezisy) // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sb. st. po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshch. red. A. I. Kaplunova; sost.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko [i dr.]. SPb., 2023. S. 20–27.
8. MVD aprobiruet novye metodiki zashchity zhenshhin ot nasiliya. URL: <https://sotreport.kz/news/mvd-aprobiruet-novye-metodiki-zashchity-zhenshhin-ot-nasiliya/> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
9. Review of the II All-Russian Research and Practical Conference “Legal Support of National Security. In the memory of A. A. Prokhozhev” (RANEPА, Moscow, April 21, 2023) / O. F. Akbashev, K. V. Alekseev, V. P. Berkut [i dr.] // Transport law and security. 2023. № 4 (48). P. 158–191.
10. Organizaciya ohrany obshchestvennogo poriyadka i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti / V. A. Milyohin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevcov [i dr.] : ucheb. : v 2 ch. M., 2023. Ch. 1. 360 s.
11. Pravovaya osnova obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : monogr. / Yu. I. Avdeev, S. V. Alenkin, V. V. Aleshin [i dr.]. M., 2017. 512 s.
12. Redkous V. M. O neobходимosti aktualizacii sravnitel'no-pravovyh issledovaniy zakonodatel'nogo obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v gosudarstvah – uchastnikah SNG // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : sb. st. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. конф., posvyashchennoj pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zaslužhennogo yurista Rossijskoj Federacii Yu. E. Avrutina v svyazi s 75-letiem so dnya rozhdeniya. SPb., 2022. S. 613–620.
13. Sravnitel'noe pravovedenie : ucheb. posobie / I. A. Andreeva, D. A. Matancev. M., 2021. 96 s.

Для цитирования:

Редкоус Владимир Михайлович. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах – участниках СНГ // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 107–116.

For citation:

Redkous Vladimir Mihajlovich. Using Foreign Experience in Order to Prepare Strategic Planning Documents in the Field of Public Safety in the CIS Member States // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 107–116.

ТРИБУНА

молодого ученого

Баринаева Елена Дмитриевна,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
Ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: elena.barinova.1998@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.12

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-117-123

Дата поступления статьи: 19 марта 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Теоретико-правовое осмысление понятия и предмета правовых ожиданий

Theoretical and Legal Understanding of the Concept and Subject of Legal Expectations

Аннотация

Актуальность: современное общество характеризуется ускоренным процессом развития, который затрагивает все сферы человеческой деятельности, в том числе и правовую. В научном дискурсе давно отмечается тенденция «ускорения» времени, нелинейности, в известной степени «турбулентности» общественных отношений. В таких условиях потребность в предсказуемости социальных отношений приобретает особое значение. Традиционно одним из средств стабилизации и упорядочения общественных отношений выступает право. Сегодня право вбирает в себя различные инструментарий воздействия на общественные отношения. Помимо субъективных прав и юридических обязанностей, правовые нормы придают юридическое значение законным интересам участников общественных отношений. Все чаще в решениях высших судебных инстанций отмечается необходимость учета правомерных ожиданий адресатов правовых норм. При этом если субъективные права, юридические обязанности и законные интересы уже достаточно

Elena Dmitrievna Barinova,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Pedagogical Staff),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

E-mail: elena.barinova.1998@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

Relevance: modern society is characterized by an accelerated development process that affects all spheres of human activity, including the legal one. There has long been a tendency in scientific discourse to “accelerate” time, non-linearity, and to a certain extent “turbulence” in public relations. In such conditions, the need for predictability of social relations is of particular importance. Traditionally, law is one of the means of stabilizing and streamlining public relations. Today, law incorporates various tools for influencing public relations. In addition to subjective rights and legal obligations, legal norms attach legal importance to the legitimate interests of participants in public relations. Increasingly, the decisions of higher courts emphasize the need to take into account the legitimate expectations of the addressees of legal norms. At the same time, if subjective rights, legal obligations and legitimate interests have already been firmly established in the legal lexicon and have been covered by scientific understanding, the concept of “legal expectation” has so far attracted the attention of mainly representatives of

прочно вошли в юридический лексикон и были охвачены научным осмыслением, понятие «правовое ожидание» до настоящего времени обращало на себя внимание преимущественно представителей отраслевых юридических наук и практически не подвергалось целостному теоретико-правовому исследованию. С учетом того что теория права формирует общеправовые представления об исследуемых явлениях, устанавливает их юридические границы, рассмотрение правовых ожиданий в рамках теоретико-правовой науки представляется необходимым.

Постановка проблемы: феномен «ожидание» привлекает внимание ученых из различных областей научного знания и активно подвергается научному исследованию. Экономическая наука ожидания субъектов экономических отношений рассматривает их в контексте проведения экономической политики в России и подчеркивает значимость учета в управлении инфляционными процессами. Не менее интересным является рассмотрение вопроса о содержании социальных ожиданий индивида и общества, активным исследованием которых занимается социология. Психологическая наука тоже не обошла стороной исследуемое явление и раскрывает содержание ожиданий через сознание и мотивационную сферу личности.

С учетом конвенционального развития современной науки и междисциплинарных связей обозначенные исследования ожиданий имеют важное методологическое значение применительно и к юридической науке. С теоретико-правовой точки зрения в рамках статьи предлагается рассмотреть правовые ожидания через призму общей теории правосознания.

Цель исследования: раскрыть особенности правового ожидания как специфического компонента правосознания человека и продемонстрировать значение предмета правового ожидания при конструировании их теоретической модели.

Методы исследования: общепhilosophический диалектический подход позволяет рассматривать правовые ожидания сквозь призму их социальной детерминации, определить правовое значение предмета ожидания. Кроме того, в основе исследования лежит комплекс общенаучных методов познания. Так, метод абстрагирования позволил выявить специфические признаки и предложить обобщенное теоретическое понятие «правовое ожидание» и его конструкцию. На основе формально-юридического метода определено нормативное выражение правовых ожиданий в различных отраслях права. Метод сравнения позволил определить место правовых ожиданий в структуре правосознания в сопоставлении с его другими компонентами.

branch legal sciences and has practically not been subjected to a holistic theoretical and legal study. Taking into account the fact that the theory of law forms general legal ideas about the phenomena under study, establishes their legal boundaries, consideration of legal expectations within the framework of theoretical and legal science seems necessary.

Problem statement: the phenomenon of expectation" attracts the attention of scientists from various fields of scientific knowledge and is actively undergoing scientific research. The economics of expectations of subjects of economic relations considers them in the context of economic policy in Russia and emphasizes the importance of accounting in the management of inflationary processes. No less interesting is the consideration of the content of the social expectations of the individual and society, which sociology is actively researching. Psychological science has also not bypassed the phenomenon under study and reveals the content of expectations through consciousness and the motivational sphere of personality.

Taking into account the conventional development of modern science and interdisciplinary connections, the indicated studies of expectations have important methodological significance in relation to legal science. From a theoretical and legal point of view, the article proposes to consider legal expectations through the prism of the general theory of legal awareness.

The purpose of the study is to reveal the features of legal expectation as a specific component of human legal awareness and to demonstrate the importance of the subject of legal expectation in the construction of their theoretical model.

Research methods: the general philosophical dialectical approach allows us to consider legal expectations through the prism of their social determination, to determine the legal significance of the subject of expectation. In addition, the research is based on a set of general scientific methods of cognition. Thus, the method of abstraction allowed us to identify specific features and propose a generalized theoretical concept of "legal expectation" and its construction. On the basis of the formal legal method, the normative expression of legal expectations in various branches of law is determined. The comparison method made it possible to determine the place of legal expectations in the structure of legal awareness in comparison with its other components.

Results and key conclusions: legal expectations are proposed to be considered as a specific component of a person's legal consciousness, acting as a rationalized component of legal psychology. The subject of legal expectation

Результаты и ключевые выводы: правовые ожидания предлагается рассматривать в качестве специфического компонента правосознания личности, выступающего в виде рационализированного компонента правовой психологии. Предмет правового ожидания воплощает его содержание и с общетеоретической точки зрения представляется действиями, событиями и правовым результатом. Теоретическое осмысление правового ожидания обладает практическим потенциалом с учетом использования данного понятия в решениях высших судебных инстанций и отсутствием его единообразной интерпретации.

Ключевые слова: правовые ожидания; правосознание; правовая психология; предмет правовых ожиданий.

embodies its content and, from a general theoretical point of view, is represented by actions, events and a legal result. Theoretical understanding of legal expectation has practical potential, taking into account the use of this concept in decisions of higher courts and the lack of its uniform interpretation.

Keywords: legal expectations; legal awareness; legal psychology; the subject of legal expectations.

Феномен «ожидание» сегодня приковывает к себе внимание различных отраслей научного знания. Психология и социология проявляют интерес к ожиданиям как к предмету научного исследования в связи с тем, что субъектам социального взаимодействия свойственно формировать ожидания как в отношении себя, так и в отношении окружающих. Это свойство определяется в первую очередь особенностями устройства психики человека и проявляющимися на ее уровне инстинктами самосохранения, интересующими психологию. Ожидание выступает способом моделирования в сознании еще не наступившего, но ожидаемого будущего, позволяет сгладить существующую временную социальную неопределенность и таким образом психологически облегчить существование в ней субъекта. В социологии социальные ожидания тесно связаны с образцами поведения и соответствующими им требованиями, выражаются в ожидании их соблюдения субъектом социального взаимодействия [1, с. 143]. В отраслевых юридических науках феномен «ожидание» — принцип защиты налогоплательщиками своих законных ожиданий, обеспечивающий реализацию частных интересов в сфере налоговых правоотношений [3, с. 83–106]. А. В. Демин рассматривает правомерные ожидания налогоплательщика как одну из составляющих принципа правовой определенности, выражающуюся в праве ожидать добросовестным налогоплательщиком аналогичного правомерного поведения со стороны других лиц, включая властных субъектов [3, с. 94]. По мнению А. В. Ульянова, «правоожидание» применительно к гражданским правоотношениям в качестве абсолютной правовой возможности заинтересованного субъекта

гражданского права разумно ожидать приобретения права, освобождения от обязанности или обременения либо иных выгодных правовых последствий добросовестно предпринятых им и (или) в его интересах мер (приготовлений) [8, с. 92]. Выбор примеров, демонстрирующих проявление научного интереса к ожиданиям в гражданском и налоговом законодательстве, обусловлен отсутствием комплексного исследования ожиданий в праве в других отраслях права. Специалисты в сфере гражданского законодательства одни из первых обратили внимание на проявление ожиданий в праве в гражданских правоотношениях. Узкая область научного интереса к ожиданиям в праве, ограничивающаяся сферой гражданского и налогового права, и в то же время общий характер ожидания как феномена человеческой психики, детерминирующего правовое поведение различной отраслевой принадлежности, побуждает к исследованию ожиданий в праве в рамках теории права в целях расширения научных представлений об исследуемом феномене.

В правовой сфере субъекты вступают в правоотношения для достижения определенных правовых последствий и формируют в отношении последних ожидания. Многообразие общественных отношений, находящихся в границах правового регулирования и соответствующего им правового результата, на достижение которого направлена воля субъектов, поднимает вопрос о предмете правовых ожиданий.

Правовые ожидания предлагается рассматривать в качестве представлений субъекта правоотношения, формирующихся в его правосознании на уровне правовой психологии, отражающих его восприятие правовых явлений

и отношение к ним, а также оказывающих регулирующее воздействие на его поведение.

Для рассмотрения предмета правовых ожиданий необходимо уточнение обозначенных в определении признаков для формирования целостного представления об исследуемом феномене.

Во-первых, ожидания рассматриваются как представления и обозначение их в таком качестве не случайно. Достаточно много диссертационных исследований, свидетельствующих о том, что ожидания имеют двойственную природу. В психологии ожидания рассматриваются в качестве представлений, формирующихся в сознании личности. Е. В. Никулина определяет социальные ожидания как интегративное личностное образование, представленное в сознании в виде образа еще не наступившего события, отражающее эмоциональное и ценностно-смысловое отношение субъекта к ожидаемым событиям [2, с. 20]. Л. И. Петражицкий, активно занимавшийся исследованиями в области правовой психологии, большое значение придавал воображению, посредством которого в правосознании конструируются различные образы «акционных представлений» — представления предполагаемых действий. Данные образы ученый относил к совокупности императивно-атрибутивных или правовых переживаний. Будучи абстрактными, этические эмоции немемы без наличности «акционных представлений» [4, с. 44–47].

В психологии существуют и другие взгляды на интерпретацию понятия «ожидание». Так, И. Лингард ожидания рассматривает в качестве позиции, «при которой субъект при определенных мотивационных условиях имеет тенденцию достичь одних объектов и обойти другие» [2, с. 13]. А. В. Тышковский социальные ожидания наделяет статусом психического состояния и представляет их в качестве сложного когнитивно-мотивационного конструкта, оказывающего регулирующее воздействие на поведение личности [7, с. 25].

Плюрализм мнений ученых, касающихся природы исследуемого явления, подтверждает многообразие его проявления в объективной действительности. Однако мы исходим из позиции, что изначально правовые ожидания выступают представлениями, формирующимися в правосознании субъектов правоотношений, а после они уже могут выступать в качестве состояния, жизненной позиции или требований, каковыми их рассматривают социологическая и психологическая науки. Данный теоретический вывод аргументируется первичной природой ожиданий как представлений, без которых субъект не может находиться в состоянии ожидания, не имея представлений в сознании

об ожидаемом, или не может придерживаться определенных требований, не имея представлений о требуемом образце поведения. Но следует подчеркнуть, что Е. В. Никулина рассматривала ожидания в виде образов, возникающих в сознании, а Л. И. Петражицкий хоть и не обозначал ожидания в качестве образов, но придавал последним большое значение в правосознании субъекта, выделяя их в качестве структурного элемента правовой психологии. В данной статье образы, о которых упоминали приведенные выше авторы, отождествляются с представлениями и рассматриваются как синонимичные понятия.

Во-вторых, правовые ожидания как представления формируются в правосознании на уровне правовой психологии. Правовая психология, выступая элементом правосознания, не так активно разрабатывалась в рамках общей теории правосознания и в основном ученые праведы смещали ракурс своего научного интереса в сторону изучения правовой идеологии. Однако ученые, которые исследовали правовую психологию, подчеркивали значимость ее регулятивной и оценочной роли в правосознании. В. В. Сафронов рассматривал познавательную деятельность человека в единстве с эмоционально-психологическими компонентами его сознания и считал, что «познавая действительность, люди не остаются равнодушными к полученным знаниям. Познаваемые свойства объектов определенным образом переживаются. Возникает новое, на этот раз уже интеллектуально-эмоциональное образование — психическое отношение к объектам познания и практической деятельности» [6, с. 94]. Данное психическое отношение выражает субъективную значимость объекта для субъекта с позиции «хороший» или «плохой», «полезный» или «вредный» т. п. и является результатом оценки. Л. С. Выготский подчеркивал взаимосвязь эмоционально-психологического компонента с мышлением и считал, что «эмоционально-чувственные переживания непосредственно вплетены в наши мыслительные процессы и составляют неотъемлемую часть всех наших суждений и высказываний» [6, с. 100].

Регулятивная роль правовой психологии заключается в том, что ее эмоционально-психологические элементы, например, положительная или отрицательная эмоциональная окраска, могут влиять на направленность правомерного и неправомерного поведения. Правовая психология как компонент правосознания является постоянным спутником деятельности человека в правовой сфере общественной жизни, поскольку процесс восприятия и воспроизведения правовой действительности осуществляется не только с помощью разума, посредством

мышления, то есть рациональными способами, но и сопровождается определенной эмоциональной реакцией, переживаниями, чувствами на совершаемые юридические действия (принятие нормы права, внесение изменений в действующее законодательство, установление дополнительных льгот для определенной категории граждан), события (достижение определенного возраста, возникновение страхового случая в связи с действием сил природы, истечение юридически значимых сроков). Не менее значимым является вопрос о структуре правовой психологии правосознания, рассмотрение которого необходимо для определения места ожиданий как представлений среди ее структурных элементов. Л. И. Петражицкий среди структурных элементов правовой психологии выделял познание (ощущение и представление), чувствование (удовольствие и страдания) и волевые побуждения [5, с. 87]. Так, В. В. Сафроновым было высказано мнение, что «к познанию относятся процессы образования внутренних образов окружающих индивида предметов или явлений и самого индивида» [6, с. 103]. Представляется, что ожидания в правовой психологии выступают в качестве представлений, образующихся в процессе познания субъектом правовых явлений.

Стоит подчеркнуть, что ожидания как представления являются более рационализированным элементом правовой психологии правосознания в отличие от чувств и эмоций, поскольку в их формировании участвуют знания о предмете ожидания.

В-третьих, признаком правовых ожиданий выступает их функциональное предназначение в виде отражения восприятия правовой действительности. Не поддается сомнению, что представления отражают восприятие человеком объективной реальности, ведь именно в процессе восприятия данные представления и формируются. Правовые ожидания отражают восприятие субъектом явлений правовой жизни, с которыми он сталкивается в процессе профессиональной деятельности и жизнедеятельности на бытовом уровне.

В-четвертых, правовые ожидания выражают отношение человека к правовым явлениям. Отношение возникает в результате оценки правовых явлений, может быть как положительным, так и отрицательным и лежит в основе формирования о них ожиданий. Отрицательное отношение к правовым явлениям формирует соответствующие о них представления в сознании и способствует избеганию их наступления со стороны субъекта. Положительное отношение к правовым явлениям, напротив, формирует о них представления, реализация которых является желательной для субъекта. Данную

функцию ожиданий — выражение отношения — можно обозначить как оценочную.

В-пятых, ожидание оказывает регулирующее воздействие на поведение субъекта правоотношения. Данное воздействие оказывается через мотивационную сферу субъекта ожидания, побуждая его либо действовать для приближения ожидаемого результата, либо же, напротив, бездействовать для его избегания. Какой вид поведения выберет субъект (активный или пассивный) зависит от характера ожидаемого. Если предмет ожидания имеет положительный характер, то субъект будет совершать действия для его приближения. Если же предмет ожидания имеет для субъекта негативный характер, то в этом случае возможен как активный (действия), так и пассивный (бездействие) вариант поведения, но оба они направлены на избегание ожидаемых негативных последствий либо ожидаемого негативного события.

Особенность регулирующего воздействия ожиданий как представлений на поведение субъекта правоотношения заключается в его более стабилизированном характере в связи с продолжительностью существования самих ожиданий. Чувства и эмоции тоже оказывают воздействие на поведение субъекта, побуждая его совершать определенные действия, но вряд ли это воздействие можно обозначить как регулятивное. Ввиду непродолжительности чувств и эмоций эффект, который они оказывают на поведение субъекта, имеет непостоянный, одномоментный характер.

Данные признаки характеризуют ожидания в правовой сфере и способствуют формированию о них представления как об общеправовом феномене. Но если признаки являются внешним аспектом исследуемого явления, то под внутренним аспектом скрывается его содержание. Раскрытие содержания ожиданий позволит перевести их исследование с абстрактного на конкретный уровень, поскольку это представляется возможным при условии демонстрации на примерах из законодательства.

Обширный круг общественных отношений и их последствий, подверженных правовому регулированию, определяют многообразие предмета правовых ожиданий. В статье не будет акцентироваться внимание на отраслевой специфике предмета исследуемого явления, определяемой отраслевой принадлежностью общественных отношений. Основной задачей выступает установление общетеоретических границ предмета правовых ожиданий.

Принимая во внимание поставленную задачу, предметом правовых ожиданий являются:

- правовой результат;
- действия;
- события.

Стоит подчеркнуть, что выделение правового результата в качестве предмета неслучайно. Это кажется не совсем рационально, поскольку любое действие и событие оставляют материальный след в объективной действительности, в качестве которого выступает определенный результат, и его рассмотрение как их следствие, а не как отдельное явление будет логичным. Однако субъекты могут формировать ожидания в отношении конкретного правового результата в отрыве от действия и события, когда последние уже непосредственно осуществляются и имеют временную протяженность в праве.

Представляется необходимым продемонстрировать на конкретных юридических примерах многообразие содержания правовых ожиданий.

Правовой результат. Правовой результат выступает предметом правовых ожиданий, ради достижения которого субъекты устанавливают друг с другом правовую связь. В качестве примера может служить заключение гражданско-правового договора, в котором указывается результат, на его наступление рассчитывают субъекты, а средством его достижения выступает исполнение договорных обязанностей и (или) реализации соответствующих прав.

С. Ю. Филиппова различные гражданско-правовые сделки, в качестве которых выступают договор, доверенность, а также учредительные документы (устав и др.), определяет как «зафиксированный на момент совершения юридическое действие ожидаемый субъектом правовой или фактический результат, желательный для субъекта, совершающего такое действие» [9, с. 123].

Обозначенные теоретические выводы подтверждаются правоприменительной практикой. В соответствии с судебным решением от 3 октября 2023 г. по делу № А57-5634/2023 суд удовлетворил требования истца о возмещении суммы, возникшие из-за расторжения договора купли-продажи автомобиля в связи с ненадлежащим качеством предмета купли-продажи¹. Данный договор содержит правовой результат, наступление которого желаемо для сторон договора (продавца и покупателя). Продавец заинтересован в извлечении прибыли от продажи принадлежащего на момент заключения договора автомобиля, а покупатель в приобретении прав собственности на это имущество. Средством достижения правового результата, содержащегося в договоре купли-продажи, выступают взаимные обязанности сторон, надлежащее исполнение которых приведет к его достижению. Ненадлежащее качество продаваемого автомо-

биля не позволило достигнуть желаемого результата покупателя.

Юридические действия. Предметом правовых ожиданий может выступать совершение юридически значимых действий либо воздержание от совершения действий ввиду их негативного характера. Так, согласно ч. 2 ст. 317¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² подозреваемый или обвиняемый в ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве указывает действия, который он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, а также розыске имущества, добытого преступным путем. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве формирует у следователя, в производстве которого находится уголовное дело, представление о совершении подозреваемым (обвиняемым) указанных в нем юридически значимых действий.

В ст. 89 Налогового кодекса Российской Федерации³ содержатся запреты на совершение определенных действий налоговыми органами при проведении выездной налоговой проверки. Так, в соответствии с указанной статьей налоговые органы не вправе проводить две и более налоговых проверок по одним и тем же налогам и в один и тот же период. Данный запрет формирует у налогоплательщика ожидание о воздержании налоговыми органами от совершения действий, его нарушающих, при проведении выездной налоговой проверки.

События. Предметом правовых ожиданий может выступать событие — обстоятельство, не зависящее от воли субъекта, но которое лицо ожидает и с которым связывает позитивные последствия. Так, например, в ч. 3 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации содержатся основания погашения судимости, касающиеся истечения установленных законом сроков после отбытия уголовного наказания⁴. Лицо, отбывшее наказание, формирует представление о погашении судимости после наступления оснований, закрепленных в вышеуказанной статье. Данный пример демонстрирует, что предметом ожидания выступает наступление события, име-

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

³ Налоговый кодекс Российской Федерации : Федер. законом от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 16 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.02.2024).

¹ См.: Решение Арбитражного суда Саратовской области от 3 окт. 2023 г. по делу № А57-5634/2023 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gpOiC0i2bUUD/?ysclid=1wrq546nj642160596> (дата обращения: 11.12.2023).

ющего положительный характер для субъекта, поскольку связано со снятием правовых ограничений после погашения судимости.

Подводя итоги, необходимо отметить, что правовые ожидания выступают элементом правовой психологии правосознания и представлены в виде представлений, формирующихся в процессе познания субъектом правовых яв-

лений. Предмет правовых ожиданий характеризуется многообразием, которое обусловливается отраслевым разнообразием общественных отношений. В результате обобщения в статье была сконструирована общая теоретическая модель предмета ожиданий и продемонстрирована на примерах из отраслевого законодательства.

Список литературы:

1. *Куприянова Ю. Л.* Социальные ожидания молодежи: структурный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999. 156 с.
2. *Никулина Е. В.* Психологические детерминанты формирования конструктивных социальных ожиданий старшеклассников : дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2005. 174 с.
3. *Ногина О. А. Овсянников С. В.* Защита законных ожиданий налогоплательщиков в условиях действия и применения антиуклонительных налоговых правил: баланс частных и публичных интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 1. С. 83–106.
4. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 1909. Т. 1. 318 с.
5. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908. 265 с.
6. *Сафонов В. В.* Правосознание гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 242 с.
7. *Тышковский А. В.* Социально-психологические основы формирования и реализации ожиданий в профессиональном выборе и карьере : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 55 с.
8. *Ульянов А. В.* О гражданско-правовой охране интересов субъекта правоожиданий // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 87–98.
9. *Филиппова С. Ю.* Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

Для цитирования:

Баринова Елена Дмитриевна. Теоретико-правовое осмысление понятия и предмета правовых ожиданий // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 117–123.

References:

1. *Kupriyanova Yu. L.* Social'nye ozhidaniya molodezhi: strukturnyj aspekt : dis. ... kand. sociol. nauk. Saratov, 1999. 156 s.
2. *Nikulina E. V.* Psihologicheskie determinanty formirovaniya konstruktivnyh social'nyh ozhidaniy starsheklassnikov : dis. ... kand. psihol. nauk. Kursk, 2005. 174 s.
3. *Nogina O. A. Ovsyannikov S. V.* Protecting the legitimate expectations of the taxpayer in the context of the operation and application of anti-avoidance rules: Balancing private and public interests // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2022. T. 13. Issue. 1. P. 83–106.
4. *Petrazhickij L. I.* Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti. 1909. T. 1. 318 s.
5. *Petrazhickij L. I.* Vvedenie v izuchenie prava i nravstvennosti: osnovy emocional'noj psihologii. 3-e izd. SPb., 1908. 265 s.
6. *Safronov V. V.* Pravosoznanie grazhdanina : dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk, 2004. 242 s.
7. *Tyshkovskij A. V.* Social'no-psihologicheskie osnovy formirovaniya i realizacii ozhidaniy v professional'nom vybere i kar'ere : avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 1999. 55 s.
8. *Ul'yanov A. V.* Civil law protection of the interests of the subject of the right to expect // Actual Problems of Russian Law. 2017. № 8 (81). P. 87–98.
9. *Filippova S. Yu.* Yuridicheskie dejstviya kak yuridicheskie fakty v rossijskom grazhdanskom prave : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2021. 559 s.

For citation:

Barinova Elena Dmitrievna. Theoretical and Legal Understanding of the Concept and Subject of Legal Expectations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 117–123.

Мальцева Татьяна Владимировна,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: matlsewa2210@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 34.01

DOI 10.24412/2072-9391-2024-270-124-132

Дата поступления статьи: 26 марта 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 20 июня 2024 г.

Особенности общеправового понимания и закрепления предупредительной функции права

Peculiarities of the General Legal Understanding of Fixing the Preventive Function of Law

Аннотация

Актуальность темы исследования определяется универсальным характером проблематики недопущения противоправного поведения. Предупредительная функция права имеет отношение к различным направлениям юридической деятельности, включая законодательную, исполнительную и судебную, и ориентирована на создание условий, исключающих правонарушения. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реализации предупредительной функции в правовой системе. Уделяется внимание вопросу технико-юридической регламентации предупредительной функции права. Особое внимание уделяется изучению механизмов правового регулирования, направленных на предотвращение правонарушений и укрепление правопорядка.

Постановка проблемы: в современном обществе предупредительная функция права приобретает особую значимость в контексте необходимости обеспечения общественного порядка, защиты прав и свобод граждан. Эффективность данной функции заключается в ее способности предотвращать правонарушения и преступления до их совершения, а значит, уменьшать нагрузку на правоохранительную и судебную системы, а также снижать социальные издержки, связанные с преступностью. Однако, несмотря на очевидную важность, воп-

Tat'yana Vladimirovna Mal'ceva,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Pedagogical Staff),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

E-mail: matlsewa2210@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the universal nature of the problem of preventing illegal behavior. The preventive function of law is relevant to various areas of legal activity, including legislative, executive and judicial, and is focused on creating conditions that exclude offenses. The article discusses the theoretical and practical aspects of the implementation of the preventive function in the legal system. Attention is paid to the issue of technical and legal regulation of the preventive function of law. Special attention is paid to the study of legal regulation mechanisms aimed at preventing offenses and strengthening the rule of law.

Problem statement: in modern society, the preventive function of law is of particular importance in the context of the need to ensure public order and protect the rights and freedoms of citizens. The effectiveness of this function lies in its ability to prevent offenses and crimes before they are committed, which means reducing the burden on the law enforcement and judicial systems, as well as reducing the social costs associated with crime. However, despite the obvious importance, the issues of implementing and improving the effectiveness of the preventive function of law remain open and controversial.

The preventive function of law depends on many factors, which requires a multilateral consider-

росы реализации и повышения эффективности предупредительной функции права остаются открытыми и спорными.

Предупредительная функция права зависит от множества факторов, что требует многостороннего рассмотрения данной проблемы, касающейся закрепления в нормативных правовых актах предупредительных мер, которые содержат большое теоретическое и практическое значение.

Целью данного исследования является всесторонний анализ и систематизация общеправовых взглядов на процесс общеправового закрепления предупредительной функции права. Это включает в себя изучение теоретических основ проблематики, нормативных правовых актов и практического применения мер, направленных на предупреждение нарушений законодательства, с целью выявления и устранения существующих в нем пробелов и несоответствий. Исследование направлено на формирование комплексного понимания механизмов правового регулирования предупредительной функции и оценку их эффективности в современном правоприменительном процессе.

Методы исследования: для анализа в исследовании выбран диалектический метод как основа, который дополнен структурно-функциональным, социологическим, статистическим и другими научными методами исследования.

Для получения обоснованных выводов используются также методы индукции, дедукции, анализа и синтеза. Сравнительно-правовой метод был взят за основу при выявлении пробелов в правовом регулировании предупредительной функции права.

Результаты и ключевые выводы: полученные результаты отражают комплексный подход по изучению предупредительной функции права: охватывает не только законодательное регулирование, но и участие общественности, использование новых технологий для создания эффективной системы предотвращения нарушений и укрепления правопорядка. Также следует отметить профилактическую направленность норм права, систему правовых санкций, правовое регулирование рисков. Основные выводы связаны с обоснованием признания относительно самостоятельной роли предупредительной функции права в системе правовых функций и необходимости ее закрепления в нормативном правовом поле как социально значимого элемента в механизме правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: предупредительная функция права; нормативное правовое регулирование; правовая база; правонарушение; правопорядок; технико-юридическая регламентация.

ation of this problem concerning the consolidation of preventive measures in normative legal acts, which contain great theoretical and practical significance.

The purpose of this study is a comprehensive analysis and systematization of general legal views on the process of general legal consolidation of the preventive function of law. This includes the study of the theoretical foundations of the problem, regulatory legal acts and the practical application of measures aimed at preventing violations of legislation in order to identify and eliminate existing gaps and inconsistencies in it. The research is aimed at forming a comprehensive understanding of the mechanisms of legal regulation of the preventive function and evaluating their effectiveness in the modern law enforcement process.

Research methods: for the analysis in the study, the dialectical method was chosen as the basis, which is complemented by structural and functional, sociological, statistical and other scientific research methods.

Methods of induction, deduction, analysis and synthesis are also used to obtain reasonable conclusions. The comparative legal method was used as a basis for identifying gaps in the legal regulation of the preventive function of law.

Results and key conclusions: the results reflect a comprehensive approach to the study of the preventive function of law: covers not only legislative regulation, but also public participation, the use of new technologies to create an effective system for preventing violations and strengthening law and order. It should also be noted the preventive orientation of the norms of law, the system of legal sanctions, legal regulation of risks. The main conclusions are related to the justification of the recognition of the relatively independent role of the preventive function of law in the system of legal functions and the need to consolidate it in the normative legal field as a socially significant element in the mechanism of legal regulation of public relations.

Keywords: preventive function of law; regulatory legal regulation; legal framework; offense; law and order; technical and legal regulation.

Введение. В современном обществе важную роль играет не только реагирование на правонарушения, но и их профилактика. Предупредительная функция права направлена на предотвращение возможных нарушений путем создания, толкования и реализации нормативной правовой базы, способной влиять на поведение индивидов и организаций еще до возникновения конфликтной ситуации.

Основная цель предупредительной функции права – предотвращать нарушения в социальных взаимосвязях и общественных отношениях, защищать права и законные интересы граждан, общества и государства. Ввиду того, что предупредительная функция права одна из основных составляющих эффективной деятельности правовой системы, закрепление данной функции в нормативных правовых актах позволяет не только регулировать общественные отношения, но и, соответственно, предвидеть потенциальные риски и проблемы, минимизируя возможность их возникновения. Вопрос о закреплении в нормативных правовых актах предупредительных мер приобретает большое теоретическое и прикладное (в том числе юридическое, политическое, экономическое и этическое) значение на сегодняшний день, учитывая относительно невысокий уровень правовой осведомленности граждан, их ограниченную активность в правовой сфере и распространенность именно правовой некомпетентности в современном российском социуме.

Ученые-правоведы выражают сомнения, касающиеся оптимистичных прогнозов относительно тенденций преступности в России и за ее пределами, отмечая отсутствие достаточных оснований для уверенности в таких предсказаниях [10, с. 167]. Это обстоятельство вызывает неуверенность в результативности действия настоящего предупредительного механизма в российском законодательстве. В связи с этим требуется рассмотрение теоретического и практического содержания законодательства, законодательного обеспечения и нормативного правового закрепления, а также основных элементов технико-юридической регламентации закрепления предупредительной функции права.

Доктринальные подходы к пониманию предупредительной функции права. Необходимо начать с того, что одним из первых отечественных ученых, рассмотревших назначение предупредительной функции права, был М. П. Мелентьев. В его понимании данная функция полностью соотносима с другими функциями права, в том числе с определением правового статуса осужденных в рамках примененных к ним исправительных мер или осуществления уголовного наказания [13, с. 6].

Предупредительную функцию права можно рассматривать в виде нескольких основных подходов, которые отражают различные аспекты взаимодействия права и общества. Эти подходы помогают глубже понять механизмы правового регулирования и их влияние на предупреждение нарушений законодательства.

Рассмотрим каждый подход подробнее.

Нормативный подход. Согласно этому подходу, предупредительная функция права заключается в формировании и поддержании общественного порядка посредством установления норм и правил поведения, а также предписаний и запретов. Через нормативные акты государство обозначает границы допустимого поведения, предупреждая о возможных юридических последствиях нарушений (ответственности). Данный подход акцентирует внимание на предупредительном воздействии правовых норм на поведение граждан и юридических лиц.

Социально-психологический подход подчеркивает роль права в формировании правосознания и правовой культуры в обществе. Предупредительная функция права реализуется через влияние на сознание и волю человека, стимулирование внутреннего убеждения в необходимости соблюдения законов. Эффективность предупреждения правонарушений достигается за счет развития у граждан понимания значимости правовых норм и личной ответственности за их выполнение.

Правоприменительный подход. В рамках этого подхода акцент делается на деятельности органов правоприменения (полиции, судов, прокуратуры и т. д.) в контексте предупреждения правонарушений и преступлений. Предупредительная функция реализуется через оперативное выявление и пресечение нарушений, а также применение мер административного и уголовного воздействия, направленных на недопущение повторения противоправных действий (бездействий).

Интегративный подход объединяет элементы вышеупомянутых подходов и подчеркивает необходимость комплексного применения нормативных, социально-психологических и правоприменительных механизмов для обеспечения предупредительной функции права. Это подразумевает не только создание и применение правовых норм, но и развитие правовой культуры в обществе, активную предупредительную функцию права.

Предметом исследования некоторых ученых стали сущностно-субстанционный и функциональный подходы к изучению государственно-правовых явлений, вопросы, связанные с предупреждением преступлений в политической среде, влиянием медиа на предотвращение преступной активности, а также с мерами,

принимаемыми правоохранительными органами с целью предупреждения делинквентного поведения среди несовершеннолетних, и т. д. Этим темам посвящены работы, например, таких авторов, как А. П. Глебов, Н. С. Горелов, А. Г. Горшенков, П. А. Кабанов, С. В. Полубинская, А. Г. Репьев, Д. К. Чирков [1; 2; 3; 5; 14; 15; 18].

Другие праведы рассматривают предупредительную функцию как основную функцию права, определяющую иные, менее важные функции. Так, например, А. Я. Гришко отмечает, что задачи, предусмотренные Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, связаны как с исправительной, так и предупредительной функциями [17, с. 8].

Во многих научных работах, посвященных предупредительной функции права, последнюю относят к подфункции охранительной функции права, к карательной функции права, реже — к компенсационной или правосстановительной. Такая точка зрения свойственна в основном общетеоретическим исследованиям [6; 9, с. 198; 11, с. 8, 12]. Также существует мнение, что предупредительная функция является относительно самостоятельной функцией или подфункцией права [7]. Однако до сих пор в области общей теории права и специальных отраслевых юридических наук не сформировалось четкого представления о предупредительной функции права: ее природе, основных характеристиках, структуре, содержании, форме реализации, а также месте и значении в правовой системе общества.

Таким образом, в юридической литературе рассмотрены разные подходы к определению практического назначения функции предупреждения. Некоторые исследователи акцентируют внимание исключительно на функциях, находящихся на одном уровне, другие ученые ассоциируют предупредительную функцию с целями коррекции поведения, в то время как третьи подходят к вопросу иначе: трактуют ее как основную функцию законодательной системы, а четвертые относят предупреждение либо к категории общеправовых, либо к сфере межотраслевых функций. Так, например, А. М. Смирнов указывает на проблему недостаточной результативности профилактической роли российского уголовного законодательства [16, с. 27], что связано с трудностями нормативного закрепления предупредительной функции права.

Как правило, обозначенная функция рассматривается в контексте уголовно-исполнительного права, что вполне обоснованно. Впрочем, в настоящее время повышаются ее роль и значимость в рамках исполнительного законодательства, что, по нашему мнению, требует более детального исследования ее влияния в различных правовых областях, закрепле-

ния ее статуса в национальной правовой системе, а также создания соответствующего правового механизма, то есть так называемой технико-юридической регламентации.

В связи с этим очевидна потребность в доскональном изучении предупредительной функции права с целью недопущения совершения новых противоправных деяний, а также механизма предупредительных действий, выявления совокупности инструментов, необходимых для предупреждения правонарушений, в определении соответствующих задач по предотвращению рецидивов со стороны лиц, отбывающих наказание, и лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Однако нормативное правовое закрепление и реализация предупредительной функции права связаны с определенными сложностями. В данном случае факторами влияния на эффективность предупреждения правонарушений выступают такие условия, как правовая грамотность граждан, публичные организации по разъяснению норм и деятельность правоохранительных органов.

О. Н. Грачева относит предупредительную функцию к сфере ведения государства [4, с. 75]. Право, по ее мнению, обладает социально-юридическим измерением и применяется государством как инструмент управления и защиты общественных связей. Следовательно, его предупредительная роль заключается в государственных усилиях по предупреждению преступлений со стороны всех субъектов (обеспечение общей профилактики) или по предотвращению повторных преступлений от лиц, ранее нарушивших закон (осуществление специфической профилактики с помощью уголовно-правовых мер).

Предупредительная функция права является одной из ключевых и неизменных функций. Ее необходимо отграничивать от таких направлений деятельности права, как обеспечение исполнения законов, наказание, восстановление прав, возмещение ущерба и прочих аспектов правовой работы. В данном случае необходимо отметить, что содержательное наполнение предупредительной функции права основывается на следующих аспектах:

1) юридические основания — разного рода правовые предпосылки, включая международные и национальные нормативные акты, толковательные, применительные и прочие специфические юридические документы;

2) фактические основания — различные жизненные обстоятельства, возникновение которых не зависит от человека, а также правомерные или неправомерные действия других людей;

3) объекты — фокус внимания в процессе предупреждения нарушений установленных

правовых отношений, защиты прав и свобод граждан, в том числе их объединений и организаций, а также защиты государственных и общественных интересов;

4) субъекты – ключевой компонент в структуре предупредительной функции права. Задача по предотвращению нарушений правовых отношений возлагается на специализированные структуры, которым законом даны полномочия для проведения соответствующих действий.

Инструменты и методы, используемые для достижения установленных целей в рамках правовой деятельности, являются элементами юридической техники. В ее состав входят средства общественной значимости, специфические юридические инструменты и технические устройства, которые вместе формируют комплексный набор правовых инструментов для обеспечения эффективной юридической деятельности.

Иными словами, юридическая техника – это совокупность инструментов (стратегий и методов), применяемых для разработки и организации нормативных документов с целью достижения оптимального качества [8, с.17].

Правильное применение юридической техники является критически важным для достижения эффективного результата предупредительной функции права. Это, соответственно, включает в себя ясность и точность изложения нормативных актов, их систематизацию и доступность для понимания широкими слоями населения. Не менее важно обеспечение консесуальности и согласованности нормативных актов с целью устранения противоречий в законодательстве, существенно затрудняющих применение последнего, что, в свою очередь, является причиной существенного снижения эффективности предупредительных мер.

Основными элементами технико-юридической регламентации при закреплении предупредительной функции права в законодательстве должны, по нашему мнению, быть:

– ясность и доступность норм – нормативные акты должны быть написаны ясным и понятным языком, чтобы обеспечить их понимание всеми участниками правоотношений. Это способствует лучшему осознанию возможных юридических последствий действий или бездействия. Так, в контексте предупредительной функции права можно привести пример из законодательства Российской Федерации – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»)¹. В ст. 5 данного закона, посвященной основным прин-

ципам деятельности полиции, особое внимание уделяется принципу законности, открытости и доступности информации о деятельности полиции для граждан. В тексте ФЗ «О полиции» указывается, что информация о правах и обязанностях граждан в рамках взаимодействия с полицией должна быть представлена доступным языком. Это обеспечивает гражданам возможность лучше понимать свои права и обязанности, а также предвидеть юридические последствия своих действий или бездействия в рамках закона. Такой подход направлен на предупреждение правонарушений и преступлений за счет повышения правовой осведомленности и грамотности населения;

– определенность и конкретность – нормы должны четко описывать запрещенные действия и предписывать конкретные меры ответственности, а также обозначать механизмы предупреждения правонарушений, что также помогает предотвратить возникновение правонарушений. Так, примером определенности и конкретности в законодательстве, призванном укрепить предупредительную функцию права, может служить ст. 12.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение правил дорожного движения»² (далее – КоАП РФ). В данной статье четко перечислены действия, квалифицируемые как нарушения правил дорожного движения, включая превышение скорости, игнорирование сигналов светофора, неправильную парковку и др. Также указаны конкретные меры ответственности за каждое из нарушений, в том числе размеры штрафов, возможность лишения права управления транспортными средствами и другие санкции. Кроме того, в КоАП РФ обозначены механизмы предупреждения правонарушений, такие как обязательное информирование водителей о правилах дорожного движения через средства массовой информации, образовательные программы для водителей, установление дорожных знаков, сигналов и разметки, обеспечивающих видимость требований к поведению на дороге. Это позволяет не только наказывать за совершенные нарушения, но и действовать предупреждением о возможности их возникновения за счет четкого описания запрещенных действий и последствий, а также активного информирования и обучения участников дорожного движения;

– прогнозируемость и предсказуемость правоприменения – юридическая техника должна способствовать созданию норм, позволяющих

¹ О полиции : Федер закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 янв. 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февр. 2011 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : ред. от 25 дек. 2023 г. : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

достаточно точно предсказать их применение в практике, тем самым действуя предупредительно на потенциальных правонарушителей. Так, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных»)³ заложены принципы прогнозируемости и предсказуемости правоприменения, определены правила сбора, обработки, хранения и защиты персональных данных граждан, а также обозначены обязанности операторов, обрабатывающих персональные данные, и меры ответственности за их нарушение. Указанный закон также определяет конкретные условия, при которых обработка персональных данных считается законной, например, наличие согласия субъекта данных, обработка данных, необходимая для исполнения контракта, в котором стороной является субъект данных, и другие условия. Также предусмотрены четкие требования к защите данных, включая обязанность оператора принимать необходимые технические и организационные меры. Благодаря точному определению правил и четким указаниям на последствия их нарушения, законодательство в области персональных данных позволяет всем участникам правоотношений, включая юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, заранее прогнозировать возможные юридические последствия своих действий (бездействий). Это способствует созданию предсказуемой правовой среды и действует предупредительно на потенциальных правонарушителей, поскольку они могут оценить свои риски и последствия своих действий;

– унификация с другими отраслями права – предупредительная функция права должна быть интегрирована в различные отрасли права (уголовное, административное, гражданское и пр.) с использованием соответствующих технико-юридических методов и средств, что обеспечивает универсальность и комплексность подхода к предупреждению правонарушений. Так, примером унификации предупредительной функции права с другими отраслями права может служить российское законодательство о борьбе с коррупцией. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии коррупции»)⁴ включает в себя элементы уголовного, административного, гражданского и трудового права, направленные на предупрежде-

ние, выявление и пресечение коррупционных правонарушений; устанавливает комплекс мер, направленных на предупреждение коррупции, включая формирование системы антикоррупционных стандартов и процедур, проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, а также обязанности организаций по предупреждению и разрешению конфликта интересов. В рамках уголовного законодательства предусмотрены уголовные наказания за коррупционные преступления, а административного права – ответственность за административные правонарушения коррупционной направленности. Кроме того, ФЗ «О противодействии коррупции» предусматривает меры гражданско-правовой ответственности, такие как взыскание ущерба, причиненного коррупционными действиями, и обязывает юридических лиц разрабатывать и применять меры по предотвращению коррупции. Таким образом, указанный закон демонстрирует интеграцию предупредительной функции права в различные отрасли, используя технико-юридические методы и средства для формирования универсального и комплексного подхода к борьбе с коррупционными проявлениями в обществе;

– обновляемость и адаптивность – нормативные акты должны быть способны к своевременному обновлению и адаптации к изменяющимся условиям и вызовам, что требует гибкости в юридической технике и подходах к законодательству. Так, примером адаптивности законодательства, демонстрирующего предупредительную функцию права, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)⁵, который регулирует отношения, связанные с созданием, получением, передачей, хранением и обработкой информации, и учитывает особенности развития цифровых технологий и интернета. Законодательство в области информационных технологий подвержено постоянным изменениям из-за быстрого развития технологий и цифровой среды. В ответ на эти вызовы ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предусматривает возможность его дополнения и модификации в соответствии с появлением новых информационных технологий и методов обработки данных. В качестве механизма адаптив-

³ О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ О противодействии коррупции : Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г. : одобрен Советом Федерации 22 дек. 2008 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

ности закона служат поправки и изменения, регулярно вносимые в законодательство для учета новых реалий цифровой экономики, включая регулирование процесса обработки персональных данных, защиту информации в интернете и борьбу с киберпреступностью. Эти изменения способствуют обновлению нормативной базы и ее адаптации к современным вызовам, обеспечивая эффективное правовое регулирование в динамично изменяющейся информационной среде. Таким образом, ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» демонстрирует гибкость и способность правовой системы реагировать на новые технологические и социальные изменения, поддерживая актуальность и эффективность предупредительной функции права в области информационных технологий и защиты информации;

– применение предварительных мер – включение в нормативные акты положений о предварительных мерах, таких как предупреждения, инструктажи, образовательные программы и другие меры информационно-профилактического характера, направленные на предупреждение правонарушений. Так, примером включения предварительных мер в нормативные акты является Федеральный закон от 12 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – ФЗ «О безопасности дорожного движения»)⁶, в котором особое внимание уделяется не только наказанию за нарушения правил дорожного движения, но и проведению профилактических мероприятий, направленных на предотвращение таких нарушений. Данный закон предусматривает обязательность проведения образовательных программ для различных категорий участников дорожного движения, в том числе для начинающих водителей, а также для лиц, нарушивших правила дорожного движения. В рамках этих программ участникам дорожного движения предоставляется информация о правилах поведения на дороге, об опасностях, связанных с нарушением этих правил, и о мерах ответственности за такие нарушения. Также ФЗ «О безопасности дорожного движения» предусматривает проведение общественных кампаний по безопасности дорожного движения, включая размещение информационных материалов на транспортных средствах и в общественных местах, трансляцию социальной рекламы в средствах массовой информации и на телевидении. Эти меры направлены на повышение осведомленности граждан о необходимости соблюдения правил дорожного движения и умень-

шение количества дорожно-транспортных происшествий. Таким образом, указанный закон является примером эффективного применения предварительных мер в законодательстве, что способствует предупреждению правонарушений и повышает безопасность на дорогах.

Итак, технико-юридическая регламентация нормативного закрепления предупредительной функции права – процесс сложный и многогранный, требующий глубоких знаний в области права, четкого понимания социальных процессов и умения использовать юридическую технику для достижения эффективного предупредительного воздействия правовых норм.

Предупредительная функция современного российского права приобретает особую актуальность в связи с ускорением социальных, экономических и технологических процессов. В частности, речь идет о глобализации информационных технологий, усилении сложности и масштабов общественных отношений. Это, несомненно, требует со стороны правовой системы особого внимания к проблеме предотвращения нарушений, а именно: использование соответствующих предупредительных мер и инновационных подходов к правовому регулированию.

Учет изменяющихся социальных, технологических и экономических условий в процессе нормотворчества способствует повышению эффективности предупредительной функции права.

Тем не менее представляется целесообразным принятие специализированного федерального закона по данному вопросу, что установило бы, как видится, реальные правовые предпосылки для законодательного оформления предупредительной функции права и определило бы перечень субъектов, ответственных за проведение предупредительных мер, направленных на социальную адаптацию потенциальных правонарушителей, а также прозрачные процедуры проведения прописанных в законе соответствующих мероприятий.

Рассмотрение нормативного правового закрепления предупредительной функции права позволяет определить следующие ключевые аспекты ее реализации:

– предупредительная ориентация норм права, когда эти нормы направлены не только на регулирование общественных отношений и наказание за правонарушения, но и на предупреждение возникновения конфликтов и преступлений. Достигается это путем законодательного закрепления мер по предупреждению нарушений, таких как просветительская работа, социальная реклама, образовательные программы;

– система правовых санкций, предполагающая, что общая система права содержит не только наказания за совершение правонарушений, но и меры, направленные на предотвращение

⁶ О безопасности дорожного движения : Федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ : принят Гос. Думой 15 нояб. 2015 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2024).

этих нарушений. Это могут быть предупреждения, штрафы за действия, создающие условия для правонарушений, а также обязательные меры по исправлению выявленных нарушений до их перехода в более серьезные формы;

– правовое регулирование рисков. Здесь особое внимание уделяется регулированию потенциальных рисков для общества и государства, способных привести к разного рода нарушениям. Это включает в себя разработку и внедрение нормативных актов, направленных на минимизацию таких рисков путем систематического планирования и прогнозирования возможных угроз;

– участие общественности: нормативное правовое регулирование предусматривает активное участие граждан и общественных организаций в процессе предупреждения правонарушений, что включает в себя образовательные инициативы, общественный контроль, участие в разработке и обсуждении законодательных инициатив.

Выводы. Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить следующее. Нормативное правовое закрепление предупредительной функции права играет ключевую роль в формировании комплексной системы предотвращения правонарушений. Это подразумевает не только создание норм, непосредственно направленных на предупреждение конкретных видов правонарушений, но и разработку общих принципов предупреждения, интегрированных во все уровни правовой системы.

Сегодня предупредительная деятельность достигла новой стадии развития, что, в свою

очередь, требует более детального пересмотра формулировок целей и задач, являющихся основной исполнительской стратегией в указанной сфере деятельности, а также создания надлежащего комплекса мероприятий для их реализации. В данном случае крайне необходимым является принятие адекватных предупредительных мер со стороны уполномоченных субъектов (включая граждан, общественные организации, судебные и правоохранительные органы) в ответ на различные ситуации, возникающие в обществе. Именно принятие указанных мер, как видится, будет способствовать своевременному предотвращению развития возможных негативных явлений в обществе и государстве, так как будет направлено на устранение первопричин возникновения данных явлений. Это, по нашему мнению, позволит сохранить немалые ресурсы, затрачиваемые на урегулирование последствий правонарушений.

Рассмотрение нормативного правового закрепления предупредительной функции права позволяет выделить ключевые особенности ее реализации, отражающие комплексный подход к данной функции права, содержащий не только законодательное, но и социальное, и технологическое регулирование: участие общественности, использование различных современных технологий, международное сотрудничество с целью создания и функционирования максимально эффективной системы по предотвращению различных правонарушений и укреплению правопорядка в целом.

Список литературы:

1. Глебов А. П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы в исследовании государственных и правовых явлений // Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. М., 1999. 178 с.
2. Горелов Н. С. Предупредительная деятельность: основания и формы реализации. М., 2001. 123 с.
3. Горшенков А. Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации : автореф. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. 24 с.
4. Грачева О. Н. Особенности реализации предупредительной функции уголовного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2015. № 1–2 (17). С. 75–78.
5. Кабанов П. А. Проблемы предупреждения преступности в сфере политики. Нижнекамск, 2001. 39 с.
6. Кабанов П. А. Карательная функция в системе функций юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 205 с.

References:

1. Glebov A. P. Sushchnostno-substancional'nyj i funkcional'nyj podhody v issledovanii gosudarstvennyh i pravovyh yavlenij // Problemy teorii gosudarstva i prava : ucheb. posobie. M., 1999. 178 s.
2. Gorelov N. S. Predupreditel'naya deyatel'nost': osnovaniya i formy realizacii. M., 2001. 123 s.
3. Gorshenkov A. G. Viktimologicheskij aspekt predupreditel'nogo vozdejstviya na prestupnost' v sfere massovoj informacii : avtoref. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod. 1999. 24 s.
4. Gracheva O. N. Osobennosti realizacii predupreditel'noj funkcii ugolovnogogo prava // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Ser.: Pravo. 2015. № 1–2 (17). S. 75–78.
5. Kabanov P. A. Problemy preduprezhdeniya prestupnosti v sfere politiki. Nizhnekamsk, 2001. 39 s.
6. Kabanov P. A. Karatel'naya funkciya v sisteme funkcij juridicheskoj otvetstvennosti : dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2005. 205 s.

7. *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. 218 с.
8. *Карташов В. Н.* Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
9. *Лапшина О. С.* Охранительная функция права в системе функций права и государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 24 с.
10. *Лунев В. В.* Истоки и пороки российского уголовного законотворчества : моногр. М., 2014. 320 с.
11. *Макарова Н. А.* Охранительная функция права и ее реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
12. *Макарова Н. А.* К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 2 (103). С. 194–199.
13. *Мелентьев М. П.* Функции и структура советского исправительно-трудового права : учеб. пособие. Рязань, 1977. 89 с.
14. *Полубинская С. В.* Соотношение общего и специального предупреждения как целей наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 191 с.
15. *Репьев А. Г., Васильков К. А.* «Профилактика» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35–42.
16. *Смирнов А. М.* К вопросу о правовых факторах, снижающих эффективность предупредительной функции Уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28(1–4). № 1. С. 24–31.
17. Уголовно-исполнительное право : учеб. пособие / науч. ред. А. Я. Гришко. Новокузнецк, 2016. 208 с.
18. *Чирков Д. К.* Предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения с проявлением жестокости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 26 с.
7. *Kartashov V. N.* Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, cennost'. Saratov, 1989. 218 s.
8. *Kartashov V. N.* Yuridicheskaya tekhnika, taktika, strategiya i tekhnologiya (k voprosu o sootnoshenii) // Problemy yuridicheskoy tekhniki : sb. st. / pod red. V. M. Baranova. Nizhnij Novgorod, 2000.
9. *Lapshina O. S.* Ohranitel'naya funkciya prava v sisteme funkcij prava i gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2011. 24 s.
10. *Luneev V. V.* Istokii poroki rossijskogougolovnogozakonotvorchestva : monogr. M., 2014. 320 s.
11. *Makarova N. A.* Ohranitel'naya funkciya prava i ee realizaciya v deyatel'nosti organov vnutrennih del : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 23 s.
12. *Makarova N. A.* About the question of sub-function of guarding function of law // Vestnik of Samara State University. 2013. № 2 (103). P. 194–199.
13. *Melent'ev M. P.* Funkcii i struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava : ucheb. posobie. Ryazan', 1977. 89 s.
14. *Polubinskaya S. V.* Sootnoshenie obshchego i special'nogo preduprezhdeniya kak celej nakazaniya : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1987. 191 s.
15. *Rep'ev A. G., Vasil'kov K. A.* "Prevention" as a legal category: in the order of scientific discussion // Saratov State Law Academy Bulletin. 2020. № 2 (133). P. 35–42.
16. *Smirnov A. M.* On the issue of legal factors that reduce effectiveness of the preventive function of the Criminal code of the Russian Federation // Man: crime and punishment. 2020. T. 28 (1–4). № 1. P. 24–31.
17. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo : ucheb. posobie / nauch. red. A. Ya. Grishko. Novokuzneck, 2016. 208 s.
18. *Chirkov D. K.* Preduprezhdenie organami vnutrennih del prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi v sostoyanii narkoticheskogo op'yaneniya s proyavleniem zhestokosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2001. 26 s.

Для цитирования:

Мальцева Татьяна Владимировна. Особенности общеправового понимания и закрепления предупредительной функции права // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70). С. 124–132.

For citation:

Mal'ceva Tat'yana Vladimirovna. Peculiarities of the General Legal Understanding of Fixing the Preventive Function of Law // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 2 (70). P. 124–132.